

право народов на самоопределение:

ИДЕЯ И ВОПЛОЩЕНИЕ

W 103

2400

32
П-68

Просветительская группа по правам человека
Правозащитный центр «Мемориал»

ПРАВО НАРОДОВ НА САМООПРЕДЕЛЕНИЕ: ИДЕЯ И ВОПЛОЩЕНИЕ

13641

В. Инфимовичев
Грозный

"ЗВЕЗДА"

Москва, 1997

В. Инфимовичев Грозный

Издательская программа Общества «Мемориал»

Редакционная коллегия:

А.Ю.Даниэль, А.С.Еремина, Т.И.Касаткина (председатель),
М.М.Кораллов, Н.Г.Охотин, Я.З.Рачинский, А.Б.Рогинский

Составитель А.Г.Осипов

Работа выполнена при финансовой поддержке
Института «Открытое общество» — Фонда содействия

СОДЕРЖАНИЕ

От составителя	5
Д.В.ГРУШКИН. Право народов на самоопределение: история развития и воплощения идеи	6
Введение	6
ИСТОРИЯ ИДЕИ	7
Европейское Просвещение и Великая французская революция	7
Европейский ирредентизм и «принцип национальности» в XIX веке	7
XX век. Вильсон и большевики	8
Конвенция Монтевидео	9
Атлантическая хартия	10
Принцип самоопределения в Уставе ООН	10
Процесс деколонизации и резолюция ГА ООН 1514 (XV) от 14 декабря 1960 года	11
Идея самоопределения народов в Пактах о правах человека	12
Резолюция ГА ООН 2625 (XXV) от 24 октября 1970 года	13
Новейшие тенденции	14
Содержание теоретических дебатов	15
ИСТОРИЯ ВОПЛОЩЕНИЯ ИДЕИ	18
XVIII и XIX век. Независимость Норвегии и Ирландии	18
Версальская система	20
Деколонизация после второй мировой войны	22
Биафра, Сингапур, Бангладеш, Эритрея	26
Оккупированные территории. Намибия	27
Внутригосударственное самоопределение	27
Распад Югославии. Позиция Европейского Союза	29
Заключение	32
 Материалы семинара	
Список участников	35
А.ОСИПОВ. Вступительное слово	37
И.БАИЩЕНКО. Содержание права народов на самоопределение	41
Г.СТАРУШЕНКО. Самоопределение как правовая основа предотвращения конфликтов и защиты прав человека	52
С.СИРОТКИН. Имеет ли «право на самоопределение» отношение к праву?	65
О.ЕГОРОВ. Коллективные права и самоопределение	71
А.ОСИПОВ. Можно ли ввести самоопределение в правовые рамки?	74
Дискуссия: Содержание идеи права народов на самоопределение	87
С.ЧЕРВОННАЯ. Политический фактор и исторический контекст самоопределения народов	104
В.ПОНОМАРЕВ. Право на самоопределение и деколонизация советской империи	114
Дискуссия: Специальные права, групповые права, коллективная ответственность ..	116
С.АККИЕВА. Лозунг национального самоопределения и политическая борьба в Кабардино-Балкарии. 1989-1996	130
С.РОМАНЕНКО. Национальное самоопределение и «славянская идея»	138

Дискуссия: Самоопределение, национализм, этнические конфликты	152
А. КУХИАНИДЗЕ. Национальные меньшинства Восточной и Южной Грузии	166
А. КУЗЬМИН. Самоопределение элит	170
В. КУЧЕРИНЕНКО. О парадигме национального самоопределения	173
Дискуссия: Самоопределение, национальное государство, мультикультурализм	176
Дискуссия: Самоопределение и права человека	187
А. ОСИПОВ. Заключительное слово	200

Приложения

Устав Организации Объединенных Наций	204
Международный пакт об экономических, социальных и культурных правах	205
Конвенция Международной Организации Труда № 169 о коренных народах и народах, ведущих племенной образ жизни, в независимых странах	206
Декларация о предоставлении независимости колониальным странам и народам	207
Декларация о недопустимости вмешательства во внутренние дела государств, об ограждении их независимости и суверенитета	208
Декларация социального прогресса и развития	208
Основные принципы правового режима комбатантов, борющихся против колониального и иностранного господства и расистских режимов	209
Декларация о принципах международного права, касающихся дружественных отношений и сотрудничества между государствами в соответствии с Уставом Организации Объединенных Наций	209
Хартия экономических прав и обязанностей государств	210
Декларация о воспитании народов в духе мира	211
Декларация о праве на развитие	211
Венская декларация и программа действий	212
Заключительный акт Совещания по безопасности и сотрудничеству в Европе	213
Итоговый документ Венской встречи 1986 года представителей государств-участников Совещания по безопасности и сотрудничеству в Европе, состоявшейся на основе положений заключительного акта, относящихся к дальнейшим шагам после совещания	214
Африканская хартия прав человека и прав народов	214
Декларация о критериях признания новых государств в Восточной Европе и Советском Союзе	215
Московская декларация о защите интересов многонациональных государств	216
Всеобщая декларация прав народов	217
Азиатско-тихоокеанская декларация человеческих прав индивидов и народов	217
Тунисская декларация о правах человека и правах народов	218
Список литературы	219

От составителя

Сборник включает материалы научно-просветительского семинара «Право народов на самоопределение: идеология и практика», проведенного региональной правозащитной организацией «Просветительская группа по правам человека» при финансовой поддержке Института «Открытое общество» — Фонда содействия (проект С 2А601) в Москве 22–23 марта 1997 года. В семинаре приняли участие юристы, конфликтологи, этнологи, члены правозащитных организаций из России, Азербайджана, Грузии, Латвии, Литвы, Украины.

Обсуждая фигурирующую в ряде международно-правовых документов идею «права народов на самоопределение», выступавшие стремились определить возможности и формы ее практического применения, выяснить, насколько она соответствует задачам защиты прав и свобод человека. Наряду с теоретическими вопросами обсуждались проблемы, стоящие перед правозащитным движением в условиях этнических конфликтов и в связи с деятельностью национальных движений, использующих лозунг «самоопределения народов».

Организаторы семинара сочли целесообразным поместить в начале сборника обзорный реферат Дмитрия Грушкина об истории развития и воплощения идеи права народов на самоопределение, написанный специально к семинару и распространенный среди его участников в качестве справочного материала для дискуссии. Помимо прочитанных докладов, в сборник включены фрагменты развернувшейся на семинаре дискуссии. Эти материалы для удобства восприятия сведены в пять тематических блоков. Все тексты докладов и выступлений в дискуссии приводятся без содержательных изменений и отражают только точку зрения авторов. В качестве приложения в конце сборника помещены выдержки из документов международных организаций и список литературы по теме.

От имени «Просветительской группы по правам человека» хочу выразить особую признательность Институту «Открытое общество» — Фонду содействия и лично директору программы Виктории Маликовой, поблагодарить координатора семинара Ольгу Черепову, секретарей Аллу Фридман и Аллу Тебякину, бухгалтера «Просветительской группы по правам человека» Наталью Макарову, референта и составителя приложений Дмитрия Грушкина, ответственных за ведение звукозаписи Михаила Замятина и Дмитрия Шкапова, редактора Ларису Еремину, руководителя издательской программы «Мемориала» Яна Рачинского и его сотрудников, а также администрацию Центрального Дома туриста, предоставившую помещение для проведения семинара.

Право народов на самоопределение: история развития и воплощения идеи

Введение

Идея права народов на самоопределение получила в современном мире широкое распространение: она декларирована в двух «твердых» источниках международного права — Международных Пактах о правах человека, принятых в 1966 году, содержится во многих декларациях Генеральной Ассамблеи ООН, документах межгосударственных и международных неправительственных организаций; к ней часто апеллируют в ходе этнических конфликтов и движений за независимость. Таким образом, пройдя более чем двухвековой путь, она обрела довольно высокий статус.

В то же время идея самоопределения получает разные толкования, и при ее рассмотрении возникает немало вопросов о содержании теоретического конструкта и о возможностях его практического воплощения.

Во-первых, что такое «самоопределение народов» — «принцип» (как о нем говорится в Уставе ООН), то есть некое условие, или «право»?

Во-вторых, как можно и как следует понимать имеющий в конкретных ситуациях разные толкования термин «народ»? Насколько справедлив известный афоризм Айвора Дженнингса, гласящий, что «народ не может ничего решать, пока кто-то не решит, что такое народ»¹? Как совместить «право» одного коллектива («народа») с таким же «правом» другого (например, «право» компактно проживающей этнической группы с «правом» населения государства в целом)?

В-третьих, может ли условное множество (этническая группа или население определенной территории) рассматриваться как субъект права?

В-четвертых, по смыслу формулировок, приведенных в Пактах о правах человека (Ст.1, п.1) и в других документах ООН, «право на самоопределение» декларируется как возможность односторонних действий, направленных на определение политического статуса неких сообществ («народов») и территорий независимо от какого-либо правового контекста и вне каких-либо ограничений. Может ли подобная идея быть основой правового подхода и служить алгоритмом решения межэтнических конфликтов?

В-пятых, что собой представляет «воля народа», как можно ее (если можно) формализовать, измерить и институционализировать? Наиболее известный инструмент «народного волеизъявления» — референдум — едва ли может считаться безупречным.

В-шестых, каким образом могут сосуществовать коллективные права народов и права личности? Существует ли в условиях примата коллективных прав возможность гарантировать индивидуальные права?

Ответы на эти и другие вопросы можно получить, только принимая во внимание культурную относительность концепции самоопределения народов, то

есть исходя из того факта, что эта идея, подобно всем другим социальным идеям, возникла и развивалась в конкретных исторических обстоятельствах и в определенном интеллектуальном и культурном контексте. Проследивая историю идеи, необходимо проводить различие между текстами, в частности правовыми документами, и их интерпретациями на практике.

ИСТОРИЯ ИДЕИ

Европейское Просвещение и Великая французская революция

Возникновение идеи национального самоопределения восходит к эпохе Просвещения и связано с именами таких мыслителей, как Локк, Гроций, де Ваттель, Руссо. Общественная мысль передовых европейских стран пришла к отрицанию абсолютизма (что заложило идейную основу Великой французской революции) и пыталась теоретически обосновать «суверенитет народа» через теорию «естественного права». В первой французской Конституции, принятой 3 сентября 1791 года, декларировалось: во-первых, что люди свободны и обладают равенством в правах от рождения; во-вторых, что цель каждого государства — «обеспечение естественных и неотъемлемых прав человека» и, наконец, что «источник суверенитета зиждется, по существу, в нации»¹. Иными словами, в этом документе закладывались основы для будущей идеи самоопределения народов исходя из естественного права человека, данного ему от рождения. При этом предполагалось, что права и свободы присущи только индивиду, принадлежащему к конкретной нации.

Такой же точки зрения придерживались основатели США, боровшиеся за независимость североамериканских колоний от Англии; они несколько раньше, чем в Европе, закрепили идею самоопределения в своей Декларации независимости, провозгласив право народа изменять или уничтожать форму правления, если та стала губительной для обеспечения «неотчуждаемых прав», «дарованных Создателем». К числу основных они причисляли право на жизнь, свободу и стремление к счастью².

В 90-х годах XVIII века идея народного суверенитета стала истолковываться и как право населения определенных территорий решать, под властью какого государства они хотели бы жить. Подобный идеологический подход использовался правительством революционной Франции для обоснования аннексии Авиньона, Бельгии и Рейнской области.

Европейский ирредентизм и «принцип национальности» в XIX веке

В XIX веке к идее «свободы народов» стали апеллировать национальные и революционные движения — борцы за независимость Польши, Греции и испанских колоний в Америке, итальянские патриоты и силы, выступавшие за объединение Германии. В последних двух случаях эта идея выступала в форме ирредентизма — объединения разрозненных земель, на которых проживали представители одного народа, в единое государство.

¹ Конституции и законодательные акты буржуазных государств XVII—XIX вв.: Сб. документов / Под ред. П.Н.Галанзы. М., 1957. С.250.

² Там же. С.167.

¹ Jennings I. The approach to self-government. Cambridge: Cambridge Univ. Press, 1956. P.56.

Идея необходимости объединения в одном государстве территорий, население которых говорит на одном языке, и проведения государственных границ в соответствии с лингвистическими получила название «принцип национальности». Эту доктрину поддерживали Пруссия и Германская Конфедерация, видевшие в ней действенное средство решения Шлезвигского вопроса. Она была признана как идейная основа объединения Тосканы, Сицилии, Неаполя, Умбрии, а позднее — Венеции, Рима и других территорий, приведшего к созданию Итальянского Королевства. Итальянские патриоты соединяли «принцип национальности» с идеей народного суверенитета и права народа самому распоряжаться своей судьбой.

В середине XIX века получили признание такие процедуры «народного волеизъявления» относительно статуса территорий, как плебисциты и решения представительных, преимущественно выборных, конференций. По результатам плебисцитов произошло присоединение Ниццы и Савойи к Франции в 1860 году, Ионических островов к Греции в 1862 году. Конечно, эти плебисциты были далеки от совершенства, так как идея «всеобщего избирательного права» еще не победила и к участию в голосовании допускался лишь ограниченный различными цензами круг лиц.

Однако в то время идея права населения решать статус своей территории была далека от того, чтобы заместить другую, гораздо более древнюю — право сильного. Так, сообразуясь именно с правом сильного, в 1867 году Пруссия аннексировала Шлезвиг, а в 1871 году присоединила Эльзас и Лотарингию.

Сам термин «самоопределение наций» впервые прозвучал на Берлинском конгрессе 1878 года, приблизительно тогда же в оборот вошло и понятие «право наций на самоопределение». Идея вскоре получила широкое признание и заняла прочное место в программных положениях многих либеральных и социалистических движений. В 1896 году «право наций на самоопределение» было признано Лондонским Конгрессом II Интернационала.

XX век. Вильсон и большевики

XX век воспринимается многими как эпоха самоопределения. В XX веке произошел распад крупных многонациональных государств: Австро-Венгрии, Османской империи, СССР, Югославии. В 1900 году колониальные владения охватывали территорию, имеющую площадь 73 млн. км², с населением 530 млн. человек; к концу века на политической карте мира практически не осталось колоний.

В период первой мировой войны воюющие страны считали своим долгом провозгласить лозунг самоопределения народов, проживавших на землях противника. Особенно часто поднимался польский вопрос: о необходимости его решения говорили еще в 1914 году официальные представители Австро-Венгрии, предлагая суверенитет польскому народу, но в границах собственной империи; об этом же высказывался и великий князь Николай Николаевич, главнокомандующий российской армии, предполагая польское самоопределение внутри России.

Принцип национального самоопределения как возможной нормы послевоенного устройства впервые был выдвинут странами Антанты и США. По поручению английского премьер-министра Ллойд-Джорджа эксперты Foreign Office

подготовили предложения по послевоенному урегулированию, предусматривая применение этого принципа, хотя и только в отношении германских колоний. Кроме того, с начала 1918 года союзники взяли курс на расчленение Австро-Венгерской империи и создание на ее территории государств, находящихся в сфере влияния Англии, Франции, США и других стран коалиции.

Исходя из основных положений, заложенных в американской Конституции, президент США Вудро Вильсон в конце войны и в ходе последующих мирных переговоров выступил как сторонник принципа национального самоопределения. Его концепция не была неизменной — он дополнял и развивал ее, сообразуясь с политической конъюнктурой. В мае 1916 года Вильсон высказывался только о праве народов выбирать такое правительство, при котором им (то есть народам) будет более удобно жить. Таким образом, предлагалась идея «внутреннего самоопределения». Несколько позже американский президент сформулировал принцип «внешнего самоопределения», согласно которому любой народ мог бы выбирать такую форму суверенитета, которую хотел. Наконец, крайняя острота противоречий на европейском континенте, обострившихся в ходе первой мировой войны, привела В.Вильсона к мысли о необходимости «связать» самоопределение с национальным принципом, так что «само-» («self»), которое было призвано решать собственную судьбу народа, все больше и больше приобретало этнический характер. Одновременно В.Вильсон выдвинул принцип невмешательства извне во внутренние дела государства.

В январе 1918 года В.Вильсон выступил с программой мирного послевоенного урегулирования, которая стала известна как «14 пунктов Вильсона». В ней он отметил, что основным субъектом власти является народ, имеющий право на самоопределение. Но пункты 11 и 13 предусматривали появление Сербского и Польского государств, имеющих выходы к морям, то есть предполагалось, что они получат территории с инонациональным населением. В дальнейшем, когда дело коснулось конкретных народов, В.Вильсон подошел к праву на самоопределение очень избирательно, предложив применить право «сецессии» исключительно к народам Четверного Союза.

Положение в мире резко изменилось, когда в России прокатилась революционная волна и бывшая империя предоставила независимость Польше и Финляндии. Правительство большевиков попыталось реализовать выдвинутый еще в 1914 году лозунг заключения немедленного мира без аннексий и контрибуций, бывший в то время довольно популярным в уставшей от войны Европе, и выдвинуло идею права наций на самоопределение в качестве основы национального государственного строительства.

Конвенция Монтевидео

Еще в XIX веке суверенным считалось государство, которое имело политическое признание и статус которого основывался на «праве давности и включении его по обычаю». Однако эта доктрина носила очень расплывчатый и неопределенный характер, так как критерии типа «политическое признание» противоборствующие стороны могли трактовать по своему усмотрению.

Актуальным вопрос о признании государств стал в XX веке, когда международная правовая система приобрела более стройный и логический поря-

док. Действительно, с началом в 1919 году полосы всемирных конференций и образованием Лиги Наций их организаторы попадали в затруднительное положение, определяя, кого следует приглашать на конференцию, кто мог бы стать членом Лиги Наций. Разрешить проблему предполагалось на международной конференции в Монтевидео (1933 год). Итогом этого форума стало принятие Заключительной Конвенции, которая дала правовое определение государства, включив в дефиницию четыре критерия:

- а) постоянное население;
- б) наличие определенной территории;
- в) существование правительства;
- г) способность государства вступать в сношения с другими странами.

Атлантическая хартия

В начале второй мировой войны США и Великобритания стали инициаторами принятия Атлантической хартии (14 августа 1941 года), имевшей целью определить задачи войны для союзников и основные принципы послевоенного устройства. В документе декларировалось, что страны, его подписавшие, не стремятся к территориальным и другим приобретениям; территориальные изменения в мире должны, по их мнению, обязательно находиться «в согласии со свободно выраженным желанием заинтересованных народов». Государства обязывались уважать право всех народов избирать себе форму правления по своему усмотрению.

Принцип самоопределения в Уставе ООН

Окончание второй мировой войны резко изменило геополитическую ситуацию в мире. Во-первых, повысилась роль СССР и появился целый блок государств, ориентирующихся на эту страну (так называемый социалистический лагерь). Во-вторых, в области международных отношений сформировалась биполярная система (капитализм — социализм), при которой четко прослеживаются противоположные интересы сторон, причем в такой степени, что даже локальный конфликт при поддержке одной из сторон мог перерасти в международный. В-третьих, значительно возросла роль массовости политики: вторая мировая война, в которой принимало участие около 110 млн. человек из 72 государств, была войной народов, а не правительств. В-четвертых, на смену Лиге Наций пришла глобальная межгосударственная организация, обладающая большими ресурсами и более действенными инструментами влияния на положение в мире, реально претендующая на роль «третьей стороны» в межгосударственных спорах и пытающаяся создать на новых принципах (прав человека, самоопределения, суверенного равенства государств) мощную и эффективную международно-правовую систему.

В документах, принятых Организацией Объединенных Наций, идея самоопределения получила новую поддержку. Однако в ходе их принятия неоднократно возникали жаркие дискуссии, связанные с двойственностью толкований тех или иных терминов. Так, во время подготовки Устава ООН на VI заседании Комитета I Комиссии I на Конференции в Сан-Франциско 15 мая 1945 года рассматривалась поправка к пункту 2 статьи I, в которой говорилось о «праве народов на самоопределение». Поправка была отклоне-

на, поскольку юристы увидели в ней множество противоречий и неясностей. Например, двояко мог толковаться термин «народы»: непонятно, что имелось в виду — национальные группы или группы, идентичные с населением государств. Это же относилось и к термину «нация». Некоторые эксперты опасались, что положение о праве народов на самоопределение, выдвигаемое в качестве основы дружественных отношений между нациями, может создать юридические основания для вмешательства извне. Анализируя значение предлагаемых принципов «равноправия» и «самоопределения» народов, Комиссия пришла к выводу, что это элементы одной нормы; их соблюдение есть основа для всякого развития; «существенным элементом <...> является свободное и подлинное изъяснение воли народа, а не так называемое изъяснение народной воли, какое имело место в последние годы в Германии и Италии для достижения определенных целей»¹. Идея самоопределения в Уставе ООН не стала «правом», а только «принципом», который применим, правда косвенно, как к территориям, находящимся под опекой, так и к самоуправляющимся территориям².

Идея самоопределения нашла воплощение и в других документах ООН. На VII сессии Генеральной Ассамблеи 16 декабря 1952 года была принята резолюция 637 (VII) «Право народов и наций на самоопределение», в которой подчеркивалось, что право наций на самоопределение является предпосылкой для пользования во всей полноте правами человека; каждое государство — член ООН должно уважать и поддерживать это право в соответствии с Уставом ООН; население самоуправляющихся и подопечных территорий имеет право на самоопределение, а государства, отвечающие за управление этими территориями, должны применять практические меры для реализации этого права. Таким образом, статус идеи самоопределения повышался с «принципа» до «права». На этой же сессии было решено создать Специальный комитет по изучению вопроса — достигли ли территории определенной степени самоуправления.

Процесс деколонизации и резолюция ГА ООН 1514 (XV) от 14 декабря 1960 года

В конце 40-х — 50-х годах Советский Союз при поддержке социалистических стран и новых независимых государств Азии выступал за предоставление фактически неограниченного права на самоопределение колониальным и зависимым странам и народам. В 1960 году на XV сессии ГА ООН резолюция 1514 (XV) «Декларация о предоставлении независимости колониальным странам и народам» вызвала целую волну возражений и протестов, но, тем не менее, была принята. В этом документе отмечена связь между правом народов на самоопределение и индивидуальными свободами.

Вслед за принятием резолюции ГА ООН 1514 (XV) последовала целая серия документов подобного рода, касающихся проблем самоопределения: резолюция 1803 (XVII) от 14 декабря 1962 года «Неотъемлемый суверенитет

¹ [А.Кристенку]. Право народов на самоопределение: историческое и современное развитие. Нью-Йорк, 1981. С.4.

² Там же.

над естественными ресурсами», резолюция 2105 (XX) от 20 декабря 1965 года «Осуществление Декларации о предоставлении независимости колониальным странам и народам» (в этом документе признавалась законность борьбы, которую ведут народы, находящиеся под колониальным господством, за право на самоопределение и предлагалось всем народам оказывать им материальную и моральную поддержку) и т.д.

Важно отметить, что позднее резолюциями Генеральной Ассамблеи ООН так называемые национально-освободительные движения в ряде случаев признавались «единственно законными представителями» соответствующих народов. Иными словами, экстерриториальные общественно-политические организации были фактически приравнены к суверенным субъектам международного права. Речь идет об Организации освобождения Палестины (ООП) и Народной организации Юго-Западной Африки (СВАПО). Так ООП была признана в 1974 году большинством стран ООН в качестве законного представителя палестинцев, с предоставлением ей статуса в Организации Объединенных Наций. Годом раньше ООН декларировала, что признает СВАПО «единственным подлинным представителем народа Намибии».

Идея самоопределения народов в Пактах о правах человека

В Пакт о правах человека, который вначале рассматривался как единый документ, положение о самоопределении было решено включить исходя из того, что:

а) оно «... является источником или непременным условием других прав человека, так как не может быть подлинного осуществления индивидуальных прав без осуществления права на самоопределение»;

б) при составлении Пакта должны быть предусмотрены осуществление и защита принципов и целей Устава, в том числе принципа равноправия и самоопределения народов;

в) ряд положений Всеобщей декларации прав человека непосредственно связан с правом на самоопределение;

г) если это право не включить в Пакт, он будет неполным и недействительным¹.

В 1951 году в ходе обсуждения на VI сессии ГА ООН сторонники включения в Пакт права на самоопределение заявляли, что его применение является основным условием обеспечения мира, безопасности и плодотворного международного сотрудничества, а, следовательно, без этого положения принимаемый документ лишается всякого смысла. При этом они разделяли права народов и права меньшинств, поскольку авторы Устава ООН не намеревались предоставлять последним право на самоопределение. Кроме того, выделялась двусмысленность самоопределения: внутренняя — дающая возможность самоуправления, и внешняя — предоставляющая народу независимость.

На X сессии ГА ООН в 1955 году противники включения в Пакт права на самоопределение подчеркивали, что в Уставе ООН речь идет о «принципе», а не о «праве» народов на самоопределение, в различных документах этот принцип толкуется по-разному. Поскольку право на самоопределение есть коллективное право, то нецелесообразно включать его в документ, излагающий

¹ Там же. С.5.

права индивидуумов. Оппоненты возражали: хотя право на самоопределение и является коллективным, но затрагивает каждого человека, и его изъятие — предпосылка к ограничению прав человека. Государства, принимавшие Устав ООН и признающие его, должны уважать «принцип самоопределения» и вытекающее отсюда «право», имеющее всеобщий и неотъемлемый характер. Последняя точка зрения победила, и положение о праве народов на самоопределение было внесено в тексты обоих Пактов о правах человека (Ст.1).

Резолюция ГА ООН 2625 (XXV) от 24 октября 1970 года

В Ст.2 резолюции 1514 (XV) говорится о том, что «все народы имеют право на самоопределение; в силу этого права они свободно устанавливают свой политический статус и осуществляют свое экономическое, социальное и культурное развитие», в Ст.6 записано, что «всякая попытка, направленная на то, чтобы частично или полностью разрушить национальное единство и территориальную целостность страны, несовместима с целями и принципами Устава Организации Объединенных Наций». Перед мировым сообществом неминуемо встает вопрос о том, как совместить декларирование идеи самоопределения народов с предотвращением сепаратизма. Попытка дать на него ответ была предпринята при разработке принятой ГА ООН в качестве резолюции 2625 (XXV) «Декларации о принципах международного права, касающихся дружественных отношений и сотрудничества между государствами в соответствии с Уставом Организации Объединенных Наций».

Декларация суммирует все основные положения о самоопределении, изложенные к 1970 году в других документах ГА ООН: о «праве всех народов на самоопределение», о необходимости для государств воздерживаться от действий, ведущих к нарушению этого права, и пр. В ней уточняются — следом за резолюцией 1514 (XV) — возможные формы самоопределения: «создание суверенного и независимого государства, свободное присоединение к независимому государству или объединение с ним, или установление любого другого политического статуса, свободно определенного народом, являются способами осуществления этим народом права на самоопределение». В тексте косвенно указывается, что «право на самоопределение» применимо к колониальным ситуациям: «Территория колонии или другой несамоуправляющейся территории имеет, согласно Уставу, статус, отдельный и отличный от статуса территории государства, управляющего ею; такой отдельный и отличный, согласно Уставу, статус существует до тех пор, пока народ данной колонии или несамоуправляющейся территории не осуществит своего права на самоопределение в соответствии с Уставом, и в особенности в соответствии с его целями и принципами». «Ничто в приведенных выше пунктах не должно истолковываться как санкционирующее или поощряющее любые действия, которые вели бы к расчленению или частично-му или полному нарушению территориальной целостности или политического единства суверенных и независимых государств, соблюдающих в своих действиях принцип равноправия и самоопределения народов, как этот принцип изложен выше, и, вследствие этого, имеющих правительства, представляющие без различий расы, вероисповедания или цвета кожи весь народ, проживающий на данной территории».

Таким образом, признается, что правом на «внешнее» самоопределение обладают народы, находящиеся в колониальной или иностранной зависимости; косвенно признается, что часть населения независимой страны может воспользоваться этим правом при невозможности осуществления «внутреннего» самоопределения, то есть участия на равных в управлении государством.

Новейшие тенденции

В Заключительном акте Совещания по безопасности и сотрудничеству в Европе 1975 года «право распоряжаться своей судьбой» признано за всеми народами. Эта же формула приводилась и в более поздних документах СБСЕ. В практике ООН внешнее самоопределение приравнено к деколонизации, однако ни в одном документе нет прямого отождествления этих двух понятий. Хельсинкский Заключительный акт укрепил позиции тех, кто считал, что «внешнее» самоопределение может быть законным не только в колониальном контексте. Следует отметить, что западные страны всегда рассматривали Заключительный акт в качестве не юридически обязывающего «твердого» источника права, а в качестве политического соглашения.

Вместе с тем, Хельсинкский Заключительный акт привлек широкое внимание к принципу нерушимости границ как к универсальной обязывающей норме, противостоящей «внешнему» самоопределению. Принцип взаимного признания и недопустимости насильственного изменения государственных границ закреплён во множестве двусторонних договоров и в ряде региональных актов: Уставе Организации американских государств (1948), Уставе Организации африканского единства (1963) и др.

Некоторые правоведы обращают внимание на то, что в Конвенции Международной организации труда № 169 «О коренных народах и народах, ведущих племенной образ жизни, в независимых странах» аборигенные народы определены достаточно широко, фактически как этнические группы, выделенные в особую категорию и обладающие групповыми правами. Несмотря на оговорку в пункте 3 статьи 1: «Использование термина «народы» в настоящей Конвенции не рассматривается как несущее какой-либо смысл в отношении прав, могущих заключаться в этом термине по условиям других международных правовых актов», Конвенция МОТ № 169 свидетельствует об определенном сдвиге в подходах к выделению субъекта групповых прав.

Позиция, изложенная в резолюции ГА ООН 2625 (XXV), была подтверждена в итоговом документе проведенной под эгидой ООН Всемирной конференции по правам человека 1993 года — Венской Декларации и программе действий, где подчеркивалась недопустимость нарушения или ослабления территориальной целостности государств, но оговаривалось право добиваться независимости для народов, находящихся под колониальной и иными формами зависимости.

Практическое завершение в глобальном масштабе процесса деколонизации, воссоединение Германии¹ и распад СССР, СФРЮ и Чехословакии при-

¹ В преамбуле «Договора об окончательном урегулировании в отношении Германии», подписанного 12 сентября 1990 г., упоминается «право на самоопределение» применительно к немецкому народу.

вели к все более широкому распространению мнения о том, что «внешнее» самоопределение не должно увязываться только с колониальными ситуациями. Многие эксперты отмечают общую тенденцию все более широкого толкования идеи права народов на самоопределение международными организациями и профессиональным сообществом специалистов в области международного права.

Содержание теоретических дебатов

По вопросам, связанным с идеей права народов на самоопределение (ПНС), высказываются не только юристы, но и этнологи, философы, политологи. Размытость основных дефиниций, противоречивость накопленного опыта, специфика дисциплинарных подходов и политическая ангажированность обуславливают значительное расхождение мнений по целому ряду аспектов. В центре внимания оказываются вопросы, связанные с определением политического статуса территорий.

Среди юристов нет единства во мнении о том, каков статус идеи самоопределения народов в современном международном праве. Некоторые полагают, что право народов на самоопределение является высшей императивной нормой международного права *jus cogens* (Р.Тузмухамедов, Н. Gros Espiell, К. Rupesinghe), другие считают, что ПНС может признаваться только при определенных условиях и в увязке с другими правовыми нормами (J. Crawford, A. Cassese). Распространено мнение, что самоопределение народов является не правовым, а политическим или моральным принципом. Многие полагают, что идея самоопределения народов не только не вписывается в правовые рамки из-за неопределенности связанных с ней дефиниций (прежде всего такого понятия, как «народ»), но и провоцирует деструктивные и не поддающиеся регулированию процессы, такие, как сепаратизм и этнические конфликты, вступая тем самым в противоречие с целями Устава ООН (J. Verzijl, R. Emerson, N. Glazer, C. Eagleton, A. Etzioni).

Большинство специалистов придерживаются мнения, что в соответствии с положениями международного права (наиболее четко зафиксированными в резолюции ГА ООН 2625 (XXV) 1970 года и Венской Декларации 1993 года) и сложившейся практикой право на «внешнее самоопределение» относится только к народам, находящимся в колониальной или иной иностранной зависимости или в условиях иностранной оккупации (как население Западного берега реки Иордан). Высказываются мнения, что в иных случаях «внешнее» самоопределение (сепессия) может считаться законной, если власти государства делают невозможным «внутреннее» самоопределение, то есть допускают массовые нарушения прав человека или систематическую дискриминацию, и если нет иного способа изменить сложившееся положение. Все более распространяется мнение, что в плане практической реализации ударение должно переноситься с «внешнего» на «внутреннее» самоопределение, то есть на строительство демократических институтов и механизмов группового представительства (федерализм, автономия и пр.), позволяющих всем членам общества и всем группам эффективно участвовать в управлении и в распределении ресурсов.

А.Этциони, отмечая в целом весьма важную роль самоопределения, в то же время заметил, что оно не может трактоваться как абсолютная ценность, применяемая для всех. С помощью права наций на самоопределение, по его мысли, можно сделать мир более справедливым. Вместе с тем, несмотря на положительную роль этого права в предшествующие периоды, в настоящий момент оно не предстает уже перед мировым сообществом в своей первоизданной чистоте и часто поощряет сепаратизм и хаос¹. По его мнению, юристам надо предпринимать более энергичные действия и вводить ПНС в более четкие правовые рамки.

Директор Норвежского института прав человека А.Эйде подчеркивал, что существуют международные документы, тексты которых допускают широкое и неопределенное толкование идеи самоопределения. В то же время большинство юристов понимают ПНС определенно: народы могут реализовывать это право, только находясь в колониальной зависимости или под оккупацией.

ПНС в толковании, предложенном ООН, считает М.Померанс, концепция противоречивая и опасная, потому что изначально предполагает использование «двойных стандартов», что не поощряет конструктивные и мирные подходы к разрешению кризисов. Главная опасность заключается в возможности неконтролируемых односторонних действий. ПНС может выступать в качестве морального права или политического лозунга, но, стоя на реалистичных позициях, самоопределение нужно трактовать как длительный многосторонний процесс².

Авторы Доклада Центра по правам человека и народов при Падуанском университете, представленного на вторую Хельсинкскую гражданскую ассамблею, проходившую в Братиславе в 1992 году, следуя за другими специалистами, например А.Риго Суреда, выделяют внешний и внутренний характер самоопределения. Первым называется такой тип самоопределения, когда народы самостоятельно, без внешнего вмешательства, определяют свой политический статус в системе международных отношений: «или создавать новое государство, или присоединяться, на федеративной или конфедеративной основе, к другому предсуществующему государству»³. Внутреннее самоопределение осуществляется в рамках одного государственного образования⁴.

Систему двойного стандарта в праве наций на самоопределение подчеркивал Дж. Джекобсон, приведя в качестве примера вторжение американских войск в Панаму. Эта войсковая операция нарушила демократическое право на самоопределение по отношению к жителям Панамы, хотя страна и управлялась чрезвычайно коррумпированным правительством. Президент Норьега был презираем большинством населения, которое сочувственно отнеслось к вторжению войск США, видя в них освободителей от ненавистного режима. Тем не менее, эта кампания подверглась осуждению, поскольку

¹ Etzioni A. The evils of self-determination // Foreign Policy. N 89. Winter 1992–1993. P.34.

² Pomerance M. Self-determination in law and practice: The new doctrine in the United Nations. The Hague: Martinus Nijhoff Publishers, 1982. P.73.

³ Доклад Центра по правам человека и народов при Падуанском университете, представленный на 2-ю Хельсинкскую гражданскую ассамблею (Братислава, 1992) // Материалы парламентских слушаний. М., 1997. 18 февраля. С.3.

⁴ Там же.

ку был нарушен национальный суверенитет Панамы и имело место вмешательство во внутренние дела государства¹.

Требования реставрации, или государственно-политического оформления, этнического сообщества являются «миной замедленного действия», способной взорвать внутригосударственное благополучие и привести к конфликту между общинами-соперницами, полагает М.Коскениеми. Действительно, очень трудно определить, какая из таких общин достойна этнического самоопределения, а какая — нет. При предъявлении сепессионистских требований, как правило, выдвигается контраргумент, что сохранение большого сообщества необходимо, так как разрушение территориальной интеграции, в свою очередь, тоже ведет к нарушению прав на самоопределение².

Анализируя современное состояние правовых норм в области самоопределения, Антонио Кассесе приходит к выводу, что применение этого права для решения текущих проблем в Европе и других регионах следует несколько ограничить. Кроме того, недавний опыт в бывшей Чехословакии и бывшей Югославии показал, что гарантия областной автономии или предоставление права на самоопределение национальным меньшинствам может легко привести к распаду государственного единства³.

«Существует дилемма в концепциях суверенитета и права, причем идея всеобщих прав человека — на стороне необязательного права. С другой стороны, принцип наций на самоопределение колеблется внутри этой дилеммы. К нему вызывают суверенные государства, когда им угрожают внешние силы, к нему же вызывают внутренние силы, стремящиеся к автономии или отделению, которым угрожают репрессии государственных властей. Требование самоопределения с одной стороны постоянно сталкивается с соответствующими требованиями с другой. Соображения порядка, исходящие из того факта, что международные отношения основаны на государственной системе, больше склоняются в пользу суверенитета»⁴.

Есть расхождения в вопросе о том, как должно трактоваться понятие «народ» — как этническое или территориальное сообщество. Большинство склоняются к последнему, однако некоторые специалисты высказывают идеи, относящиеся к области националистического дискурса, — о том, что правом на политическое самоопределение должны обладать так называемые «исконные» или «коренные» этнонации, населяющие определенные территории или административные образования. В основе такой «романтической» позиции лежит представление об этнических группах как базовых структурных единицах человечества, о «воле народа» как высшей ценности и о необходимости удовлетворять все притязания «народа» на самоопределение

¹ Jacobson J. Notes on self-determination // New Politics: A journal of socialist thought. Vol.IV. Summer 1992. N 1. P.53–54.

² Koskeniemi M. National self-determination today: Problems of legal theory and practice // International and comparative law quarterly. Vol.43. April 1994. Part 2. P.260.

³ Cassese A. Self-determination of people: A legal reappraisal. Cambridge University Press, 1995. P.365.

⁴ Остеруд О. Суверенная государственность и национальное самоопределение // Этнографическое обозрение. 1994. № 2. С.25.

ние, если им будет заявлено об отделении от государства, в котором он проживает, и создании собственного государственного образования¹.

Крайности (в данном случае этнонационализм и либерализм) сходятся. Некоторые политические философы рассматривают идею самоопределения с «либеральных» позиций. Например Х.Беран (H.Beran) считает, что если ответственное решение может принимать индивид, то такой же способностью обладает и группа ему подобных. Следовательно, группа является «коллективным индивидом», а государство представляет собой союз индивидов и групп, который должен быть основан на согласии. Если это согласие теряется, то у любой группы есть полное право на отделение и создание собственного государства.

Многие отмечают, что хотя, по общему мнению, национальные меньшинства не обладают правом на «внешнее самоспределение», слабая теоретическая разработка вопроса о различии понятий «народ» и «национальное меньшинство» способствует возникновению конфликтов. Являются ли сербы в Боснии (или албанцы в Косово, или армяне в Нагорном Карабахе) «национальным меньшинством»? В Сардинии, например, действует движение за отделение острова от итальянского государства, обосновывающее свои притязания тем, что сардинцы — самостоятельная нация, хотя официально они считаются лингвистическим меньшинством в составе итальянского народа. Похожая ситуация сложилась в Закарпатской Украине, где существует национальное движение закарпатских русинов за автономную область. Идеологи и сторонники движения считают эту этническую группу самостоятельным, отдельным от украинцев этносом.

ИСТОРИЯ ВОПЛОЩЕНИЯ ИДЕИ

Сложность описания истории того, как практически воплощалась идея права народов на самоопределение, обусловлена тем, что при государственном обособлении какой-либо территории далеко не всегда апеллировали к «праву народов на самоопределение» и называли свершенное «самоопределением», и наоборот, реальное содержание процесса, называемого «самоопределением», нередко оказывается очень далеким от его канонических толкований.

XVIII и XIX век. Независимость Норвегии и Ирландии

В конце XVIII века Франция довольно активно использовала плебисциты для присоединения ряда территорий. В начале XIX века Соединенные Штаты «приращивали» новые земли путем прямых аннексий: у Испании была отобрана Флорида и Алабама, у Мексики — Калифорния, Аризона, Нью-Мексико, Невада, Юта и Колорадо, населенные преимущественно мексиканцами, и т.д. Техас был отторгнут у Мексики и присоединен к США на правах нового штата в 1845 году в результате восстания и последующего «свободного самоопределения» колонистов, ранее переселившихся туда с севера.

¹ См., напр., работы Ю.Барсегова и В.Ступишина, приведенные в «Списке литературы».

Во второй половине XIX века пример неудачной попытки создания собственного государства предприняли южные штаты США. После победы республиканца-радикала А.Линкольна на президентских выборах Южная Каролина первая объявила о своем выходе из Союза, и итоги референдума, проходившего 20 декабря 1860 года, показали, что подавляющее большинство голосовавших поддержали эту идею своего правительства.

Вслед за Южной Каролиной аналогичные решения приняли еще двенадцать штатов, а 4 февраля 1861 года их представители собрались в Монтгомери и объявили о создании суверенного государства «Федеративные Штаты Америки» («Конфедерация»).

Президент Линкольн отказался признать право штатов на выход, нарушив тем самым принцип правового государства, гласивший: «Все, что не запрещено законом, то разрешено». Действительно, в Конституции США не было запрета на выход, следовательно, представители южных штатов в данном случае не нарушали допустимых норм. Последовавшая затем кровопролитная гражданская война, унесшая огромное число жизней, привела к поражению войск «Конфедерации» и упразднению их государства¹.

В начале XX века Норвегия, связанная династической унией со Швецией, отделяется от нее. Следует отметить, что процесс отделения был довольно безболезненным, поскольку Норвегия имела свою автономную политическую систему. Кроме того, расторжение унии подкреплялось одобрением плебисцита, на котором из 371 911 проголосовавших поддержали решение о создании самостоятельного государства 368 208 человек (или 85,4% имеющих право голоса), а высказались против 184 человека. Нужно учитывать и тот факт, что в это время Швеция из-за политического кризиса не сумела активно прореагировать на отделение Норвегии и не стала применять вооруженные силы для подавления выступлений.

В первой половине XX века вопрос о признании вновь образованных государств не вошел еще в сферу правового регулирования. Как правило, мировое сообщество признавало новое государство по факту его провозглашения, как это видно на примере Ирландии.

После победы шинфейнеров (ирландская партия Шин фейн) на выборах в британский парламент их лидеры собрались в Дублине, сформировав собственный представительный орган, который провозгласил независимость Ирландии. В декабре 1921 года был подписан мирный договор между Великобританией и Ирландией, предоставивший последней статус доминиона в составе Содружества, за исключением шести графств Северо-Восточной Ирландии, оставленных в границах Соединенного Королевства. Через десять лет к власти в Ирландском свободном государстве пришла партия Фианна файл, взявшая курс на полный разрыв отношений с Великобританией. Члены партии добились отмены парламентской присяги британской короне и ликвидации военно-морских баз Великобритании на территории Ирландии. В 1937 году, согласно новой Конституции, «суверенное государство Эйре» имело лишь номинальную связь с Соединенным Королевством, а в 1949 году были

¹ Гранин Ю. США: «империя», избежавшая краха // Свободная мысль. 1996. № 12. С. 21–31.

провозглашены независимость Ирландии и выход ее из состава Британского Содружества.

Версальская система

После первой мировой войны серия мирных договоров — Версальский (1919), Сен-Жерменский (1919), Нейский (1919), Трианонский (1920), Лозаннский (1923) между государствами-победителями (Антанта и США) и Германией, Австрией, Болгарией, Венгрией, Турцией — заложила основу так называемой Версальской системы послевоенного мирного урегулирования. На основании этих соглашений перекраивалась политическая карта мира, и хотя декларировалось, что при образовании новых государств представители стран-победительниц исходят из «принципа национальности», на практике использовался чисто конъюнктурный подход.

Была создана Лига Наций, целями которой провозглашались «развитие сотрудничества между народами и гарантия их мира и безопасности». В ходе деятельности этой организации неоднократно поднимались вопросы о самоопределении и о том, к каким народам оно применимо. В 1920 году, рассмотрев спор между Швецией и Финляндией о принадлежности Аландских островов, населенных шведами, но отошедших к Финляндии, комиссия экспертов Лиги Наций пришла к выводу, что национальные меньшинства не должны рассматриваться как субъект «внешнего» самоопределения.

Несмотря на декларирование «14 пунктов» В.Вильсона границы государств пересматривались исходя из политических интересов стран-победительниц, обычно без учета мнения народов, чьи интересы эти изменения затрагивали. Эта политика очень ярко проявилась в ходе девяти плебисцитов по спорным приграничным территориям. Например, референдум 20 марта 1921 года в Верхней Силезии, крупном промышленном районе с этнически смешанным населением на юге современной Польши, показал, что большая часть голосовавших не хочет присоединяться к Польше. В плебисците приняли участие около миллиона человек, а за вхождение в состав Польского государства высказались лишь четыреста тысяч, остальные шестьсот тысяч посчитали, что лучше остаться частью Германии. Недовольное результатами польское меньшинство, при явной поддержке европейских держав, и в первую очередь Франции, подняло восстание, в ходе которого выдвигались лозунги пересмотра итогов референдума и присоединения к Польше. Союзническая комиссия, рассмотрев этот вопрос, пришла к выводу о возможности разделения Верхней Силезии на две части, и Польша получила меньшую, но более развитую в промышленном отношении территорию.

Спорные территории чаще всего передавались под контроль специальной комиссии Лиги Наций, причем индустриальная мощь и полезные ископаемые этих регионов могли использоваться странами, победившими в войне. Например, Саарская область передавалась на 15 лет комиссии Лиги Наций, а угольные копи, расположенные на ее территории, — в распоряжение Франции. Плебисцит, прошедший в 1935 году, позволил Германии присоединить Саарскую область, а затем, согласно договору, выкупить у Франции саарские угольные копи. После второй мировой войны эта область находилась во французской оккупационной зоне, при этом Франция включила ее в свою

экономическую, валютную и таможенную систему. В 1954 году Франция и ФРГ подписали договор «О статусе Саара», согласно которому эта территория передавалась под контроль Западноевропейского союза. Однако данное положение договора было отклонено в ходе референдума в октябре 1955 года, и Саарская область вошла в состав ФРГ.

После 1921 года союзники допускали проведение только тех плебисцитов, которые были им выгодны и гарантировали успех, — опыт в Верхней Силезии давал о себе знать. Так, например, были отклонены предложения о референдумах на западе Австрии, где население намеревалось присоединиться к Швейцарской Конфедерации, и в Восточной Галиции — о возможности отделения от Польши и вхождения в состав Украины.

Для более эффективного решения вопроса о колониальных территориях Германии в 1919 году была введена мандатная система, которая на первых порах имела довольно скромные задачи и «начальная программа» которой «была далека от идей деколонизации»¹. Мандатные территории передавались Великобритании, Франции, Бельгии и Японии. С развитием этой системы многие увидели в ней своеобразную переходную стадию от колоний к полному политическому освобождению. 11 декабря 1931 года крупнейшая колониальная держава — Британская Империя — приняла Вестминстерский статут, по которому ее доминионы получали политические права наравне с независимыми государствами.

Опыт Версальского урегулирования показывает, что действенность референдума как формы выражения интересов воли населения по вопросу о статусе территорий является довольно условной. Плебисцит позволяет лишь зафиксировать отношение индивидуума к той или иной проблеме в данный, конкретный момент и выявить численное соотношение сторонников разных точек зрения. Как показывает мировая практика, есть много примеров манипулирования общественным мнением: односторонняя предвыборная кампания, расплывчатость вопросов, поставленных на голосование, прямая угроза применения военной силы и т.д. Больше того, настроение электората весьма изменчиво под влиянием различных факторов. Характерные примеры из новейшей истории СССР: в марте 1991 года на всесоюзном референдуме жители Азербайджана и Средней Азии почти поголовно проголосовали за единство СССР, а в конце того же года они чуть ли не единогласно высказались за независимость своих республик. Показательно отношение жителей Крыма к собственной государственности: в 1991 году они проголосовали за единство СССР, в декабре того же года дали положительный ответ на референдуме о независимости Украины, в феврале 1993 года на президентских и парламентских выборах победу одержали силы, ориентирующиеся на присоединение к России, а последующий приход к власти проукраинской партии не встретил никаких серьезных протестов.

В 30-е и 40-е годы страны-агрессоры прикрывали прямые территориальные захваты демагогическими призывами к «национальному освобождению» и «национальному воссоединению». Движение судетских немцев под руко-

¹ Остеруд О. Суверенная государственность и национальное самоопределение... С.21.

водством К.Генлейна за автономию и присоединение к Германии было использовано нацистами как инструмент раздела и полного подчинения Чехословакии. «Воля народа» стала предлогом для присоединения Австрии к Германии в 1938 году. В оккупированной японцами в 1931 году Маньчжурии было создано «национальное» государство Маньчжоу-го. Японское правительство обратилось к азиатским народам и национально-освободительным движениям с лозунгами: «Азия для азиатов!», «Вон белых варваров из Азии!», «За создание великой сферы процветания Восточной Азии!» Эти призывы довольно часто получали поддержку: так, Ван Цзинвэй, второй после Чан Кайши лидер гоминьдана, занимая прояпонскую позицию, создал марионеточное правительство, полностью находящееся под контролем Японии.

Декolonизация после второй мировой войны

После второй мировой войны большинство колоний получили независимость, и на карте мира появились новые государства, как правило, имеющие слабую экономическую и неустойчивую политическую системы. Декolonизационный процесс, происходивший в основном между 1945–1965 годами (за эти двадцать лет образовалось 56 суверенных государств, из них 52 в Азии и Африке с населением свыше 1 млрд. человек), позволил этим странам не только обрести независимость и вступить в ООН, но и создать свои межгосударственные организации (Движение неприсоединения, ЛАГ, ОАЕ и др.). Некоторые колонии и подопечные территории в результате референдумов получили статус полноправных административных единиц европейских стран (Франции — Реюньон, Гваделупа, Мартиника) или «свободно ассоциированных территорий» (с США — Гуам, Микронезия, с Великобританией — Бермудские острова).

Декolonизационный процесс проходил под контролем и управлением ООН и при согласии государств-метрополий. Лишь в отдельных случаях европейские державы предоставляли колониям независимость после военных поражений (Алжир, Южный Йемен). Далеко не во всех случаях переход к независимости осуществлялся в результате волеизъявления населения колоний. В 1961 году португальские колонии Гоа, Диу и Даман были оккупированы, а в 1962 году аннексированы Индией без каких-либо консультаций с населением этих территорий, и эти действия не были оценены ООН как акт агрессии.

В 1962 году в Нью-Йорке между Нидерландами и Индонезией было достигнуто соглашение о передаче под управление Индонезии нидерландской колонии Западный Ириан (западная часть острова Новая Гвинея, население которой этнически отлично от индонезийцев), чего добивалась Индонезия. Условием передачи было проведение «свободного волеизъявления» населения этой территории. Это условие фактически не было выполнено: проведенные индонезийскими властями в 1969 году консультации с представительными собраниями местного населения едва ли могут оцениваться подобным образом. Многие представители развивающихся стран оценили происшедшее как замену одного вида колониального владычества на другой. Тем не менее действия индонезийского правительства не встретили

серьезных протестов ни в ООН, ни в мире в целом. Однако стоит отметить, что оккупация и аннексия Индонезией бывшей португальской колонии Восточный Тимор в 1976 году не были признаны мировым сообществом.

Лейтмотивом (не всегда открыто выражаемым) декolonизационного процесса была ликвидация европейского («белого») присутствия в Азии, Африке, Океании и Карибском бассейне. Этим можно объяснить, как правило, негативное отношение ООН к возможности интеграции или вхождения заморских территорий в состав европейских государств. Примером может служить ситуация с Гибралтаром и Фолклендскими островами; являющимися владениями Великобритании. Фолклендские острова — спорная территория между Аргентиной и Великобританией — включены в список территорий, на которые распространяется действие Декларации ГА ООН 1514 (XV) от 14 декабря 1960 года. Мирные переговоры, длившиеся с 1965 по 1982 год, окончились безрезультатно и переросли в вооруженный конфликт на спорной территории. В результате вооруженных англо-аргентинских столкновений победили англичане. Вместе с тем, Аргентина, при определенной поддержке ООН и Комитета ООН по декolonизации, не отказывается от суверенитета над островами. На Гибралтар, полученный Великобританией в 1713 году по условиям Утрехтского мирного договора, предъявляет претензии Испания. Англо-испанские переговоры, проводившиеся ранее в соответствии с решениями ГА ООН от 1966 года, закончились безрезультатно. Референдум среди жителей колонии о ее будущем статусе, проведенный в 1967 году, встретил осуждение ООН. Переговоры о будущем Гибралтара продолжаются до настоящего времени, но проблему суверенитета над Гибралтаром решить пока не удалось.

Обвинению в нескolonизализме (так же, как и Британия, по вопросу о Гибралтаре) подверглась, например, Франция, согласившаяся с желанием исповедующего христианство населения острова Майотт остаться частью французского государства, а не присоединиться к независимому государству Коморы (Федеративная Исламская Республика Коморские острова).

После распада Федерации Родезии и Ньясаленда (31 декабря 1963 года) белые поселенцы Зимбабве (Южная Родезия), составляющие меньшинство населения этой страны, опираясь на поддержку ЮАР, провозгласили в 1965 году независимость страны и создали собственные органы власти. Против правительства Я.Смита выступили африканские национально-освободительные организации — Союз африканского народа Зимбабве (ЗАПУ) и созданный частью его членов после раскола в 1963 году Африканский национальный союз Зимбабве (ЗАНУ), вошедшие в Патриотический фронт. ООН осудила захват власти «белым меньшинством» и признала законность борьбы народа Зимбабве за самоопределение, свободу и независимость. Совет Безопасности ООН ввел также экономические санкции, которые, впрочем, игнорировались ЮАР.

В феврале 1978 года было заключено соглашение о внутреннем урегулировании, а в следующем году провозглашена Республика Зимбабве-Родезия. В сентябре–декабре 1979 года в Лондоне состоялась конференция по Родезии при участии противоборствующих сторон. На ней были достигнуты соглашения о прекращении огня, разработке новой конституции и проведе-

нии выборов, 18 апреля 1980 года была провозглашена независимая Республика Зимбабве и к власти пришли представители ЗАНУ—ПФ. Зимбабве по Конституции — парламентская республика на основе многопартийности. В парламенте 20% мест зарезервировано за гражданами страны белой расы, а в верхней палате представительного органа выделялась квота для вождей местных племен. В 1987 году появилась возможность отменить 20-процентное резервирование мест для белых и ввести пост исполнительного президента страны, возглавившего правительство.

Независимыми государствами становились колониальные владения с границами, установленными государствами-метрополиями. Идея восстановления государственности, существовавшей в доколониальное время, была отвергнута. В ряде случаев Комитет по деколонизации ООН одобрял разделение территории бывших колоний в ходе предоставления независимости, но, как правило, инициативы раздела колоний в соответствии с учетом состава их населения отклонялись.

Например, острова Гилберта и острова Эллис, бывшие единой колонией Великобритании, отделились друг от друга, а в 1978 году острова Эллис, с населением чуть больше 6 тыс. человек и площадью 36 км², стали независимым государством Тувалу, вошедшим в состав Содружества. Это произошло в соответствии с результатами референдума — свыше 90% населения островов Гилберта, на которых проживают в основном микронезийцы. Но идея предоставления независимости по отдельности острову Фернандо-По и Рио-Муни — владениям Испании на Африканском континенте, лишь в 1963 году сведенным в одну административную единицу и имевшим отличное по происхождению и составу население, не получила поддержки ООН, и в 1968 году была образована независимая Экваториальная Гвинея.

Сложный путь к независимости проделала Индия — страна, почти двести лет находившаяся в колониальной зависимости от Англии. В разгар второй мировой войны У.Черчилль однозначно заявил, что провозглашенное в Атлантической хартии право «всех народов избрать себе форму правления» не относится к народам колоний, видимо, имея в виду в первую очередь Индию. Именно поэтому часть националистов во главе с С.Боссом, лидером левого крыла Индийского национального конгресса, в период военных действий перешла на сторону Японии, полагая, что в борьбе с английским колониальным режимом хороши все средства. Правда, идея, выдвинутая С.Боссом, не оказала существенного влияния на ход военных действий в Юго-Восточной Азии. Наоборот, индийские части, воевавшие на стороне союзников, внесли важную лепту в освобождение Бирмы от японцев. В 1942 году министр колоний С.Криппс от имени Великобритании согласился на созыв после войны Учредительного собрания, оговорив при этом право отдельных провинций и княжеств на создание самостоятельной государственности. Это предложение явно шло в разрез с доктриной ИНК, но, в то же время, получило одобрение Мусульманской Лиги. После почти двухлетней конфронтации между представителями ИНК и их сторонниками, с одной стороны, и колониальным правительством, с другой, переговоры продолжились летом 1945 года в Симле. На них вице-король Индии предложил

создать ответственный перед английской короной и парламентом Всеиндийский исполнительный совет, который формировался бы исключительно по религиозному, а не политическому признаку. Данное предложение было отвергнуто как представителями ИНК, так и сторонниками Мусульманской Лиги. Последовавшие затем массовые антианглийские выступления привели к тому, что глава лейбористского кабинета министров Великобритании К.Эттли провозгласил Индию доминионом, предоставив ей право при выборах иметь две курии: мусульманскую и индусскую. Выборы показали, во-первых, высокий авторитет ИНК, получившего подавляющее большинство голосов избирателей, и, во-вторых, острые противоречия, возникшие на этноконфессиональной основе. Мусульманская Лига решила не входить в Исполнительный совет, возглавляемый Д.Неру, одновременно вспыхнули индо-мусульманские столкновения.

Выход из создавшейся ситуации был предложен англичанами (план Маунтбеттена). Суть его сводилась к разделу Индии на два доминиона: Индию и Пакистан. 15 августа 1947 года Индия наконец добилась независимости, а 26 января 1950 года она была провозглашена республикой. По Конституции 1950 года Индия является федеративным государством, состоящим из 25 штатов и 6 союзных территорий.

Особый случай представляет бывшая испанская колония Западная Сахара, не имеющая до настоящего времени определенного статуса, — ее будущее подлежит урегулированию согласно решениям ООН и ОАД. Еще в 1966 году XXI сессия ГА ООН приняла резолюцию, призывавшую Испанию провести под эгидой ООН плебисцит в Испанской Сахаре по вопросу самоопределения этой территории. Аналогичные резолюции принимались и на других сессиях ГА ООН и на сессиях ОАЕ. 16 октября 1975 года Международный суд в Гааге принял заключение, в котором указал, что в доколониальное время эта территория не была «ничьей землей». Суд признал существование исторических связей между племенами, проживавшими здесь, с племенами Мавритании и королевством Марокко, но отметил, что это не может препятствовать осуществлению населением Западной Сахары права на самоопределение.

В 1975 году Испания официально передала административные функции на управление Западной Сахарой Марокко и Мавритании и вывела свои войска из региона. В то время как Мавритания в 1979 году отказалась от части Западной Сахары, Марокко, напротив, аннексировало значительную ее территорию.

Несколько раньше (в 1973 году) был создан «Народный фронт за освобождение Сегет-эль-Хамра и Рио-де-Оро» (Фронт ПОЛИСАРИО), поставивший своей целью ведение борьбы за полную независимость народа Западной Сахары. Через шесть лет после его основания (в ноябре 1979 года) ГА ООН признала Фронт ПОЛИСАРИО «единственным и законным представителем народа Западной Сахары».

XVIII сессия Ассамблеи ОАЕ (июнь 1981 года), после заявления короля Марокко Хасана II о согласии на проведение в Западной Сахаре плебисцита, выступила с одобрением этого мероприятия. Через два года на XIX сессии Ассамблеи ОАЕ была принята новая резолюция, предполагающая проведе-

ние между Марокко и Фронтом ПОЛИСАРИО (Западная Сахара) переговоров о прекращении огня и проведении референдума под контролем международных организаций. Аналогичные резолюции приняла ГА ООН на своих XXXVIII, XXXIX, XL и XLI сессиях. В августе 1988 года Генеральный секретарь ООН выступил с «планом мира», предусматривающим прекращение огня, сокращению марокканских войск на территории Западной Сахары и размещению их в определенных местах, создание временной администрации во главе с представителем Генерального секретаря ООН для подготовки и проведения референдума о самоопределении (за интеграцию с Марокко или государственную независимость). XLII и XLIII сессии ГА ООН выступили с поддержкой усилий Генерального секретаря ООН.

Биафра, Сингапур, Бангладеш, Эритрея

Поддержка мировым сообществом и ООН деколонизационного процесса сочеталась с негативным отношением к сепаратизму и попытками нарушить территориальную целостность новообразованных государств.

Неудачей окончилась попытка добиться государственной независимости для Восточной Нигерии, населенной народом ибо. После обретения независимости и произошедших затем военных переворотов правительство Нигерии решило провести в сентябре 1966 года в Лагосе Всенигерийскую конференцию с целью достижения соглашений относительно будущего страны. Однако, в связи с бойкотом конференции представителями Восточной Нигерии и сложным положением в Северной Нигерии, она была отложена на неопределенный срок. Мирные переговоры федерального правительства с губернатором Восточной Нигерии О.Оджуквой закончились неудачей. В январе 1967 года состоялось совещание военных руководителей Нигерии, на котором О.Оджуква требовал предоставить административным территориям больше полномочий, что фактически означало бы создание федеративного государства. Его позиция была бескомпромиссной, и 30 мая 1967 года О.Оджуква объявил о создании независимой республики Биафра. Тридцатимесячная гражданская война между федеральными войсками и армией Восточной Нигерии закончилась капитуляцией последней.

Однако в единичных случаях попытки сецессии увенчались успехом. В 1965 году Сингапур объявил о выходе из состава Федерации Малайзия. Решение было принято правящей верхушкой Сингапура в ходе затянувшегося политического кризиса в Малайзии и не подкреплялось каким бы то ни было массовым волеизъявлением населения. Тем не менее вскоре Сингапур был признан Великобританией и рядом стран Европы и Юго-Восточной Азии независимым государством и стал полноправным членом ООН.

Образованный при разделе Британской Индии по религиозному признаку Пакистан состоял из двух территориально отделенных друг от друга единиц — Западного и Восточного Пакистана, население которых различалось в этническом и языковом отношении. Политика, проводимая правительством страны в Восточном Пакистане, вызывала резкое недовольство населения и элиты этой территории. Вспыхнувшее в 1971 году вооруженное восстание было поддержано индийскими войсками. Восточный Пакистан был провоз-

глашен независимой Народной Республикой Бангладеш, которая вскоре получила международное признание и в 1974 году стала членом ООН.

Успехом в конечном итоге завершилось движение за отделение Эритреи — территории, входившей в состав Эфиопии. По решению ООН с 1952 года Эритрея стала автономной единицей федеративной Эфиопии. В ноябре 1962 года законодательное собрание Эритреи под давлением центральных органов власти приняло решение об объединении с Эфиопией в унитарном государстве. Но в 70-х годах усилившиеся сепаратистские тенденции привели к вооруженным столкновениям с эфиопскими войсками. После длительного периода противодействия и переговоров эфиопское правительство согласилось признать новое государственное образование, и в 1993 году Эритрея получила независимость.

Оккупированные территории. Намибия

После второй мировой войны ЮАР отказалась включить Намибию (бывшая мандатная территория Лиги Наций) в систему опеки ООН и практически произвела аннексию территории. В резолюции от 27 октября 1966 года ГА ООН постановила прекратить действие мандата ЮАР над Намибией (до 1968 года страна называлась Юго-Западная Африка), а в декабре 1973 года официально признала Народную организацию Юго-Западной Африки (СВАПО), в течение десяти лет ведущую борьбу за независимость, «единственным подлинным представителем народа». 29 сентября 1978 года Совет Безопасности ООН принял резолюцию 435, в которой одобрялся план ООН, предусматривающий практические шаги по предоставлению Намибии независимости. Лишь в мае 1988 года начались переговоры об урегулировании положения на юго-западе Африки с участием Анголы, Кубы, США и ЮАР, завершившиеся подписанием ряда соглашений (декабрь 1988 года), подтвердивших необходимость следовать «плану ООН». В начале следующего года в страну были введены военный и гражданский контингент ООН, а основная часть войск ЮАР оставила территорию Намибии. В ноябре 1989 года под контролем ООН прошли всеобщие выборы, на которых СВАПО получила 57% голосов избирателей. 21 марта 1990 года Намибия стала независимой и суверенной.

Внутригосударственное самоопределение

В некоторых странах проводились реформы, официально обозначавшиеся как «национальное (в этническом смысле) самоопределение» или хорошо описываемые термином «внутреннее самоопределение» (хотя он и не фигурирует в международном праве).

Начавшийся после провозглашения большевиками в 1918 году Декларации прав народов России процесс создания «национально-территориальных автономий» и «национально-государственных образований» стал обозначаться термином «самоопределение». В документах Коммунистической партии и в специальной литературе союзные и автономные республики вместе с «национально-административными образованиями» типа автономных областей и округов квалифицировались как формы «самоопределения» наций и народностей, давших им название. (Эта идея нашла отражение в принятых в

1989–1990 годах декларациях о суверенитете многих союзных и автономных республик.) Во многих случаях в 1920–1930-е годы изменение статуса территорий оформлялось через волеизъявление населения, конференции депутатов или решения съездов Советов. Похожая политика «национально-государственного строительства» с аналогичным идейным обоснованием проводилась в Югославии и Чехословакии.

Ярким примером политического самоопределения внутри государства является Испания, в которой признается и гарантируется «право на автономию для национальностей и районов, ее составляющих, а также солидарность между всеми ними»¹. Конституция Испании предусматривает создание в структуре государства региональных автономных объединений (Ст. 137) путем интеграции граничащих друг с другом провинций, имеющих «общие черты исторического, культурного и экономического развития, островные территории и провинции».

В США идея самоопределения использовалась при определении статуса индейских общин. С 1934 года по закону Уилера-Ховарда индейская община считалась особой формой самоуправления коренных жителей США (индейские общины имели прямое финансирование в области здравоохранения, образования и т.д.). В 1946 году положение общин стало еще более автономным: им было предоставлено право предъявлять федеральному правительству земельные иски. Условно это положение можно назвать «внутренним самоопределением», но под жестким общегосударственным контролем.

Одновременно с 1949 года набирает силу кампания по сокращению преимуществ и льгот, предоставляемых правительством США индейским общинам. Так, в пакете законопроектов, представленном на обсуждение Конгресса членами демократической партии, предполагалось: снять попечительство над индейскими фондами, распространить на резервации юрисдикции штатов, ликвидировать финансовую помощь индейским общинам². Эта политика была продолжена и республиканской администрацией Эйзенхауэра, и 1 августа 1953 года Конгресс подтвердил согласие с правительственной программой, провозгласив в резолюции № 108 снятие федеральной опеки, всех видов контроля и ограничений, которые затрагивали бы индейские общины (политика «терминации»)³. Однако сложность в проведении терминации федеральным правительством, неподготовленность бывших общинников к условиям рынка наемного труда заставили палаты Конгресса принять совместную резолюцию от 2 марта 1959 года, в которой фактически замораживались мероприятия по ликвидации общин коренного населения США, а сам процесс терминации провозглашался лишь конечной целью политики правительства.

После прихода к власти Д.Кеннеди, 17 апреля 1961 года была принята программа по индейскому вопросу, с одной стороны, негативно оценивав-

¹ Конституция Испании. Вводный раздел // Испанская Конституция и законодательные акты. М., 1982. С.30.

² Стельмах В.Г., Тишков В.А. Статус аборигенов и индейская политика правительства // Коренное население Северной Америки в современном мире. М., 1990. С.94.

³ Там же. С.97.

шая предыдущую политику терминации, а с другой, провозгласившая курс на постепенную ликвидацию особого положения и противопоставления коренного населения другим гражданам США.

Следующим шагом был гражданский закон № 284 о правах индейцев, принятый 11 апреля 1968 года и разрешивший штатам распространять свое уголовное, а иногда и гражданское законодательство на территории резерваций. В этот же период начинается мощное движение коренного населения за отмену резолюции № 108. Возглавило его Движение американских индейцев, предпринявшее целую серию радикальных акций протеста.

Пересмотр политики терминации был продолжен президентом Л.Джонсоном, обратившимся 6 марта 1968 года в Конгресс с посланием «Забывтые американцы», в котором призвал с уважением относиться к национальному достоинству и особому положению индейцев. Созданный распоряжением № 11399 президента так называемый Национальный совет по равным возможностям индейцев (НКИО) подготовил к январю 1970 года пакет основных рекомендаций по проблемам коренного населения Америки. Этот проект предусматривал сохранение и укрепление внутренней общинной автономии индейцев, создание ими собственных планов социально-экономического развития резерваций и, наконец, усиление государственной помощи коренному населению. Рекомендации НКИО были с одобрением восприняты новым президентом Р.Никсоном и воплотились в новом курсе федерального правительства, фактически восстановившем status-quo между государством и индейцами, подобное довоенному.

28 июня 1973 года по инициативе сенатора Г.Джексона Конгресс принял резолюцию, в которой подчеркивалась необходимость восстановления статуса терминированных общин, а через полгода вступил в силу закон о возобновлении привилегий и статусных льгот общине меномини, положивший начало процессу восстановления справедливости по отношению к коренным жителям США. Принятый 4 мая 1974 года закон о содействии индейскому самоопределению подтвердил особое положение индейцев и обязательства федерального правительства относительно коренного населения. Таким образом, сложилась особая система отношений между правительством и индейцами, имеющая целью предоставить возможность последним осуществить самоопределение в границах единого американского государства.

Распад Югославии. Позиция Европейского Союза

С начала 90-х годов одной из сложнейших проблем международной политики стал «югославский конфликт» и определение отношения к нему мирового сообщества. Вначале ЕС рассматривал возможность признания республик, вышедших из состава СФРЮ, лишь при условии, что оно будет результатом соглашения противоборствующих сторон. Так, 20 июня 1991 года министры иностранных дел стран СБСЕ на конференции высказывались за сохранение «единства и территориальной целостности Югославии» и мирное урегулирование внутриюгославских проблем. Однако по мере развития военных действий в Словении, Хорватии и Боснии—Герцеговине позиция ЕС стала эволюционировать к признанию бывших федеральных республик в качестве независимых.

В начале июля 1991 года членами ЕС был предложен первый план мирного урегулирования, признающий право народов Югославии самим определять свое будущее, но исходя из норм международного права, в том числе относящихся к территориальной целостности государств. Таким образом, Евросоюз заложил фундамент для законного вмешательства в дела Югославии, и внутренние дела СФРЮ получили международный резонанс. Принятие этого плана означало изменение трактовки ПНС, поскольку раньше это право толковалось исключительно в пользу народов, борющихся против колониального господства. Кроме того, план предполагал, что никакая односторонняя акция, особенно военная, не может быть одобрена. Иными словами, общий принцип международного права получает новое применение, так как запрет на использование силы, как правило, ограничивается межгосударственными отношениями.

На VII Межпарламентской конференции по сотрудничеству и безопасности в Европе (июнь 1991 года, Вена) югославский конфликт был в центре внимания. Конференция приняла резолюцию, в которой предложила СФРЮ, Словении и Хорватии сесть за стол переговоров и уладить спорные вопросы мирным путем. Вместе с тем отдельные члены ЕС (Австрия, Германия) стали склоняться к мысли о признании государств, объявивших о своей независимости. Основной причиной такого подхода стал аргумент, что «первоначальная поддержка «единой и демократической» Югославии способствовала разрастанию внутреннего конфликта, поскольку таким образом военным как бы обеспечили «алиби» для вооруженного вмешательства»¹.

7 октября 1991 года истек трехмесячный мораторий на провозглашение независимости Словении и Хорватии, введенный на сессии Совета ЕС в Люксембурге. Представители «двенадцати» активизируют свою посредническую деятельность и добиваются согласия республик отказ от идеи полной независимости и замену федеративного государства конфедеративным. Право народов на самоопределение в данной ситуации начинает одерживать верх над принципом неприкосновенности границ.

В декабре 1991 года ЕС решило прибегнуть к жестким экономическим санкциям, которые предполагали денонсирование договора о торговле и сотрудничестве ЕС с Югославией, прекращение экономической помощи и т.д. Одновременно заявлялось, что финансовая помощь будет оказана тем югославским республикам, которые станут содействовать планам ЕС по мирному урегулированию. 2 декабря экономическая помощь и финансовые привилегии были предоставлены Словении, Хорватии, Македонии и Боснии—Герцеговине. 11 декабря 1991 года Генеральный секретарь ООН Перес де Куэльяр представил Совету Безопасности ООН план по введению в Югославию «голубых касок», и в ходе трехмесячной дискуссии Совет Безопасности ООН и новый Генеральный секретарь ООН Б.Бутрос-Гали сочли возможным ввести этот план в действие.

16 декабря 1991 года страны—члены ЕС провозглашают курс на признание новых государств при условии соблюдения ими демократической формы

¹ Абазова Л.С. Мировое сообщество и интернационализация югославского кризиса // Югославия в огне. М., 1992. Т.1. С.246–247.

правления, уважения прав меньшинств, нерушимости границ и возобновления соответствующих обязательств по разоружению.

В декабре же парламент Хорватии принял закон, предоставляющий сербскому меньшинству после войны статус автономного управления. Этот акт был положительно встречен мировым сообществом, и Германия первой заявила о признании в одностороннем порядке независимости Словении и Хорватии. Начиная с 15 января 1992 года следует полоса признаний этих новых государств в качестве независимых. Тот факт, что хорватское государство не могло эффективно контролировать всю территорию, на которую претендовало, не повлиял на позицию ЕС.

Справедливости ради следует отметить, что Арбитражная комиссия ЕС рекомендовала не торопиться с признанием независимости Хорватии пока нет определенности в вопросе с обеспечением прав сербского национального меньшинства. Кроме того, ООН и США не поддержали Евросоюз, опасаясь, что поспешность действий и выборочное признание могут привести к еще большему обострению взрывоопасной ситуации. Однако ООН все-таки признает свершившийся факт, и 22 мая 1992 года Словения и Хорватия становятся членами этой организации.

Следует отметить, что смена ориентации мирового сообщества не привела к затуханию межнационального конфликта на Балканах. Наоборот, противоречия в Боснии и Герцеговине между тремя этноконфессиональными группами — мусульманами, сербами и хорватами — разгорелись с еще большей силой.

Сербская часть населения (примерно одна треть республики) и сербские депутаты (четверть депутатского корпуса) бойкотировали референдум о самоопределении, однако их голоса не были услышаны.

Позднее мусульмане высказались за сохранение централизованного государства Боснии и Герцеговины, в то время как сербы и хорваты выступали за кантонизацию республики. Вернувшись к роли посредника, ЕС указал, что урегулирование конфликта не должно достигаться за счет ущемления суверенитета Боснии и Герцеговины. Признание мировым сообществом в апреле 1992 года независимости Боснии и Герцеговины развязало руки экстремистам всех мастей, причем в тот момент, когда боснийское правительство уже почти потеряло контроль над основными частями своей территории.

Всю ответственность за кризис в Боснии и Герцеговине страны — члены ЕС и США возложили на Союзную Республику Югославия (СРЮ). В конце весны 1992 года Советом Безопасности ООН был принят «пакет жестких санкций» против Югославии, что, как и раньше, не привело к установлению мира в этом регионе. В конце лета 1992 года на заседании Совета Безопасности ООН по поводу Боснии и Герцеговины были приняты две резолюции, дающие право странам — членам ООН использовать военную силу для доставки гуманитарной помощи в Боснию и Герцеговину и решительно осудившие нарушение прав человека в Югославии.

В своих действиях страны—члены ЕС отошли от классической концепции национального суверенитета, создав тенденцию к более узкому толкованию понятия «внутренние дела государства». Применив принцип права народа

на самоопределение, они ограничили его территориями, образующими федеративное государство.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Более чем за двести лет существования идея самоопределения получила весьма широкое распространение: к ней апеллируют и сепаратисты, и унитаристы. В то же время она несомненно внесла положительный вклад в формирование международного права, в дело освобождения народов от колониальной зависимости и становление новой международной политической системы.

Однако нельзя не учитывать и современное состояние международного сообщества, его интернационализацию, а также противоречия, сложившиеся в правовой системе, в частности, между коллективным принципом самоопределения и индивидуальными правами человека и гражданина. Они нередко вступают в противоречие, что порой приводит к локальным конфликтам, сотрясающим весь мир.

Перед юристами-международниками, политиками и общественными деятелями стоят вопросы регулирования межнациональных и межгосударственных отношений в мире, в том числе проблемы легализации новых государств и выработки общих позиций в связи с деятельностью национальных движений, борющихся за их создание.

Материалы семинара

Список участников

- АВАНЕСОВ Артур — Региональный правозащитный центр «Право» (Пятигорск)
- АККИЕВА Светлана Исмаиловна — Гуманитарный институт Кабардино-Балкарского филиала РАН (Нальчик)
- АЛЕКСЕЕВА Людмила Михайловна — сопредседатель Московской Хельсинкской группы
- АСЕЕВА Анна — Камчатское областное отделение Ассоциации народов севера (Петропавловск-Камчатский)
- БЕЛГОРОДСКИЙ Олег — Правозащитная организация «Равноправие и законность» (Казань, Республика Татарстан)
- БЕРИТАШВИЛИ Давид — Клуб избирателей РАН (Москва)
- БАИЩЕНКО Игорь Павлович — академик РАН, директор Института международного права, Российский университет дружбы народов (Москва)
- БОГОРАЗ Лариса Иосифовна — Московская Хельсинкская группа
- ВАСИЛЬЕВА Татьяна Андреевна — Институт государства и права РАН (Москва)
- ВАСИЛЬЕВА Эжана — Информационный центр коренных народов России «L'auravetl'an» при журнале «Северные просторы» (Москва)
- ВОЛКОВА Галина Михайловна — Информационный центр коренных народов России «L'auravetl'an» при журнале «Северные просторы» (Москва)
- ВОХМЯНИН Дмитрий — Комитет по защите прав человека Республики Татарстан (Казань)
- ГАЛЬВИДИС Роман — Региональный правозащитный центр «Право» (Кисловодск)
- ГАННУШКИНА Светлана Алексеевна — Комитет «Гражданское содействие» (Москва)
- ГЕФТЕР Валентин Михайлович — Правозащитный центр «Мемориал» (Москва)
- ГРУШКИН Дмитрий — Московский государственный университет
- ДАНИЕЛЬ Александр Юльевич — Научно-информационный и просветительский центр «Мемориал» (Москва)
- ДЭНБЕР Рэйчел — «Human Rights Watch/Helsinki» (Москва)
- ЕГОРОВ Олег Юрьевич — президент Международного фонда коренных народов «L'auravetl'an» (Лихтенштейн)
- ЖИТИН Дмитрий — Комитет по защите прав человека Республики Татарстан (Казань)
- ЗАКАРЕИШВИЛИ Паата — Кавказский институт мира, демократии и развития (Тбилиси, Грузия)
- ЗАМЯТИН Михаил Анатольевич — Правозащитный центр «Мемориал» (Москва)
- ЗАНЕГИН Илья — «Молодежная солидарность» (Москва)
- ЗЕЙНАЛОВ Эльдар Эльман оглы — Правозащитный центр Азербайджана (Баку)
- КАЛИНКИН Николай Иванович — журнал «Новое время» (Москва)
- КАСАТКИНА Татьяна Ивановна — Правозащитный центр «Мемориал» (Москва)
- КИКОТЬ Виль Алексеевич — Государственная юридическая академия (Москва)
- КОВАЛЬСКАЯ Галина Яковлевна — журнал «Итоги» (Москва)
- КОРАЛЛОВ Марлен Михайлович — «Мемориал» (Москва)
- КОСОРЕЗ Ольга Ноевна — «Мемориал» (Москва)
- КУЗНЕЦОВ Игорь Валерьевич — Кубанский государственный университет (Краснодар)
- КУЗЬМИН Алексей Сергеевич — Международный институт гуманитарно-политических исследований (Москва)
- КУКЛИНА Ирина Рудольфовна — Британский Совет (Москва)

КУХНИАНИДЗЕ Александр — Тбилисский государственный университет (доцент кафедры политологии), Международная ассоциация кавказских региональных исследований (Грузия)

КУЧЕРИШЕНКО Виктор Александрович — «Мемориал» (Москва)

МИХАЙЛОВ Валентин Вахтангович — Казанское отделение Международной правозащитной ассамблеи (Республика Татарстан)

МУРАШКО Ольга Онуфриевна — Московский государственный университет

НАРУНЕЦ Ромуальд — Вильнюсский педагогический университет (Литва)

НОВИКОВА Наталья Ивановна — Институт этнологии и антропологии РАН (Москва)

ОРАЛОВ Олег Петрович — Правозащитный центр «Мемориал» (Москва)

ОСИПОВ Александр Геннадиевич — Правозащитный центр «Мемориал» (Москва)

ПАСТУХОВА Анна Яковлевна — «Мемориал» (Екатеринбург)

ПЕПИНОВ Фуад Искендерович — Международное общество месхетинских турок «Ватан» (Москва)

ПОНОМАРЕВ Виталий Анатольевич — Информационно-исследовательский центр «Панорама», редактор бюллетеня «Центрально-азиатские страницы» (Москва)

РАПП Ирина Юрьевна — Харьковская правозащитная группа (Украина)

РАЧИНСКИЙ Ян Збигневич — Правозащитный центр «Мемориал» (Москва)

РЕЗНИКОВА Александра — «Мемориал» (Москва)

РОМАНЕНКО Сергей Александрович — Институт славяноведения и балканистики РАН (Москва)

СИРОТКИН Сергей Васильевич — Московский общественный научный фонд, Московский центр правовой информации (Москва)

СМБАТЯН Анна — Российский университет дружбы народов (Москва)

СМИРНОВА Людмила — Ассоциация народов севера (с.Ковран, Корякский автономный округ)

СОКОЛОВ Александр Викторович — Правозащитный центр «Мемориал» (Москва)

СТАРУШЕНКО Глеб Борисович — советник РАН, член-корреспондент РАН (Москва)

СЮГНЕЙ Олег — Информационный центр коренных народов России «L'auravet'an» при журнале «Северные просторы» (Москва)

ТАВРИЗОВ Алексей — «Мемориал» (Москва)

ТАРХАН-МОУРАВИ Георгий — UNDP (Тбилиси, Грузия)

ТКАЧ Роман — «Молодежная солидарность» (Москва)

ТОМАЧИНСКИЙ Павел Клементьевич — Московский антифашистский центр (Москва)

ТРУСЕВИЧ Ольга Георгиевна — Правозащитный центр «Мемориал» (Москва)

ФИЛИППОВ Василий Рудольфович — Московский государственный университет

ФИЛИППОВА Елена Ивановна — Институт этнологии и антропологии РАН (Москва)

ФУРМАН Дмитрий Ефимович — Институт Европы РАН (Москва)

ЦИЛЕВИЧ Борис Леонидович — Baltic Institute (Рига, Латвия)

ЧЕРВОННАЯ Светлана Михайловна — Институт этнологии и антропологии РАН (Москва)

ЧЕРЕПОВА Ольга Ивановна — Правозащитный центр «Мемориал» (Москва)

ЧЕРКАСОВ Александр Владимирович — Правозащитный центр «Мемориал» (Москва)

ЧУЛЬЖАНОВА Люба — Общество «Алтын шор» (Кемеровская обл.)

ШКАПОВ Дмитрий Вадимович — Правозащитный центр «Мемориал» (Москва)

ЭЙСМАН Александр — Правозащитный центр «Мемориал» (Москва)

А.ОСИПОВ

Вступительное слово

Наш семинар был организован «Просветительской группой по правам человека» при активном содействии Общества «Мемориал». Идея провести дискуссию с участием правозащитников, юристов, ученых-гуманитариев, журналистов по проблемам, связанным с лозунгом самоопределения народов, возникла в «Мемориале» давно, и не случайно именно в «Мемориале», то есть среди правозащитников. Почему семинар, посвященный самоопределению, воспринимается нами как важное, нужное и своевременное дело?

Уже девять лет российское общество потрясают различные кризисы и конфликты, а участвующие в них политические силы нередко апеллируют к праву народов на самоопределение и требуют, часто весьма агрессивно, от тех, кто к этим кризисам так или иначе причастен — правозащитников, ученых, журналистов, — ясной политической позиции. Многие задают себе вопрос — как реагировать на те или иные проблемы, связанные с этническими конфликтами и требованиями национальных движений? Принимать ли позицию той или иной партии, которая требует реализации лозунга национального самоопределения, или отстраняться, или вступать в полемику? Это первое.

Второе — это почти та же проблема, но поставленная в ином масштабе и рассматриваемая в ином ракурсе, уже с точки зрения не наблюдателя, выбирающего линию поведения в конфликтной ситуации, а человека, осознающего ответственность за происходящее не только в отдельной «горячей точке», но в целом в стране и в мире, и стоящего перед необходимостью выбора системы ценностей, приоритетов и приемлемых подходов.

Третье. Вопросы, связанные с идеей права народов на самоопределение, представляют большой академический интерес, и не только для юристов. За последние годы ученые-гуманитарии, журналисты, правозащитники, политики собрали много ценной информации, накопили большой опыт общения с национальными движениями, получили возможность на практике проверить действенность многих старых и новых концепций и представлений. Все это нуждается в осмыслении и обсуждении. Чуть позже я позволю себе злоупотребить вашим терпением и особо заострить внимание на наиболее существенных проблемах, которые организаторы семинара хотели бы предложить для обсуждения в первую очередь. А пока — небольшое отступление.

Наш семинар не первое мероприятие, на котором обсуждается идея права народов на самоопределение. В бывшем СССР, в России в частности, она регулярно всплывала на разных конференциях, симпозиумах, семинарах на протяжении последних как минимум девяти лет, с тех пор, как этот лозунг приобрел практическое значение. И на мой взгляд (не знаю, может быть, многие с этим не согласятся), обсуждение почти всегда проходило неудачно и неконструктивно. В значительной степени дело оборачивалось подобным образом из-за того, что в одной аудитории оказывались представители односторонне ангажированных политических сил, прежде всего различных этнических движений, и представители академической среды. Диалог между ними не получался. Обычно такие собрания, как только речь заходи-

да о «национальном самоопределении», скатывались к митингу не самого лучшего пошиба: от дискуссии все быстро переходило к персональным обвинениям и к выяснению, кто шовинист, кто империалист, кто экстремист, а кто борец за свободу и т.п.

Я думаю, что мы сможем этого избежать по нескольким причинам. Во-первых, среди участников семинара нет практикующих политиков и, в частности, представителей национальных движений. Замечу, так случилось не по нашей вине, мы приглашали нескольких депутатов Государственной думы. Во-вторых, сейчас наступил намного более благоприятный период для обсуждения «горячих» тем, связанных с идеей самоопределения, чем это было в 1988 или, допустим, 1995 году. Перестроечная эйфория осталась в прошлом, мы все накопили немалый опыт, знаем цену словам и лозунгам. Закончилась война в Чечне, и резко снизилась вероятность того, что собравшихся будут захлестывать эмоции в связи с соответствующей проблематикой. В-третьих, и это главное, мы имеем шанс заранее договориться о базовых понятиях и ценностях. Почему не получается конструктивный диалог? Не в последнюю очередь из-за того, что люди ведут спор, придерживаясь, скажем, разных иерархий ценностей, не говоря уже о разных сводах понятий и терминов.

Для представителей этнических движений идея «права народов на самоопределение», как и вообще идея, утверждающая бытие этнических коллективов в качестве самостоятельных политических субъектов, самоценна, она, если угодно, выступает для них как экзистенциальная ценность, как ценность сама по себе, независимо от того, к чему приведет ее практическое использование.

Для других людей, и, надеюсь, для правозащитников прежде всего, разные политические лозунги, к каковому может быть отнесен и лозунг самоопределения, выступают в качестве инструментальной ценности. То есть их можно оценивать в зависимости от того, помогают они или нет реализации иных, приоритетных ценностей. И поскольку половина собравшихся в зале — это люди, имеющие отношение к правозащитному движению, понятно, какого рода ценностей придерживается, я надеюсь, большинство нашей аудитории: это, естественно, права и свободы человека и гражданина, законность, правопорядок, мир и международная безопасность.

Теперь я возвращаюсь к теоретическим проблемам, связанным с идеей права народов на самоопределение.

Как известно, идея о праве народов на самоопределение провозглашена на высоком уровне и закреплена в двух документах, которые носят характер международных договоров: Международном пакте о социальных, экономических и культурных правах и Международном пакте о гражданских и политических правах. Она также декларирована в ряде документов, принятых Генеральной Ассамблеей ООН и разными региональными организациями.

Позволю себе напомнить, как звучит Ст.1, п.1 международных пактов о правах человека: «Все народы имеют право на самоопределение. В силу этого права они свободно устанавливают свой политический статус и свободно обеспечивают свое экономическое, социальное и культурное развитие». В Заключительном Акте Совещания по безопасности и сотрудничеству в Европе 1975 года содержится более радикальная формулировка: «Исходя

из принципа равноправия и права народов распоряжаться своей судьбой, все народы имеют право в условиях полной свободы определять, когда и как они желают, свой внутренний и внешний политический статус без вмешательства извне и осуществлять по своему усмотрению свое политическое, экономическое, социальное и культурное развитие».

Таким образом, весьма недвусмысленно проводится идея, что некий коллектив, именуемый «народ», может фактически вне зависимости от контекста определять свой политический статус и, как нетрудно догадаться, статус территории, на которую он претендует, и притом решать этот вопрос в одностороннем порядке. Полномочия этого коллектива оказываются неограниченными и осуществляемыми вне какого-либо внешнего регулирования. Роль каких бы то ни было советчиков, организаторов, координаторов со стороны международного сообщества не предусматривается.

Если народ понимается как совокупность граждан независимой страны, то все становится на свои места: «самоопределение» реально выступает как синоним суверенитета государства со всеми производными — недопустимостью вмешательства во внутренние дела, применения силы и угрозы силой и т.п. Однако при такой трактовке понятие «самоопределения» лишается самостоятельного смысла. Конфликты же возникают из-за того, что в термине «народ» вкладывается совсем другое содержание, не противоречащее приведенным выше формулировкам.

Возникает естественный вопрос — трактовать ли текст Ст.1, п.1 буквально или надо воспринимать его как значок некоей знаковой системы и искать какие-то иные смыслы и интерпретации. И какими бы эти интерпретации ни были, трудно отмахнуться от факта, что идея, именно в таком бескомпромиссном виде, закреплена на самом высоком уровне — в тексте международного договора — и никакие декларации с формальной точки зрения первую, буквальную трактовку отменить не могут.

В дискуссиях о самоопределении неизбежно возникают вопросы о том, что такое народ, и как быть с «правом на самоопределение», если нет однозначного толкования понятия «народ». Лично мне эти вопросы кажутся не самыми существенными. Вполне можно согласиться с рядом юристов-международников, которые высказываются в таком духе: нет смысла давать узкое определение «народа», потому что могут сложиться ситуации, когда оно не будет работать, но если возникает политический кризис и какая-то группа заявляет, что она является народом, и подкрепляет это заявление некими массовыми действиями, то становится очевидным, что эта группа и есть народ. То есть достаточно самых общих критериев, а конкретные определения должны вырабатываться применительно к случаю.

Проблема в другом. Действительно, можно назвать общие ориентиры и можно с их помощью придумать более или менее операциональное определение применительно к каждому конкретному случаю. Но в любой ситуации «народ» (население территории, сообщество, отличающееся по культурным параметрам, или группа членства, например, согражданство) будет представлять собой (в зависимости от точки зрения) статистическое либо символическое множество. Но откуда следует, что статистическое или тем более символическое множество, не важно, население территории или этническая группа, следует рассматри-

вать как коллективный индивид, то есть как социальное тело, которое может ставить рациональные цели, делать выбор, иметь интересы и приобретать какие-то права? Многие находят это само собой разумеющимся, но мне кажется многое здесь, мягко говоря, сомнительным.

В реальности от имени этих статистических или символических категорий выступают какие-то партии, движения или даже харизматические лидеры, и не совсем ясно, почему этим вполне конкретным политическим силам должен быть дан статус и должны быть предоставлены возможности, сопоставимые с возможностями и полномочиями государства. Если такой процесс будет происходить на практике, не слишком ли много неконтролируемых центров силы может возникнуть тогда на международной арене?

Очень важно, что идея самоопределения в большинстве случаев подразумевает односторонние действия от имени части общества, например, одной этнической группы, и следовательно, приглашает людей к конфликту. Встает вопрос, к сожалению, риторический, о том, как этот конфликт может разрешаться, если сама идея подразумевает невозможность какого-либо многостороннего регулируемого процесса.

Какое практическое значение имеют подобные коллизии, мы все знаем. Мы знаем, как лозунг самоопределения понимается и претворяется в жизнь разными этническими партиями, мы знаем, что такое этнические конфликты и что такое этнические чистки. Живые примеры перед глазами: Абхазия, Цхинвальский регион, Босния, Нагорный Карабах и т.д.

За поставленными в самом общем виде вопросами стоят более глубокие проблемы, и я не уверен, что мы будем в силах обсудить их. Я имею в виду прежде всего концепт групповых прав, его культурно-исторические корни и его практическое значение. Говорю — «групповых», а не «коллективных» прав, потому что, насколько я знаю, не будучи специалистом в этой области, последнее понятие намного шире, чем первое. Выражение «коллективные права» имеет как минимум три прочтения: права индивида, реализуемые совместно с другими людьми (право на ассоциацию, на забастовку), «специальные права», то есть права, признаваемые за лицами, относящимися к определенным формализуемым категориям (права инвалидов или беженцев) и «групповые права», признаваемые за группой как таковой, выступающей как субъект права. Хочу напомнить, что в некоторых международных документах правозаглашено не только право на самоопределение, но и другие идеи — типа права на международный мир, право на здоровую окружающую среду, право на развитие и пр. Стоит ли понимать такие формулировки как метафоры или за ними стоит определенная философия? Если последнее, то как эта философия соотносится с идеей защиты прав и свобод индивида? У меня есть свой ответ на эти вопросы, но я думаю, что у каждого из собравшихся в зале тоже есть свои ответы на эти вопросы, и нам было бы, наверное, интересно их позже сравнить.

И еще одно. Сидящие в этом зале этнологи меня прекрасно поймут. При обсуждении проблемы «самоопределения народов», как и других аналогичных проблем, было бы полезно расстаться с традицией «овеществления» наших мыслительных конструкций. Право, в том числе и «право на самоопределение», не есть объективная реальность или что-то, что можно подер-

жать в руках. Как и любая социально значимая идея, «самоопределение народа» есть условность, есть результат неписаной конвенции, заключенной внутри широкого, но в конечном счете ограниченного круга теоретиков и идеологов. И «самоопределение», и другие понятия из этого ряда — «интересы народа», «право народа», «волеизъявление народа» и т.п. — возникли в культурно-историческом контексте и в разных обстоятельствах получали и продолжают получать разные толкования. А это значит, что нет единственно «правильного» языка для описания обсуждаемых проблем: в какой-то аудитории доминирует одна система понятий, в какой-то — другая, но каждая из них является в историческом и культурном смысле ограниченной по своим возможностям. Не менее важно и то, что все понятия могут иметь разные и притом меняющиеся толкования. Нет и не может быть некоего окончательного и истинно верного ответа на возникающие спорные вопросы, — ответ зависит от выбранного языка и выбранной точки зрения. Понимание культурной относительности обсуждаемых понятий и концептов должно приводить к осознанию того, что всегда возможен выбор между разными стратегиями — в теоретических изысканиях и в практической политике. Выбор определяется используемым языком и иерархией ценностей.

И.БЛИЦЕНКО

Содержание права народов на самоопределение

Проблема, которой занимается семинар, архиважна и архиактуальна, потому что это касается не только каждого из нас, но и большого числа народов, которые вплоть до сегодняшнего дня еще не пользуются правом на самоопределение. И прежде всего народов, проживающих в российском государстве.

Что можно сказать по поводу объективного содержания права народов и наций на самоопределение? Прежде всего надо подчеркнуть, что мы четко различаем население, которое проживает на определенной территории, и, как мы привыкли говорить, титульную нацию. Во многих случаях титульная нация составляет меньшинство, как, например, в Казахстане, где казахов около 50 %, или в Абхазии, где абхазов всего 18 %. Следовательно, надо различать два понятия.

Когда мы говорим о праве народов и наций на самоопределение, то должны иметь в виду, что речь идет о народах, проживающих на данной территории. Всех народов. Я высказываю свою точку зрения; кто-то, может быть, с ней согласен, кто-то нет.

Говоря о содержании современного права народов и наций на самоопределение, я имею в виду прежде всего возможности развития данной нации и данного народа. То есть, если данный народ пользуется всеми возможностями для собственного развития, то вопрос о самоопределении фактически решен. Если данный народ не пользуется всеми возможностями для собственного развития, встает вопрос о праве народов и наций на самоопределение.

Таким образом, при ближайшем рассмотрении право народов и наций на самоопределение — это право на развитие каждого народа и каждой нации. Поэтому тот факт, что в документах ООН имеет место смешение этих

понятий, чрезвычайно прискорбен и, очевидно, вызван недостаточной компетентностью тех, кто там заседает.

Проблема самоопределения, как уже говорилось, — это прежде всего проблема развития, и если нация или народ развиваются благополучно, мы с вами должны говорить о том, что они пользуются правом народов на самоопределение вне связи с тем, является ли эта нация независимой или народ независимым или зависимым, то есть находящимся в составе другого государства.

Проблема заключается в том, чтобы каждый представитель данного народа, представитель, будем так говорить, населения, живущего на данной территории, имел возможность высказать свою волю. Когда шли дебаты о независимости Эстонии, то большинство населения, включая русскоязычных жителей, высказалось за независимость. Это факт, и это мы должны признать. Другой вопрос, что потом русскоязычное население выступило против дискриминационного закона о гражданстве. Это следующий, будем говорить так, этап развития. Но существо дела заключается в том, что большинство населения, участвовавшего в голосовании, высказалось за независимость.

Наш институт, Институт международного права, где я имею честь быть ректором, провел международную конференцию, тема которой звучит не совсем обычно: «Автономия и международное право». Встреча была проведена в Батуми при поддержке грузинского и аджарского правительств. На этой международной конференции была принята Батумская декларация «Автономия и международное право». В соответствии с этой декларацией и в соответствии с мнением большинства участников конференции, мы можем говорить о том, что автономия — это форма самоопределения, так как политическая независимость далеко не всегда решает вопросы развития и, следовательно, самоопределения как такового. Африканские государства получили независимость. И что, решили они хоть один социально-экономический вопрос? Не решили. Они как были государствами, зависимыми от метрополий, так и остались, потому что экономические отношения базировались на неравноправных договорах и соглашениях, которые, по существу, продолжают действовать и сейчас.

Когда мы говорим о праве наций и народов на самоопределение, то следует иметь в виду, что это право осуществляется в разных формах. В форме федеративного устройства, конфедеративного устройства или в форме политической независимости. Надо сказать, что в правовой литературе — нашей и зарубежной — появилось несколько статей, где говорилось о том, что принцип самоопределения противоречит принципу территориальной целостности. Ничего подобного — никакого противоречия здесь нет. Принцип территориальной целостности как был, так и остается одним из основных принципов международного права.

Понятие «самоопределение» означает, что каждый народ мирным путем может изменить в том числе и территориальную целостность любого государства. Вы вспомните заявление нашего президента, которое он произнес в Назрани: «Берите суверенитета столько, сколько можете переварить!» Это официальное заявление нашего государственного деятеля, и если государственный политический деятель высказывает эту позицию, то мы должны ее принять как политическую позицию.

Другое дело, что нам невыгодно в связи с чеченской ситуацией утверждать это. Но это уже вопрос политической целесообразности и политической выгоды сегодняшнего дня. А что касается чеченской ситуации, то я вам прямо скажу: она заставила нас — прежде всего юристов-международников — серьезно заняться вопросом автономии. Почему юристов-международников? Потому что мы имеем в Чечне вооруженный конфликт, где одна сторона говорит, что она ведет национально-освободительную войну, а другая говорит, что устанавливает конституционный порядок. Но методы и средства, которыми пользуются и та, и другая сторона, ничего общего с правовым международным урегулированием вооруженного конфликта не имеют.

Я был участником создания дополнительных протоколов к Женевским Конвенциям 1949 года по защите жертв войны. В 1977 году они были подписаны, в 1989 году они были ратифицированы Советским Союзом, и с этого момента Россия как один из правопреемников СССР должна применять эти два протокола в международном вооруженном конфликте и в немеждународном вооруженном конфликте.

Мы должны иметь в виду, что чеченская ситуация подлежит международному урегулированию. Нравится нам или не нравится, это уже другой, политический вопрос. Но с точки зрения международного права, к этой ситуации должна быть применена статья 3-я Женевских Конвенций о защите жертв войны. Другое дело, что и чеченская сторона, и федеральные войска не применяли положения протокола. И больше того, мы сталкиваемся с ситуацией, когда многие солдаты даже не знали о существовании этих протоколов. Не знали о существовании международного гуманитарного права, не знали, что нельзя уничтожать пленных, нельзя уничтожать мирное население, и, выполняя приказы, они уничтожали и мирные деревни, и мирное население. Чеченцы, в свою очередь, отрезали головы нашим военнопленным, что категорически запрещается международным правом. Когда мы сегодня говорим об амнистии, то тут надо очень крепко подумать. Амнистия кому? Военным преступникам (как с той, так и с другой стороны), которые совершали уголовные преступления на территории Чечни? Я не знаю, насколько это будет соответствовать международному праву.

Политически это может быть целесообразно. С точки зрения международного права, мы не имеем сроков давности за эти преступления. Россия является участником конвенции о неприменении срока давности за военные преступления. Если мы провозглашаем амнистию, то тем самым вводим срок давности, а если мы вводим срок давности, то входим в противоречие с обязательствами России по этим соглашениям. Это вопрос, который требует очень серьезного рассмотрения, а не так, захотели — объявили амнистию, когда нужно установить отношения с президентом Чечни, а если не нужно устанавливать отношения, то не объявляем амнистию. Такая ситуация неприемлема.

Возвращаясь к содержанию права наций и народов на самоопределение и к проблеме автономии в нашем Российском государстве, мы должны сделать вывод о том, что автономия — это тоже форма самоопределения. Задача заключается в том, чтобы все население данного района, данной области высказало свое мнение.

Как это сделать — вопрос политический, а не юридический. Это вопрос усилий политиков, правительств, местных властей, центральных властей. Это вопрос, который выходит за рамки международных правовых проблем, но тем не менее задача заключается в том, чтобы обеспечить свободное волеизъявление каждого человека на данной территории, независимо от того, где он сейчас живет, — в Сочи, Москве или в Грозном. Он должен принять участие в этом волеизъявлении. И власти должны это обеспечить. И это самое главное. И конечно же, нельзя осуществлять право на самоопределение за счет другого народа, как, например, Израиль делает это за счет арабского палестинского народа. Это, конечно, ни в коем случае не может быть принято нами, поскольку противоречит положениям международного права. Когда мы говорим о принципе территориальной целостности, то должны иметь в виду, что принцип территориальной целостности предусматривает мирные изменения, я бы сказал, ненасильственные изменения государственности, в том числе и выход из состава государства. Чехословакия разделилась, ГДР вошла в состав ФРГ мирным путем. В Квебеке 51% населения проголосовал за то, чтобы остаться в составе Канадской федерации.

А Эритрея, которая с оружием в руках добивалась политической независимости от Эфиопии, сегодня вновь ставит вопрос о вхождении в ее состав. И это тоже интересно. Это говорит о том, что в условиях политической независимости Эритрея не может решить свои проблемы развития.

Когда мы говорим о праве народов и наций на самоопределение, то должны иметь в виду, что речь идет о самоопределении народов не за счет других народов и без ущерба принципам международного права. И это очень важно подчеркнуть, поскольку некоторые авторы в нашей литературе утверждают, что принцип самоопределения прямо противоречит принципу территориальной целостности. Противоречия нет, и целый ряд примеров говорит, что принцип территориальной целостности спокойно сосуществует с правом народов и наций на самоопределение и не мешает его применению.

Когда мы говорим об автономии и о форме самоопределения в форме автономии, то должны иметь в виду, что самоопределение осуществляется самим народом, всем населением, проживающим на данной территории. Речь идет, если рассматривать конкретный пример Чеченской Республики, о русских, о чеченцах прежде всего, потому что они составляют большинство населения, о греках, армянах — обо всех, кто проживает на данной территории.

Бывают ситуации, как, допустим, в Эстонии, когда большинство населения в том или ином районе принадлежит другой национальности, в данном случае я имею в виду русскоязычное население. Если они там живут не в одном поколении, то вопрос о том, является ли это население коренным народом или не является, носит абстрактный характер. Можно ли считать грузин, проживающих более двухсот лет на территории Абхазии, некоренным народом? Конечно, нет! Они тоже коренной народ. Или русских, или греков, которые проживали там еще раньше, чем абхазы? Считать только абхазов коренным народом неверно.

В нашем институте подготовили монографию, которая выходит в конце апреля, — «Коренное население и международное право», где мы пытаемся осмыслить все эти процессы. Это результат диссертационного исследования

одного из наших аспирантов, однако монография выходит за пределы диссертации и касается различных аспектов прав национальных меньшинств и других ситуаций, с которыми мы сталкиваемся.

Когда мы говорим об автономии, то должны иметь в виду, что у нас в России есть опыт признания за автономией качества субъекта международных отношений, субъекта международного права. Это наши договоры с Татарстаном, договор с Башкортостаном, которые позволяют этим республикам заключать международные соглашения. Да, в определенном отношении эти договоры заключены, чтобы не наносить ущерб федеральной Конституции. Но это уже конкретный вопрос конкретного анализа и конкретной ответственности тех людей, которые этим непосредственно занимаются. Федеральный закон или федеральные договоры с Башкортостаном, с Татарстаном дают основания говорить, что Татарстан имеет право заключать международные договоры с Абхазией, против чего возражало Министерство иностранных дел России, почему — неизвестно. Федеральные власти сами дали Татарстану такую возможность.

Другое дело, что скорее Грузия должна была бы возражать против этих соглашений с Абхазией, потому что по конституции Грузия — унитарное государство. Грузинское правительство выступило с идеей федерализации Грузии, то есть создания на территории Грузии нескольких автономных республик, но трудно сказать пока, как будут идти переговоры. Во всяком случае, определенное продвижение есть, и не в последнюю очередь благодаря конференции, которую мы провели в Батуми. Грузинское правительство, я имею в виду Шеварднадзе, идет по пути заключения соглашений с Южной Осетией, с Абхазией, с Аджарией, по пути признания определенной международной правосубъектности за этими республиками. В какой форме это будет — вопрос переговоров, но сам факт переговоров уже говорит о том, что ради единого государства грузинское центральное правительство идет на определенные изменения в своей политике. И это уже хорошо. Посмотрим, чем это кончится.

Ответы на вопросы

Э.Зейналов. Вы говорили о возможности «всестороннего» развития народов, но история знает, что часто одним из условий развития ставится расширение жизненного пространства.

С одной стороны, во многих случаях есть возможность внешнего ущемления в развитии, потому что государства не могут существовать изолированно. Например, Азербайджан за время своей независимости от России очень пострадал, когда во время войны с Чечней была перекрыта граница с ней и были ущемлены почти 80% его внешних связей. В результате Азербайджан впал в бедность. Был вполне законный повод, никто со стороны России напрямую во внутренние дела Азербайджана не вмешивался, просто-напросто закрыли границу.

С другой стороны, существуют ситуации, когда «самоопределение» выступает как стадия ступенчатой аннексии территорий — вначале самоопределение, а потом объединение с другим государством. Пример — Карабах, где местные армяне говорят, что они отдельная нация, в то время как

Армения не объявила об отмене своей резолюции 1989 года об объединении Карабаха с Арменией. Достаточно характерное явление, что абхазы, осетины пытаются отделиться от «материнских» государств и объединиться с Россией. И российскими властями отношение к этому четко не выражено.

Далее, вы упомянули Абхазию, признанные и непризнанные государства. Мы имеем в Азербайджане такой же случай, что и с Карабахом, когда Крымом устанавливаются прямые взаимоотношения с Карабахом, минуя Баку. Не является ли это замаскированной поддержкой сепаратистского движения?

И.Блищенко. Я должен сказать, что, конечно, эта так называемая политическая независимость чревата различными проблемами и не всегда является панацеей от всех бед. Только в том случае, когда имеет место систематическое нарушение прав и свобод человека, геноцид в отношении одной национальности, может быть целесообразной, на мой взгляд, политическая независимость.

Но насколько целесообразна политическая независимость — вопрос не юридический, это вопрос политический. Что касается Нагорного Карабаха, то мне лично представляется, что наиболее удачный выход для Нагорного Карабаха — это, конечно, автономия в рамках Азербайджана с широкими полномочиями, с возможностями широких контактов с Арменией и с Россией. Это, так сказать, мое мнение. Некоторые карабахцы придерживаются другой точки зрения. В Армении тоже думают иначе.

Кое-кто из карабахцев говорит, что политическая независимость нам нужна для того, чтобы затем включить Нагорный Карабах в Армению. Но это, конечно, противоправная позиция с точки зрения международного права. Другое дело, что это выгодно определенным политическим кругам, поэтому они так и утверждают.

Теперь что касается вашего второго вопроса — кто будет определять направление развития. Конечно, сам народ. Он может ошибаться, как это имело место в Эритрее, но, тем не менее, все последствия ошибки ложатся на тот народ, который ошибается. И тут ничего не сделаешь — другого рецепта, другого решения пока в международных отношениях нет. Вот сейчас эритрейский народ пришел к выводу, что ошибался, воюя тридцать лет за независимость от Эфиопии, и он хочет быть в составе федеративной Эфиопии и свое развитие мыслит только в контексте развития всего эфиопского народа. Я уже говорил, что франкоговорящее население Квебека высказалось за то, чтобы остаться в составе Канадской федерации.

Такие проблемы существуют не только у нас, может быть, не так остро, но они существуют и в Бельгии, и в Испании. Франция до сих пор не признает наличие национальных меньшинств на своей территории, хотя корсиканцы не один год борются за самоопределение. Бретонцы, эльзасцы тоже довольно самобытны и отличаются от остальных французов и по языку и по обычаям. Это нужно иметь в виду, но надо иметь в виду и политические позиции государств. Политические позиции государств могут влиять, конечно, на применение международного права, но они никоим образом не влияют на содержание международного права, на содержание прав и обязанностей, которые предусмотрены в том или ином соглашении, в той или иной норме.

Направление развития определяется самим народом. Да, в настоящих условиях в Чечне большинство населения, думаю, в том числе и русские, будет высказываться за политическую независимость. Значит, надо было это предусмотреть и, соответственно, разработать систему амортизаторов, как говорил наш министр иностранных дел Е.М.Примаков на заседании правительства, признав, в общем-то, что Чечня идет к независимости. Даже если через пять лет в соответствии с Хасавюртовскими соглашениями будет проведено голосование, то население все-таки выскажется за политическую независимость. Надо, чтобы эта независимость была реальной.

Но насколько это будет выгодно или целесообразно чеченскому населению, это будет уже следующий вопрос. На мой взгляд, невыгодно и нецелесообразно, но это моя точка зрения, а у господина Масхадова может быть другая, у господина Удугова — третья.

По поводу вашего третьего вопроса о внешнем факторе. Например, возможности развития арабско-палестинской автономии ущемляются неуспехом переговоров с правительством Израиля. Или ваш пример о закрытии границы российскими войсками. Конечно, мы все за то, чтобы разрешился спор между израильским правительством и арабской автономией, так как это было бы в интересах израильского и палестинского народов. Потому что, если говорить откровенно, между арабским народом Палестины и израильским народом нет большой разницы с точки зрения этнического происхождения. Это один и тот же народ. Только одни мусульмане, а другие иудеи. И когда Арафата спросили: «Какая разница между вами?», он ответил: «Никакой разницы нет, мы один народ». И он правильно сказал. Политические силы заставили эти народы столкнуться друг с другом, и задача заключается в том, чтобы выйти из этого положения, выйти из этого тупика. И если внешние политические силы каким-то образом мешают, то надо выступить против внешних сил.

Насколько я помню, Азербайджан ни разу не выступал против России в связи с закрытием границы. Было несколько нот МИД Азербайджана? К сожалению, я этого не знал. Вопрос о том, что мы предприняли в этих условиях, вызывает с юридической точки зрения, не только с точки зрения политической, массу вопросов. Когда вмешиваются внешние силы, которые обостряют ситуацию, надо этим силам противопоставить цивилизованные методы протеста, стараться заставить эти внешние силы, чтобы они каким-то образом пришли в норму. Как это сделать — вопрос политический.

Следующий ваш вопрос — об аннексии под видом самоопределения. Конечно, она недопустима.

А.Кузьмин. А переход Саара — противоправное явление? По результату референдума Саар был передан Германии. Разве переход населения из одной государственной юрисдикции в другую путем референдума не является формой самоопределения и, соответственно, разговор об аннексии здесь на самом деле означает просто не вполне корректное толкование происходящего?

То, что Франция и Германия сумели по саарскому вопросу найти консенсус, это прекрасно; то, что Армения и Азербайджан этого не умеют, это свидетельство определенного уровня культуры разрешения политического конфликта. С правовой точки зрения, самоопределение как отделение и

самоопределение в смысле перехода в другую юрисдикцию не имеют между собой никаких различий.

И.Блищенко. Я должен сказать, что такие ситуации, конечно, бывают. Мы, в частности, заключили соглашение с Польшей о передаче нам части польской территории и ее населению предоставили возможность выбора: переехать в Польшу или остаться гражданами Советского Союза, — часть населения решила так, а часть решила по-другому. Такие ситуации бывают, и тот пример, который вы приводили, это ни в коем случае не аннексия, потому что под аннексией мы подразумеваем насильственное, а не добровольное присоединение. И с этой точки зрения мы не можем сказать, что референдум в Сааре является формой аннексии.

В.Кучериненко. В международных документах, в частности в двух основных пактах о правах человека, право народов на самоопределение сформулировано очень лаконично, так, что оно допускает двойственное или множественное толкование, чем, собственно, и пользуются. Каждый толкует, как ему удобно. И, очевидно, встанет вопрос о каком-то дополнении, уточнении, коррекции толкования этого текста и этого права. Скажите, пожалуйста, как это делается в международном праве? Составляется новый документ, который отменяет старый, либо в текст пакта, в сами формулировки вносятся коррективы? Как это делается и возможно ли это? Что должно в мире произойти для того, чтобы, скажем, Генеральная Ассамблея приняла такие поправки в той или иной форме?

И.Блищенко. Во-первых, статья первая этих пактов звучит действительно очень лаконично. Я с вами согласен: она допускает различные толкования. Но это результат, конечно, не злого умысла, а просто дипломатических переговоров, нахождения той формулировки, которая устраивает всех.

Наш институт обращается к Генеральному Секретарю ООН, и мы просим его принять специальную декларацию Генеральной Ассамблеи о праве на развитие как форме самоопределения. И там, мы надеемся, мы сформулируем все те коррективы, о которых мы говорим. Но возможно, конечно, принятие специального и отдельного документа. Как известно, последующий отменяет предыдущий, и в этом случае толкование более позднего документа будет отменять то толкование, которое возможно по статье первой пактов.

Возможно и изменение самого пакта, хотя это, конечно, долгий процесс. Это процесс внесения изменений, потом получения согласия на эти изменения всех государств — участников пактов. Поэтому мы решили пойти по другому пути, обратившись к Генеральному Секретарю ООН с просьбой принять специальную декларацию о праве на развитие. Надо сказать, что такая декларация уже принята, но право на развитие там толкуется не в контексте самоопределения, а только как право на развитие развивающихся стран. Почему-то развивающиеся страны имеют право развиваться, а развитые страны не имеют права развиваться.

Б.Цилевич. Короткая реплика. Насколько я помню, в Резолюции Генеральной Ассамблеи ООН 1970 года, кажется 2625, где перечисляются возможные виды самоопределения, наряду с основанием суверенного независимого государства называется также свободная ассоциация, интеграция с

другим государством. С этой точки зрения это такое же самоопределение, как и любое другое.

У меня вопрос. Когда вы говорили об обмене территорий между Польшей и Советским Союзом, что вы имели в виду? Это не 1939 год?

И.Блищенко. Я имел в виду, конечно, Западную Украину и Западную Белоруссию прежде всего, но я также должен был иметь в виду Вильнюс и Виленский край, которые перешли к Литве и переданы были Литве именно Советским Союзом. Поэтому, когда прибалтийские государства говорят об установлении своего суверенитета с 1940 года, то это означает, что и границы 1940 года должны быть восстановлены. Однако восстанавливаются границы 1945 года.

С.Червонная. В тридцать девятом Вильнюс отошел к Литве. Это очень важно. В 1940 году Вильнюс был в составе Литвы.

И.Блищенко. Даже если в 1939 он отошел к Литве, то по соглашению между Польшей и Советским Союзом.

С.Червонная и А.Кузьмин (одновременно): Ничего себе соглашение!

Б.Цилевич. Это действительно очень специальный вопрос, достаточно больной, может быть, я попытаюсь сформулировать его без претензий на наукообразие. Каждый народ сам решает, что ему нужно для его развития, при этом он имеет право на ошибку, в процедурах самоопределения участвует не только титульная группа, но и все население этой территории. Как это сделать — вопрос чисто теоретический, и при этом принцип территориальной целостности под сомнение не ставится.

Не кажется ли вам, что если право на самоопределение провозглашается в виде фундаментального принципа, то это неизбежно провоцирует насильственные методы достижения этой цели, поскольку других просто не существует? И, как показывает история, примеры успешного самоопределения — это когда народ, не будем сейчас говорить об его определении, добивается того правового статуса, какого он хочет, силой оружия, а потом мировое сообщество в той или иной форме соглашается легитимировать ту ситуацию, которая уже сложилась. Из того, что вы сказали, у меня складывается впечатление, что это не просто некое трагическое стечение обстоятельств, а закономерность, которая предопределена современным подходом к самому праву на самоопределение.

И.Блищенко. Я не согласился бы с тем, что только насилие является формой достижения независимости. Больше того, независимость достигается во многих случаях совсем не путем насилия. Многие африканские государства получили независимость в результате референдумов. Даже в условиях распада Советского Союза все союзные республики получили политическую независимость не в результате применения силы.

С.Червонная. Скажите, нет ли в международном праве или в практике, как прецедент, такой оговорки, такого примера, когда при решении вопроса территории, изменения ее статуса, присоединения к другой стране, освобождения от данного режима какие-то особые права имеет коренной народ? Может ли это выражаться в так называемом праве вето, в запрещении без согласия и волеизъявления коренного народа решать судьбу его родины? Или в каких-то особых условиях проведения референдума, когда права

коренного народа, оказавшегося на своей родине в положении численного меньшинства, будут защищены от диктата большинства?

Задавая этот вопрос, я с тревогой думаю, в частности, о судьбе Крыма, статус которого некоторые политики пытались (да и по сей день не расстались с такими планами) решить на общекрымском референдуме. С этим связана весьма опасная для стабильности в черноморском регионе перспектива. Большинство населения может на референдуме проголосовать за выход из Украины, за присоединение к России вопреки воле крымско-татарского народа, составляющего всего 10% населения полуострова.

Есть ли у него надежда, свои особые права на эту свою историческую родину, на то, чтобы как-то оговорить, отстоять свои права и противостоять большинству при референдуме? Или во всех подобных случаях действует принцип «один человек — один голос» и никаких особых прав коренного народа не предусмотрено, и были ли в международной практике какие-либо прецеденты предоставления коренным народам особых, преимущественных прав?

И.Блищенко. Я как раз говорил о том, что проблема коренного населения — одна из очень сложных и трудных проблем международных отношений и международного права. И я сказал, что в конце апреля выходит книга «Коренное население и международное право». И если вы хотите более детально ознакомиться с этой проблематикой, то, пожалуйста, я вас отсылаю к этой книге. Но сейчас я могу сказать, что понятия коренного народа нет. И что такое коренной народ? Крымско-татарский народ или русскоязычное население, которое там проживает не одно поколение?

С.Червонная. Конечно, крымско-татарское.

И.Блищенко. Это вы так думаете! А другие думают по-другому. Они тоже считают себя коренными жителями Крыма. Дело в том, что понятие коренного населения не устоялось. Есть несколько определений коренного населения. Вы считаете, что крымско-татарское население — коренное население, а русскоязычное население, которое проживает там не одно поколение, считает, что они являются коренным населением.

С.Червонная. Мне кажется, коренное население — это то, чей этногенез совершился и завершился на данной земле.

И.Блищенко. Я высказываю свою точку зрения. Конечно, вы можете с ней быть не согласны, и, естественно, это и есть наука, мы работаем в очень сложной и трудной области, в которой не все однозначно, но, тем не менее, я хочу обратить ваше внимание, что в международном праве нет общепринятого определения коренного населения. Есть различные точки зрения, в том числе и ваша. Израильяне, например, считают, что они являются коренными жителями Палестины, а арабы считают, что они. На мой взгляд, не надо обращаться к истории. В истории бывают различные ситуации. Я думаю, надо заниматься современными проблемами. В современности и есть ключ решения вопроса — в компромиссе, в условиях соглашения, в формах отношений.

С.Червонная. Значит, нет в международном праве механизма, обеспечивающего защиту интересов и прав коренного народа?

И.Блищенко. Я уже ответил вам, что есть и чего нет в международном праве. Определения коренного населения нет.

А.Осипов. У меня несколько вопросов. Я понял так, что, по вашему мнению, существует право на развитие. Если это право ущемляется или не реализуется, то становится правомерным политическое самоопределение. Кто, какая инстанция в каждом конкретном случае будет решать — соблюдается право народа на развитие или не соблюдается?

И.Блищенко. Ну это вопрос больше к политикам, чем к юристам. Это трудный вопрос — «кто будет решать», но надо, чтобы политики обеспечили возможность волеизъявления. И задача политиков заключается в том, чтобы это волеизъявление было объективным. Если они с этим не справляются, значит, гнать надо таких политиков.

А.Осипов. Вы несколько раз говорили, что такие-то и такие-то народы борются или боролись за независимость на Корсике, в Эритрее и т.д. Специалисты, по-моему, хорошо себе представляют, что в таких случаях причиной кризисной ситуации становится деятельность конкретных политических группировок, сравнительно немногочисленных и представляющих только часть общества (большую или нет — это не принципиально), то есть сторонников одной точки зрения. Почему вы считаете правомерным, если я правильно вас понял, отождествлять эти два понятия — некое политическое движение и народ?

И.Блищенко. Я приведу вам конкретный пример. Допустим, Организация освобождения Палестины. Она признана Организацией Объединенных Наций в качестве законного представителя арабского народа Палестины. Следовательно, мы должны это учитывать и иметь дело с Организацией освобождения Палестины как с законным представителем арабского народа Палестины. И больше ни с кем. То же и в отношении СВАПО — Организацией Объединенных Наций в качестве законного представителя народа Юго-Западной Африки.

Теперь что касается чеченской ситуации. В чеченской ситуации мы с вами тоже сталкиваемся с разными интересами среди чеченцев. И, конечно, президент Масхадов представляет одну часть населения, допустим, большую часть населения. Но, тем не менее, одну часть населения. Если большинство населения высказывается за политическую независимость и за то, чтобы именно это движение признать в качестве законного представителя чеченского народа, значит, мы должны это принять к сведению. Другого выхода у нас нет.

А.Осипов. Вы неоднократно говорили о том, что самоопределение может иметь форму территориальной автономии. Насколько мне помнится, в пункте первом статьи первой Международных Пактов о правах человека приводится очень ясная формула, ясная в том смысле, что в ней записана идея правомерности односторонних действий от имени какой-то группы населения, именуемой народом, вне какого-либо правового или иного контекста, направленных на «свободное» определение ее статуса. Автономия все-таки, как мне кажется, это результат некоего конституционного или переговорного процесса, который никак не может носить одностороннего характера. Автономия устанавливается правительством страны в результате каких-либо конституционных и политических процедур. Речь идет о многостороннем процессе. Как совместить реальное содержание процесса и содержание той формулы, которая прописана в некоторых международных документах?

И.Блищенко. В пункте первом статьи первой Пакта о правах и свободах человека не совсем так сказано. Там сказано, что каждый народ имеет право на самоопределение, и там действительно сказано неясно, что это такое. Но я должен вам сказать, что в этом конкретном случае мы сталкиваемся с ситуацией, когда речь идет о праве народов на самоопределение и об автономии, в частности о том, что эту автономию можно установить разными способами. Она может устанавливаться конституцией, а может устанавливаться договором с каким-нибудь народом. Этот договор может быть частью конституции, как, например, договор с Татарстаном, я считаю, — это часть нашей Конституции.

А.Осипов. Последний мой вопрос. Неоднократно в своем докладе вы использовали выражение «право народов и наций на самоопределение» и упомянули о том, что нацию вы понимаете как этническую общность, так как вы использовали выражение «титутальная нация». Что такое «право народа на политическое самоопределение» — это вы сказали: право территориального сообщества на установление политического статуса. А что в таком случае представляет собой «право наций на самоопределение»?

И.Блищенко. Действительно, в международном праве нет определения нации и нет определения народа. Это ставит в очень трудное положение нас, специалистов в этой области. Под «нацией» мы все-таки имеем в виду известное сталинское определение. Как бы мы ни хулили, ни ругали Сталина, тем не менее определение сформулировано и от этого нельзя уйти.

С другой стороны, я должен сказать, что когда мы говорим о праве народов и наций на самоопределение, то имеем в виду право национальных меньшинств на собственное развитие. Что это такое — вопрос, требующий анализа, требующий, я бы сказал, более глубокого подхода. Это отдельный вопрос — права национальных меньшинств. И так называемое коллективное право, и индивидуальное право — это то, что в теории международного права не отрегулировано.

Г. СТАРУШЕНКО

Самоопределение как правовая основа предотвращения конфликтов и защиты прав человека

В 90-е годы социологи и конфликтологи, западные и российские, показали, что после появления ядерного оружия, ликвидации политической системы колониализма, распада Советского Союза и социалистического сообщества число межгосударственных войн сократилось, а число гражданских войн и внутригосударственных конфликтов увеличивается¹. За 1917–1984 годы в Европе произошли две межгосударственные войны и двенадцать гражданских, то есть внутригосударственных, — в шесть раз больше. Представляет-

¹ Скакунов Э.И. Внутренний политический конфликт / Институт анализа и управления конфликтами и стабильностью. Рабочие тетради. 1997. Вып. 1. С.8.

ся, что указанная тенденция в мировом развитии продолжится. Этому, в частности, содействуют следующие факторы:

— переход от биполярного мира (в котором одна сверхдержава угрозой «взаимно гарантированного уничтожения» сдерживала агрессивные устремления не только другой, но и ее союзников) к многополярному ослабляет или вообще устраняет указанный сдерживающий фактор;

— задачи антиколониальных революций оказались до конца не решенными: абсолютное большинство новых государств не получили ни экономической независимости, ни условий для развития, ни желанных их народом общественно-экономических систем;

— возникновение на обломках колониальных режимов свыше ста новых государств не решило и многих других их политических задач (целесообразное межнациональное размежевание, преодоление межэтнических антагонизмов, устойчивые и справедливые границы, благоприятные условия для развития национальных языков и культур и др.);

— права человека в большинстве стран остаются незащищенными (смертность превышает рождаемость, продолжительность жизни сокращается, жизнь не защищена). Проблема защиты прав человека из внутрисоциальной превращается в междисциплинарную. При этом на международном уровне она разработана лучше. Внутренними же конфликтами занялись прежде всего социологи и конфликтологи.

Социологи пришли к выводу, что существуют три модели предотвращения или прекращения конфликтов, спасения жизни людей. Это

1) использование *насильственных* средств с целью подчинения другой стороны и навязывания ей своей воли («гегемонистская модель»);

2) достижение *преобладания и временного урегулирования посредством принудительных средств* («статусная модель»);

3) *снятие противоречий* и окончательное прекращение конфликта путем отказа от насилия и использования только мирных «кооперативных» средств («ролевая модель»)¹.

Формальная логика требует преимущественного использования третьей («ролевой») модели, поскольку первая («гегемонистская») модель порождает новые противоречия, а потенциально — и новые конфликты; а вторая — ведет к прекращению военных действий, временному урегулированию, но не снимает порождающие конфликты противоречия. Соперничающие стороны далеко не всегда руководствуются логикой. Нужна правовая основа указанных рекомендаций, обязывающая соблюдать их, устанавливающая необходимые при этом правила поведения. Иначе говоря, нужна превентивная дипломатия. Сторонники превентивной дипломатии призывают к разработке международно-правовых норм, в частности и тех, на основе которых можно урегулировать конфликты, не порождая новых. Поддерживая эти предложения, считаем нужным отметить, что уже существует оптимальная правовая основа и урегулирования конфликтов, и защиты человека, не порождающая при этом новых противоречий, обострений, жертв. Это — принцип равно-

¹ См. Скакунов. Указ. соч.

правия и самоопределения народов. К сожалению, выдвинутый политиками и разработанный юристами принцип самоопределения ввиду крайней сложности регулируемых им проблем порождает большое число спорных, а то и ошибочных толкований и действий. Вот несколько типичных примеров такого толкования:

— право на самоопределение признается только за нацией, причем только коренной, а интересы других наций и групп населения самоопределяющейся территории игнорируются; его по-прежнему сводят к формуле «право наций на самоопределение вплоть до отделения и образования независимого государства»;

— самоопределение сводится к сецессии (отделению), в то время как в современных условиях его предпочтительно реализовать в границах государства, в состав которого входит самоопределяющийся народ;

— от этого принципа «вообще следует отказаться», поскольку он провоцирует сепаратизм и вооруженные конфликты.

Такие суждения дискутировались и частично подверглись критике и в научной литературе, и в ряде статей, публиковавшихся в последнее время в «Независимой газете», кстати, единственном органе, широко популяризирующем правовой подход к решению национальных проблем. Тем не менее многие политические деятели и СМИ продолжают пропагандировать ошибочные суждения.

Отличие самоопределения от «принципа нации». Нужно исходить из полного названия этого принципа. Принцип самоопределения подчас не только нарушается, но и сознательно используется для оправдания грубых нарушений прав человека, терроризма, этнических чисток и геноцида, сепаратизма. Принцип самоопределения, в отличие от «принципа нации», во-первых, исходит не из обязательности отделения и образования однопациональных государств, а из желательности сохранения крупных государств и добровольного объединения разных народов и наций в такие государства на началах федерализма, автономии, демократизации политического режима и иных; во-вторых, признает право на самоопределение за всеми без исключения народами, а не только за европейскими, «цивилизованными»; в-третьих, акцентирует внимание на необходимости не только предоставлять народам формальное право на самостоятельное существование, но и обеспечивать им условия, которые помогут осуществить это право; в-четвертых, признает право не только на национальное освобождение, но и на самостоятельное определение направления и форм своего социального развития, своей судьбы; в-пятых, и это главное, — исходит из недопустимости приобретения прав одним народом за счет ущемления или игнорирования прав или интересов других; наконец, в-шестых, в качестве критерия при определении политической формы самоопределения используются интересы и права человека.

Развитие национальных процессов ставит вопрос о реализации самоопределения в новых, более разнообразных политических формах, иными, нестандартными методами. Можно, к примеру, 1) отложить окончательное урегулирование на пять, двадцать и более лет, как это имеет место в практике латиноамериканских государств и сделано в Чечне, или 2) согласиться на сохранение самоопределяющейся территории в составе государст-

ва и предоставить ей подтверждаемую договором фактически полную независимость де-факто (Аландские острова со шведским населением в составе Финляндии), или 3) предоставить самоопределяющейся территории независимость при условии, что она будет реализована позже, в точно установленную дату, скажем, в 2020 году, и это будет гарантировано ООН или каким-либо государством. Возможны и другие решения, например, такие, как сохранение территориальной целостности Боснии и Герцеговины при предоставлении сербам, мусульманам и хорватам возможности самоопределяться на национальной основе в форме республик. Критерий их допустимости, повторяем, — интересы человека, народов.

Увеличение числа политических форм реализации права на самоопределение в разных формах и дает возможность не сводить его к сецессии. Право народа на определение своей судьбы не сводится к сецессии. Оно может реализоваться и в границах государства, в состав которого входит народ, и в таких политических формах, как национально-культурная автономия, территориальная автономия, федерация, общая демократизация государства и др. Именно разнообразие выбора дает возможность в каждом конкретном случае самоопределяться с учетом интересов всех заинтересованных народов.

Чем же объяснить, что этот благороднейший и гуманный принцип зачастую используется неправомерно? Объективная причина — в его недостаточной корректировке с учетом условий новейшего времени, когда в результате миграции, взаимопроникновения народов многие из них лишались своей территории и не могут самоопределяться в форме национальной территориальной автономии. В РФ в таком положении оказались более 30 млн. человек — представители национальных меньшинств и малых народов, плюс 25 млн. русскоязычных соотечественников за рубежом. Существуют и объективные причины «кризиса самоопределения». На практике люди продолжают руководствоваться извращенными, догматическими представлениями об этом принципе, а то и вообще не имеют о нем сколько-нибудь четкого представления (67% граждан РФ, по данным опроса Института социально-политических исследований РАН).

Агрессивный национализм и шовинизм спекулируют на этой неосведомленности. Между тем научное толкование этого принципа дает возможность успешно решать выдвигаемые жизнью проблемы в интересах не одной нации, одного человека, одного класса, а всех народов, классов, государств, в интересах человека. Для этого как минимум следует руководствоваться уже данными наукой и практикой правильными ответами на следующие вопросы: во-первых, в каких политических формах реализуется самоопределение (содержание этого права); во-вторых, кто им может пользоваться (субъект), и, наконец, в-третьих, какими методами допустимо его осуществление.

Переходя к раскрытию содержания рассматриваемого принципа, прежде всего укажем, что он не только не поощряет сепаратизм, а прямо направлен на его предотвращение. Принцип самоопределения, говорится в Декларации принципов международного права, которая была принята в 1970 году ООН на основе консенсуса, не должен толковаться как «санкционирующий или поощряющий расчленение, частичное или полное нарушение территориаль-

ной целостности или политического единства суверенных и независимых государств, действующих с соблюдением принципа равноправия и самоопределения».

Каждый народ имеет право реализовать свое право, как он того желает, как это диктуется уровнем его развития, геополитическими соображениями, но при одном исключительно важном и обязательном условии — не за счет других народов (ведь все равны!) Спорьте, договаривайтесь, но обязательно приходите к общему согласию. Без него нет самоопределения, а возможно только перемирие. Именно поэтому предпочтительна ролевая модель урегулирования конфликтов. Требования самоопределяющихся сторон часто не учитывались, но и в политической практике и в средствах массовой информации, но и в научных трудах, что дезориентировало общественное мнение, порождало новые противоречия, заводило в тупик существующие.

Критерий при выборе той или иной политической формы самоопределения — интересы личности, права человека, а потом уже народа, нации. *Если та или иная форма самоопределения грубо попирает права человека, она должна быть заменена на приемлемую или же самоопределение не должно состояться в этой форме.* Ни государство, ни группа лиц, напоминает Всеобщая декларация прав человека, не должны «совершать действия, направленные к уничтожению прав и свобод личности» (ст.30).

Самоопределение народа, нации — не самоцель, а лишь средство согласования интересов народов и защиты прав человека, личности. Не человек для нации, а нация для человека — такой подход диктуют нам международное право, подлинно гуманистическое мышление. И иностранный, и наш опыт свидетельствуют: если во внимание принимаются только интересы нации, права личности зачастую попираются, страдают люди, десятки, сотни тысяч лишаются родины, крова, близких, а то и самой жизни.

Права нации и права человека. В наше время особое значение приобретает именно гуманистическое содержание самоопределения. Ст. 55 Устава ООН напоминает, что для создания в мире «условий стабильности и благополучия» отношения между государствами должны основываться не только на «уважении принципа равноправия и самоопределения народов», но и на «всеобщем уважении и соблюдении прав человека и основных свобод для всех». Это предполагает повышение уровня жизни, обеспечение полной занятости населения, экономического и социального прогресса, условий для развития и др. (ст. 55 пп. а, с). Из сказанного следует, что и самоопределение в интересах поддержания дружественных мирных отношений между государствами, обеспечения в мире стабильности должно осуществляться не за счет прав человека (не говоря уже о его праве на жизнь), а через их всестороннюю защиту. Сказанное зачастую игнорируется современными националистами и государствами, которые интересы человека и даже его жизнь приносят на алтарь нации.

Личность как субъект самоопределения. Признание права на самоопределение за личностью дает в руки общества ключ к мирному и конструктивному решению и такой сложнейшей проблемы, как право на социальный выбор. Делая выбор между разными формами собственности, методами хозяйствования и, соответственно, направляя свою деятельность в государ-

ственный, кооперативный, частный или другой уклад, люди смогут в известной степени по-разному социально самоопределяться и в границах одного государства. Для этого нужно, чтобы равноправие форм собственности не только было закреплено законодательно, но и строго соблюдалось на практике, разумно регулировалось государством (через налоги, таможенную политику и т.п.). Подобно ядерной энергии, частная инициатива — трудно управляемая могучая сила, но и она поддается регулированию, что дает возможность иметь ее столько, сколько полезно для всего общества. Это, конечно, задача на перспективу, но ее следует иметь в виду при решении практических проблем.

Самоопределение личности не подменяет самоопределения народа, нации, а придает ему такие государственно-политические формы, наполняет их таким содержанием, которое соответствует реальным потребностям личности и возможностям общества. Реальные попытки корректировать экономическую политику с учетом интересов личности предпринимаются и за рубежом, и у нас.

Наконец, идея самоопределения направлена на защиту интересов и большинства, и меньшинства, всех сторон в конфликте. Она стимулирует дальнейшее развитие демократии, постепенный отход от повсеместной практики предоставления одной части общества права навязывать свою волю другой только потому, что она получила на несколько тысяч голосов больше. При этом обычно окончательное урегулирование противоречий, конфликтов подменяется временным. Сегодня открывается возможность удовлетворять и интересы меньшинства. О степени демократичности общества начинают судить по положению меньшинства, личности.

Поскольку в процессе самоопределения, особенно в независимых государствах, затрагиваются интересы других его участников (народов, государств, а иногда и сопредельных государств) и все они равноправны, их интересы также должны учитываться. Рассматриваемый принцип — часть единой международной правовой системы, а система поэтому и является системой, что все части ее взаимосвязаны и вырывать из нее один ее элемент без учета других — значит, нарушать всю систему. Взаимный учет интересов достигается путем регулирования указанного процесса на основе не только принципа самоопределения, но и других фундаментальных принципов международного права, таких, как территориальная целостность государств, невмешательство, неприменение силы и др.

Увеличение числа гражданских войн остро ставит вопрос о праве их народов самостоятельно определять свой общественный и государственный строй, решать другие вопросы своего внутреннего развития. П. 1 ст. 1 Международных пактов о правах человека определяет рассматриваемый принцип как право «свободно устанавливать свой политический статус и свободно обеспечивать свое экономическое, социальное и культурное развитие».

Иначе говоря, из принципа самоопределения следует право народа любого государства определять свой политический режим, руководить экономической жизнью своей страны, распоряжаться своими естественными ресурсами, право на развитие, право решать все внутренние вопросы (языка, религии и т.п.). Народ сохраняет за собой указанные права и в случае

принадлежности к многонациональному государству, хотя часть этих прав и силу этого обстоятельства передается государству. Что касается общественного строя, то право на его определение признается косвенно («свободно обеспечивать свое экономическое, социальное и культурное развитие»), и оно должно уважаться другими государствами. Но это не означает, что народ в любое время может «выбрать» любой общественный строй. Характер общественного строя определяется не желанием лидеров и партий, а уровнем производительных сил (прежде всего рабочей силы), особенностями социально-экономического развития общества. Игнорирование этого обстоятельства имеет своим результатом авантюризм, массовую гибель людей, что осуждается международным сообществом, но не дает ему права на интервенцию (Кампучия). В условиях прекращения холодной войны и противоборства двух систем корректировка общественного развития достигается самими народами опять-таки через реализацию принципа самоопределения (КНР, Вьетнам, Лаос).

Итак, в соответствии с принципом равноправия и самоопределения, характер общественного устройства государства детерминирован уровнем социально-экономического прогресса и средств производства, а политический режим — борьбой и постоянно меняющимся соотношением внутренних политических сил. Для изменения общественного строя требуется время, измеряемое жизнью нескольких поколений, а политического режима — несколько лет. Учет этих объективных причин — *condicio sine qua non* (условие, без которого нет) самоопределения, стабильности.

Международное силовое регулирование вооруженных конфликтов — акция по сути гегемонистская. Но поскольку целью самоопределения является защита не только всеобщего мира, но и человека, она заслуживает поддержки, если осуществляется в соответствии с Уставом ООН (глава VII). Устав устанавливает общее положение: планы применения вооруженных сил должны составляться Советом Безопасности совместно с Военно-штабным Комитетом (ст. 46), который, находясь в подчинении Совета Безопасности, «несет ответственность за стратегическое руководство любыми вооруженными силами», предоставленными в его распоряжение государствами — членами ООН (ст. 47). Поскольку Военно-штабный Комитет не создан, в первой половине 90-х годов неоднократно складывалась ситуация, когда международные вооруженные силы фактически находились под командованием представителя одной державы. Это вызывало конфликты, которых можно было бы избежать, и обрекало такие акции на неудачу (Сомали).

Регулирование внутренних национальных и социальных противоречий и конфликтов осуществляется самим государством, но в соответствии с Уставом. Не исключаются использование и международных насильственных средств. ООН и ее органы, указывается в Уставе, уполномочиваются «расследовать любой спор, любую ситуацию, которая может привести к международным трениям и вызвать спор». И если продолжение этого спора или ситуации может создать угрозу не столько международному миру и безопасности, сколько массовой гибели людей (как это было в Уганде), Совет Безопасности уполномочен «рекомендовать надлежащую процедуру или методы урегулирования» не только на основании статьи 33, но и ст. 42. Так,

попытки Соединенных Штатов прекратить под флагом ООН гражданскую войну в Сомали, а позже примирить враждующие между собой две курдские партии в Ираке закончились провалом. Сообществу государств, ООН, региональной Организации африканского единства, в частности, в первой половине 90-х годов не удалось предотвратить массовых убийств людей и в Центральной Африке. ООН не смогла оперативно организовать направление туда необходимого контингента войск, а государства не были готовы к выделению соответствующих воинских частей. Вывод: международное сообщество еще не готово к вооруженным методам урегулирования конфликтов.

Если же речь идет о ситуациях, не создающих угрозы всеобщему миру и массовой гибели людей, они должны регулироваться самими государствами в строгом соответствии с основными принципами международного и гуманитарного права (ст. 55).

Субъект самоопределения. При принятии решений, связанных с самоопределением, государства, партии, движения сталкиваются со сложным вопросом: кому оно должно принадлежать. Не каждой же деревне. Ученые, политические деятели и дипломаты приложили немало усилий, чтобы разобраться в вопросе. На заре антиколониальных революций мы предложили следующее определение: «Субъектом права на самоопределение являются народы, нации и народности, а также народы, состоящие из нескольких наций, народностей или национальных групп, имеющие общую территорию, одну или несколько других общностей (историческую, культурную, языковую, религиозную и т.п.) и объединенные общностью цели, которую они хотят достичь посредством самоопределения»¹. Эта дефиниция была подтверждена практикой, подводила известную правовую базу под международное регулирование процесса *деколонизации*, но не решала полностью вопрос о субъекте самоопределения в *независимых государствах*.

В п. 2 ст. 1 Устава, где речь идет о самоопределении, упоминаются не только «народы», но и «нации»; цель ООН — «развивать дружественные отношения между *нациями* на основе уважения принципа равноправия и самоопределения *народов*». Многие, в том числе и автор приведенного определения, отдавая дань традиции («право наций на самоопределение вплоть до отделения»), исходя из не совсем точного перевода (в данном случае) слова «*nations*» только как «нации», толковали это как признание не только народа, но и *нации* субъектом права на самоопределение. Это подкрепляло указанную выше драматическую формулу. Нация действительно может быть субъектом этого права, но только в том случае, когда она одна проживает на самоопределяющейся территории. Если же на этой территории проживают и другие этносы, то правом на самоопределение наряду с ней обладают и они, а субъектом этого права является все население данной территории, «демос, а не этнос», по выражению Р.Б. Леоновича². Толковать приведенное выше уставное положение п. 2 ст. 1 (на это обращал внимание и один из разработчиков Устава профессор Б.С. Крылов) следует примерно

¹ Старишенко Г.Б. Принцип самоопределения народов и наций во внешней политике советского государства: Историко-правовой очерк. М., 1960, С. 161.
² Независимая газета. 1996. 4 сент.

так: ООН ставит своей целью развитие дружественных отношений не только между своими членами-государствами («nations»), но и между народами («peoples»), входящими в состав суверенных государств и не имеющими своего государственного бытия¹.

Для того чтобы такие отношения были возможны, авторы Устава указали, что неотъемлемой составной частью принципа самоопределения является «равноправие народов», подчеркнув тем самым универсальный характер рассматриваемого права: им обладают не только все народы, но и все государства.

Самоопределение в границах государства. В некоторых многонациональных государствах принцип самоопределения народов официально провозглашается в качестве государственно-правового. Право на самоопределение реализуется здесь в формах федерации, автономии — территориальной или национально-культурной и др. В СССР, некоторых других государствах республики формально могли реализовать его в форме выхода из состава государства при соблюдении установленной законом процедуры. Грубое нарушение этой процедуры (игнорирование результатов референдума, несоблюдение пятилетнего срока на оформление выхода и др.) содействовало развалу Союза, глубокому кризису всех постсоциалистических государств.

Конституция РФ 1993 года, признавая право на самоопределение, исключает его реализацию в форме выхода из Федерации. Кстати, право на выход из состава государства не содержится ни в одной конституции существующих в мире без малого двухсот государств и сегодня не поддерживается ООН. Мир исходит из возможности и необходимости обеспечить соблюдение национальных и социальных прав народов в границах существующих государств, и удваивать их число не только излишне, но и опасно. Такого мнения придерживался и Генеральный Секретарь ООН Бутрос Гали.

Средства и методы реализации права на самоопределение. Освобождающиеся от колониализма народы, столкнувшись с сопротивлением колониальных держав, нередко оказывались вынужденными брать за оружие и таким путем добиваться реализации своего права. Их требование признать законность вооруженной борьбы, несмотря на сопротивление западных держав, в ООН было поддержано большинством, подтверждено не только в виде резолюций этой организации, но и в некоторых документах, принятых на основе консенсуса. Главным обоснованием допустимости вооруженной борьбы угнетенных народов было признание колониализма «преступлением, которое необходимо безотлагательно пресечь». После ликвидации колониализма как политического института (экономическая зависимость еще сохраняется) применение вооруженного насилия как средства реализации права на самоопределение недопустимо. Оно запрещается и Уставом ООН, и внутригосударственным законодательством. В любой независимой стране применять насилие имеет право только государство и его органы. За самоопределение в нынешней обстановке можно и нужно бороться невоенными средствами. Этот теоретический вывод подтверждается практикой чеченской войны.

¹ Крылов Б.С. Материалы к истории Организации Объединенных Наций. Вып.1. М.; Л. /Изд. АН СССР, 1949. С.106–107.

Следует признать, что проблема эффективности военных мер и контрмер в процессе самоопределения еще далеко не разработана. Миротворческие акции нередко совершаются с грубыми нарушениями международного и гуманитарного права, всеобъемлющая международная конвенция о борьбе с терроризмом еще не заключена, поспешность, с которой последовало международное признание новых государств, возникших на территориях бывшей Югославии и СССР, поощряет сепаратистов и в других странах.

Решить национальный вопрос, защитить права человека «окончательно и бесповоротно», как демагогически утверждается кое-кем и сегодня, невозможно. Этим вопросом следует заниматься постоянно. Нужно своевременно разрешать порождаемые жизнью противоречия и проблемы, не только политического, но социально-экономического характера, не допуская их перерастания в антагонизмы. Вооруженные конфликты неизмеримо легче предотвращать, чем прекращать. От улаживания конфликтов следует переходить к регулированию межнациональных отношений в планетарном плане, к управлению ими в границах государств. Правовой основой таких подходов остается принцип самоопределения в современном, реалистическом его толковании. А ООН, как это предлагает наш министр иностранных дел Е.М.Примаков, должна максимально использовать для этого все имеющиеся политико-дипломатические возможности и сохраняться в качестве единственной организации, дающей санкции на применение силовых методов.

Ответы на вопросы

В.Пономарев. Мне хотелось бы задать вопрос: как та идеальная схема, которую вы обрисовали, согласуется с реальной практикой самоопределения отдельных народов?

Г.Старушенко. Речь идет о реализации идеи, теории. Еще Шекспир сказал, что значительно легче выдвинуть идею, чем ее реализовать на практике. Но во всяком случае идея определяет тот вектор, от которого надо танцевать, вести отсчет. Вовсе не обязательно, что реализация идеи желательна, и в жизни не всегда бывает так, что та или иная идея реализуется.

В этой связи очень важен вопрос о согласии государства на самоопределение. Я говорил, что без согласия государства результат самоопределения недействителен. Так фактически было всегда. До тех пор, пока Франция не согласилась в Эвианских соглашениях признать суверенитет Алжира, его независимость оспаривалась. Советский Союз и другие государства задолго до указанных соглашений признавали суверенитет Алжира, но эта страна не была независимым государством.

Политическое значение признания, в том числе и со стороны метрополии или государства, от которого отделяется самоопределяющаяся территория, велико. Раньше существовала декларативная теория признания, то есть если та или иная населенная территория заявляла, что она представляет собой независимое государство, этого было достаточно для признания ее субъектом международного права. Эта теория вошла в обиход международных отношений еще в XVII веке, но потом практика начала от нее отходить.

Есть еще конститутивная теория признания, в соответствии с которой самоопределяющаяся территория становится субъектом международного права

при условии, что она получила признание со стороны других государств. Советский Союз и Российская Федерация исходили из того, что в процессе признания нужно использовать и ту и другую теорию. Теперь это особенно важно. Я имел удовольствие беседовать об этом с бывшим Генеральным Секретарем ООН Бутросом Гали, и он сказал, что если бы Объединенные Нации согласились с признанием независимости всех тех стран, которые хотят стать независимыми, то уже через полгода число членов ООН, которое сегодня составляет 185, достигло бы 400, то есть увеличилось бы в два раза. Особое значение приобрело признание со стороны того государства, от которого самоопределяющаяся территория стремится отделиться.

Вы, наверное, обратили внимание на недавнее заявление нашего министра иностранных дел, что если то или иное государство признает независимость Чечни, то есть если оно станет на путь поощрения сепаратизма, то Российская Федерация оставляет за собой право поставить вопрос о разрыве с ней дипломатических отношений. Вот в таком плане я и ставлю вопрос о необходимости признания со стороны государства.

Неправильно было бы полагать, что государство всегда будет возражать против расширения прав народов, которые входят в его состав. Почему? Да потому, что расширение их прав дает возможность «выпускать пар», снимать напряженность в отношениях между народами и гражданами. Это сделала и Российская Федерация, предоставив своим гражданам право жаловаться на российское правительство в международные органы — Комиссию по правам человека, Комитет по ликвидации расовой дискриминации и т.д. В интересах собственного благополучия и спокойствия в стране государство готово пойти и на признание самоопределения в форме или территориальной или национально-культурной автономии.

О.Егоров. Я хотел бы поблагодарить за великолепный доклад о схеме, которая действительно работает. У меня не вопрос, я хотел бы поддержать докладчика и отметить, что в жизни уже есть примеры того, как эта схема и этот механизм работают. Первый — Гренландия, где самоопределение было принято не как выход из государства. В этом отношении Глеб Борисович прав, потому что сейчас не то время, чтобы понимать все максималистски. Гренландия — очень хороший пример формы самоопределения и возможности государства, в данном случае Дании, пойти навстречу группе людей, которые решили самоопределиваться.

То же самое в Канаде, в Нунавуте — на северо-восточных территориях. Здесь канадское правительство, канадское население на референдуме в отношении эскимосов проявило мудрость, точно так же, как эскимосы, которые, обратившись к ним, проявили терпение. И как результат получили эти территории в собственное управление.

Самоопределение — это не обязательно выход из государства или выход в автономию. Восточная Германия — прекрасный пример самоопределения, когда ее граждане вошли в единую Германию.

То есть схема работает, только нужны элементы, учитывающие эту схему. Вот что я хотел бы сказать в поддержку Глеба Борисовича.

О.Мурашко. Сама идея национального самоопределения, сама история ее формирования и нынешняя практика применения страдают неким европо-

центризмом, хотя идея и находит удачное применение, как об этом сейчас говорил Олег Егоров. Но, с другой стороны, во многих случаях, касающихся так называемых коренных народов, которым адресовано несколько международных документов об их особых правах, включая специальную декларацию, разрабатываемую в ООН, эта идея уже доведена, в общем-то, до абсурда. Очевидно, что она хороша для просвещенной Европы и не очень применима для народов, которые живут совершенно в другом мире, совершенно в другой среде.

Чтобы продемонстрировать эту абсурдность, приведу такой пример: в Амазонии существует хорошо известное племя Яномами. Его люди ночуют в гамаках на деревьях, а внизу живут португалоязычные бразильянце, которые хотели бы срубить эти деревья, а освободившиеся территории использовать под кофейные плантации. Они любят кофе, особенно любят продавать его. Вопрос в том, могут ли яномами реализовать свое право на национальное самоопределение. Во-первых, они составляют 0,001% населения Бразилии и, во-вторых, существует другое население, которое противится этому. А яномами для того, чтобы сохранить свой образ жизни, на что они имеют право в соответствии с Декларацией прав человека, нужны огромные леса. Здесь вопрос решается уже не политическими способами, а в совершенно другой плоскости. Это новая плоскость, та, в которой проблемы будут решаться в XXI веке. Это проблема сохранения окружающей среды, потому что эти амазонские леса, как известно, нужны всему человечеству как легкие планеты. И поэтому их вырубать нельзя. Нужно сохранить и леса, и образ жизни яномами как жителей и хранителей этих лесов.

Мне кажется, что на пороге XXI века, особенно в «четвертом мире», проблемы национального самоопределения во многом не только зидоизменяются, но и обретут дополнительный аспект — это право контроля над ресурсами. Проблема национального самоопределения будет смыкаться с проблемой реализации прав коренных народов, ведущих традиционный образ жизни, и проблемой сохранения окружающей среды. Уже существуют новые международные соглашения, например международная конвенция о коренных народах и конвенция о сохранении биоразнообразия, и международные организации, уже осуществляющие международный контроль над состоянием природных ресурсов. Это должно стимулировать создание особо охраняемых природных и культурных резерваций, на которых будет сохраняться тот или иной образ жизни и соответствующий режим природопользования. Я хотела бы знать ваше мнение и включить эту проблему в дальнейшую дискуссию.

Г.Старушенко. Я думаю, что тема коренных народов действительно важна, и мы ее обсудим, если будем следовать нашей программе. Что касается моего мнения, скажу коротко. Первое. Я считаю, что навязывание развивающимся странам чуждых им моделей демократии, в частности западных, — политика очень сомнительная. Зачастую ее результаты сводятся к запрету этноц, расовой дискриминации и т.п., но и это полезно. Однако требовать введения многопартийной системы в любом африканском государстве, — значит, требовать чрезмерного. Почему? Потому что большинство африканских стран (я их лучше знаю, так как довелось побывать во многих из них)

имеют сложный в этническом плане состав населения. И если вы берете курс на создание многопартийной системы, то немедленно создаются этнические партии. Каждая из них добивается защиты не общегосударственных интересов, а интересов только своей нации, только своей этнической группы, нередко во вред общенациональным интересам и интересам других. Это противоречит и принципу самоопределения. Ведь самоопределение предполагает обязательный учет интересов и других народов. Я полностью согласен: нельзя в развивающихся странах осуществлять демократические принципы в тех же формах, что и в развитых странах.

Второе. Насчет коренных народов. Да, и советское, и российское государство много делали для защиты интересов коренных народов: создали письменность для многих из них, возродили их промыслы, организовали школы, выдвигали их на руководящие должности и т.д. Иногда при этом допускались грубые ошибки: разрушалась среда обитания, не учитывался их образ жизни и др. Ошибки, конечно, должны быть безотлагательно исправлены. Но это не повод для того, чтобы ставить коренные народы в привилегированное положение за счет других народов. Международное сообщество исходит из того, что им необходимо обеспечить полное равноправие плюс некоторые преимущества материального и законодательного порядка, чтобы они имели возможность сохранять то, что отличает их от других народов (язык, культуру, быт, ремесла и т.д.). Но не больше. Исходный принцип — поддержание полного равноправия.

А у нас, к сожалению, им создаются привилегии за счет других народов. Например, то, что воины Салавата Юлаева гуляли по степям Зауралья, в свое время послужило основанием для создания Башкирской Республики. Башкиры же в ней составляют только 20% населения, 40% там татары и еще 40% русскоязычного населения. Башкирская Республика, значит, официальный язык, документация башкирские. Но там, правда, нашлись умные люди, они не пошли на обострение, на создание каких-то чрезвычайных привилегий для коренной нации.

В Чечне дело обстояло иначе. Те из коренной нации, которые встали под знамена сепаратизма, не считались с интересами 300 тысяч русскоязычного населения. А они имеют те же самые права, что и коренное население. И это должно учитываться при любом определении статуса Чечни. Итак, принцип равноправия и самоопределения плюс коррективы в интересах сохранения своих национальных реликтов — такова правовая основа определения политического статуса коренных народов. Кстати, так же примерно решает вопрос и Подкомиссия по нацменьшинствам Комиссии ООН по правам человека.

Т.Васильева. У меня два маленьких вопроса. Первый. В своем докладе вы употребляете термины «самоопределение народа» и «самоопределение территорий». Как вы их разграничиваете? Второй. Распространяется ли право на самоопределение на разделенные народы, которые проживают в разных государствах?

Г.Старушенко. Термин «самоопределение территории» обозначает, естественно, самоопределение людей, которые проживают на этой территории. Я это и имел в виду.

Теперь о самоопределении разделенных народов. Без всякого сомнения, каждая часть такого народа, проживающего в двух-трех государствах, имеет право на самоопределение. Реализуя это право, они могут объединиться при условии уважения прав других народов и государств. Но это вовсе не означает, что они обязательно должны жить в одном государстве. Некоторым народам живется в общем-то спокойно и в нескольких государствах. Сам этот факт обычно не создает проблем.

В.Гефтер. Я хотел бы поставить два вопроса, чтобы обсудить их в ходе будущей дискуссии.

Первый. У нас все началось сегодня с так называемого права наций, народов, территорий на самоопределение. По-моему, это не право, а принцип, а сам этот термин совершенно не юридический, внеправовой, и мне хотелось бы выяснить точку зрения по этому вопросу присутствующих.

Второй. Мы, правозащитники, говорим: есть права личности и есть групповые права меньшинств, разных групп, неважно каких — больших или маленьких. Но часто у нас употребляется понятие «национальные права». Мне это непонятно. Мне хотелось бы в рамках дискуссии услышать отношение аудитории к тому, существуют ли отдельно такие, взятые откуда-то назови личности, извне меньшинства, неважно какого — национального, сексуального, территориального, любого другого — еще какие-то особые «национальные права».

Г.Старушенко. Присутствующие, очевидно, пояснят, как они понимают этот вопрос. Я лично понимаю его так: права нации, нацменьшинств и есть групповые права. Вопрос о национальных правах личности возникает, если личность дискриминируется. Групповые национальные права — те, которые позволяют данной группе людей сохранять свои особенности, отличающие их от других групп. Для этого надо создавать национальные школы, если данная группа людей хочет этого, развивать традиционные ремесла, культуру и т.д. Вот в таком плане можно говорить о национальных правах.

С.СИРОТКИН

Имеет ли «право на самоопределение» отношение к праву?

Тема нашего семинара — не горячие точки Российской Федерации, не горячие точки бывшего пространства СССР и СНГ, а все-таки проблема самоопределения, право народов на самоопределение. Я хотел бы высказать некоторые общие соображения по проблеме самоопределения, а также частные замечания по обсуждаемым конкретным вопросам. После интереснейшего доклада профессора И.Блищенко участники семинара буквально обрушились на него с вопросами. Мне кажется, что здесь есть некая жажда простора и ясного решения, желание найти в международном праве все ответы на те вопросы, с которыми мы сталкиваемся в реальной и многообразной практике. Однако давайте сначала вспомним вообще, что такое право, что можно ожидать от права. Самый верный способ испытать глубокое разочарова-

ние — это подойти к человеку или инструменту с ожиданиями, которые никогда не будут оправданы. Хотите получить разочарование от чего угодно, начиная от книги, кончая человеком, так предъявляйте к нему требования, которым он не может соответствовать.

Но это вообще, а что касается права, следует помнить — право отнюдь не панацея и не решение всех проблем. Право по сути своей есть минимально приемлемый вариант компромисса, самый поганенький, но твердо гарантированный. В этом суть права, и ни в чем более. В этом ограниченность права, но и его могущество. Это первое.

Второе. Право — это, если угодно, результат договора, результат попытки решения общих повторяющихся положений. Подчеркну — повторяющихся! Этого-то и нет в вопросах самоопределения; нет и быть не может. Потому и бессмысленно даже пытаться найти в международном праве исчерпывающий ответ на каждый конкретный случай, в том числе и на вопросы самоопределения.

Эти рассуждения могут показаться абстрактными, но это и есть то общее, без чего мы не найдем ответа на конкретные вопросы. Право есть некоторая модель разрешения ситуации, где все нормально. В праве все более-менее четко и ясно определено, ограничено, нормализовано. Но это еще не решение конкретной проблемы, существуют механизмы правоприменения. Без этого право остается сборником документов, лежащих на столе. Смысл правоприменения состоит в том, что общая норма индивидуализируется в каждой конкретной ситуации. Это единственный подход, с помощью которого можно использовать и понимать международные нормы о самоопределении народов, о самоопределении как принципе международного права.

Откуда пришел, как родился, каков исторический генезис этого принципа? За ним стоит расколотость мира, его биполярность, ушедшая, к счастью, в прошлое. На самом деле лозунг самоопределения в том виде, в котором он существует в международном праве и в двух пактах, — это лозунг, принцип, который являлся одним из средств, способов и результатов идеологической борьбы двух систем. За пределами этого он не воспринимался. В этом его пропагандистская функция.

Эта функция идеологическая, функция пропагандистская, это не рабочий инструмент, в котором могут быть четко решены и ясно определены политические проблемы, связанные с самоопределением народов. Именно народов, поскольку о самоопределении этносов в политическом аспекте речь вообще не идет нигде в международном праве. Говорится о народах вне этнологической интерпретации этого термина.

Так вот, исходя из этого, мы увидим, что лозунг самоопределения до такой степени внутренне противоречив и размыт, что никаких точных, формальных критериев быть не может. Я как-то говорил однажды на семинаре «Правовые аспекты чеченского кризиса», что никто нигде и никогда не определил уровень, с которого начинается право на самоопределение. Чеченская проблема с этой точки зрения хоть как-то понятна: народ, крупный народ. Свои вековые традиции, язык, культура и прочее. Но вот географически близкий иной пример: Дагестан с его одчзаульными языками. Имеют ли эти субэтноты право на самоопределение? Где вообще тот минимальный уровень, с

которого мы можем ставить вопрос о праве на самоопределение? Совершенно очевидно, что юридически эта конструкция не может быть сколь-нибудь удовлетворительно интерпретирована. Право вообще имеет четкий признак, право должно быть формально определено, иначе это не право, а политический документ. Если не поддежит формализации сам предмет, сам субъект, то ставить вопрос о твердой норме, дающей нам некоторый компас, мы просто не можем. Означает ли это, что в этом смысле нельзя вообще ставить вопрос о самоопределении? Нет, можно и нужно ставить. Важно только выделить ту доминанту, которая даст нам возможность подойти более содержательно к вопросу о самоопределении. Кстати, еще об индивидуализации нормы права на самоопределение. Я хочу напомнить, что, кажется, в 1952 году в процессе деколонизации речь зашла о создании специального комитета, задачей которого ставилось определить, достигла ли такая-то территория необходимой стадии самоуправления для того, чтобы она получила независимость. Из этой затеи ничего не получилось.

Вопрос об индивидуализации, о применении существовал и ставился давно, другое дело, что в отношении права на самоопределение ни подобного рода механизмов, ни подобного рода критерия не существует, и пока даже близко к решению этих проблем, к определению критериев не подошли.

Что я полагаю возможным в качестве материала для дискуссии обсудить, так это ту доминанту, тот критерий, который позволит действительно ставить вопрос о самоопределении.

Я понимаю, что в праве всякие аналогии страшно условная вещь. Кое-где аналогии в принципе недопустимы. Однако в данном случае, когда мы говорим о праве на самоопределение, я вспоминаю другой принцип, который был фундаментальным и очень важным в эпоху буржуазных революций конца XVIII века. Право комбатантов выросло, собственно говоря, из опыта английской буржуазной революции середины XVII века, рожденный и сформулированный как право народа свергнуть режим, который не обеспечивает то, что тогда формулировалось как естественная основа существования общества. Теперь вспомним слова американской Декларации о независимости, где совершенно четко и ясно сказано, что не только право, но и обязанность народа — свергнуть правительство, которое осуществляет политику, не приемлемую, нарушающую естественные права человека. Это главная идеология и Французской революции.

Вот критерий, который, я подчеркиваю, только на основе принципа аналогии может быть понят и трактован при подходе к праву на самоопределение. Если вопрос о самоопределении в форме сепаратизма (выхода) ставится в ситуации, угрожающей существованию этноса, культуры, нации, это, я полагаю, законная постановка вопроса. Скажем, повстанческое движение Восточного Тимора, на мой взгляд, не может быть квалифицировано как попытка незаконного сепаратистского движения, — это борьба за выживание и сохранение народа. Это восстание, которое в принципе должно и может быть оправдано.

Вот этот критерий. Вопрос стоит о возможности физического выживания этноса, народа, культуры, и если в иных формах невозможна самореализация, невозможно самоопределение, значит, даже крайние формы, связанные

с выходом из состава государства, — оправданны и законны. Возможны ли коллизии с принципом территориальной целостности, с принципом неприкосновенности? Да, возможны и даже неизбежны. Я не думаю, что ситуация решается беспроблемно. Но международное право все строится на коллизиях и на механизмах договорных, конвенционных. Вот это и может быть критерием. Уже звучал здесь тезис о правах человека, о правах народа. Один из выступавших упоминал коллективные права. Я полагаю, что коллективные права могут и должны интерпретироваться прежде всего как коллективная форма реализации индивидуальных прав.

Если мы уходим от этой трактовки, то стоит вопрос о приоритете. О том, что эти права не всегда совпадают. Лозунг приоритета групповых интересов — класса, расы, нации — в истории звучал часто. Мы знаем, во что это выливается. Всегда один и тот же итог. Если отталкиваться от коллективных, а не от индивидуальных прав, гражданских и политических прав прежде всего, это становится критерием, который позволяет если не давать строгую правовую оценку, то хотя бы оценить морально-политическую позицию каждой из сторон, вовлеченных в ситуацию самоопределения.

С этих позиций могут оцениваться многие национальные движения, которые так или иначе тяготеют к самоопределению вплоть до государственного отделения и образования самостоятельного независимого государства. Слишком часто эти движения являются лишь формой реализации интересов определенных политических элит, регионально- или национально-политических элит, что совсем не идентично с реальными потребностями наций и народов. Такие критерии позволяют давать оценки и на их основе определять государственную позицию по отношению к тому или иному движению — как к национально-освободительному либо как к движению сепаратистскому. Только в этом контексте я вижу возможность строгой постановки вопроса о самоопределении. Более строгой и корректной юридической интерпретации права на самоопределение я не знаю.

Ответы на вопросы

О. Орлов. Сергей, считаешь ли ты вообще возможным и нужным проводить работу, может быть, в достаточно отдаленном будущем, направленную на то, чтобы эту нечеткую и невнятную идею как-то ввести в рамки права и создать правовые механизмы ее реализации? Или это невозможно, если исходно нечетка сама постановка вопроса?

С. Сироткин. Ответ для меня лично давным-давно выношен, давно определен. Я не люблю аналогий, но здесь все-таки приведу. Это имеет отношение не только к вопросу о самоопределении, но и, например, об изменении границ между какими-то субъектами федерации, да не важно чего — не принципиально.

Важно и, на мой взгляд, бесспорно следующее: существует проблема, не получающая своего корректного правового решения. В конечном счете эти решения ищут и находят, но всегда находят его вне, как говаривали в Конституционном суде, правового поля. Если возможно хотя бы в минимальной степени придать правовой характер такого рода противоречивым процессам, то это надо сделать. Это относится и к вопросу изменения

границ. Я, скажем, полагаю, что надо не оставлять конфликтность во взаимоотношениях Ингушетии и Осетии, а определить законом сколько угодно догм, сколько угодно сложный, но легальный механизм, который был бы приемлем для обеих сторон. Пускай это будет сложный механизм, но это должен быть правовой механизм. Я полагаю, что ответ на вопрос о праве на самоопределение должен состоять из двух стадий, двух компонентов.

Один, если не пожарный, то по крайней мере более-менее оперативный, второй — стратегический. Первый — попытка как минимум начать те процессы, запустить те процедуры диалога и согласования, которые, скажем так, потенциально обещают приемлемое разрешение конфликта.

Я обращаю внимание, что политически это всегда оправданно, что начало диалога по сколь угодно сложной проблеме — это всегда отход от позиции жесткого неприятия и конфронтации. Переговоры могут быть какие угодно сложные, но худой мир, как известно, лучше доброй ссоры. Поэтому эти механизмы надо искать.

Более того, я полагаю, что их в принципе можно найти, не идеальные механизмы и не всеобщие механизмы, но механизмы, приемлемые для каждой конкретной ситуации, для каждого конкретного случая. Но это, напоминая, тактика.

Что касается второго компонента, стратегии, то мне гораздо симпатичнее иное — создание режима, скажем, соблюдения прав каждого человека, создание такого режима, в котором вопрос о коллективном самоопределении, коллективном обеспечении индивидуальных прав не встает. Я понимаю, что это идеальная, сложная и довольно условная конструкция, но, однако, мы видим в той же Западной Европе кроме тенденций, связанных с этническим взрывом в XX веке, с проблемами сепаратизма в той или иной форме, иные и синхронные тенденции интеграции, которые все-таки преобладают. В том же Квебеке 51% граждан проголосовали все-таки за существование в составе Канады, а до этого — вопрос расширения автономии Шотландии, где тоже стало ясно, что существующие формы государственности в достаточной степени обеспечивают соблюдение прав граждан, а это является основным и более понятным для отдельного человека.

Что касается лозунга самоопределения наций и народов, сама терминология, само говорение это, к счастью, — это все-таки удел не массового сознания народа, а интеллигенции, для которой это способ самоидентификации. Напомню, что узконациональный тип ориентации свойствен в первую очередь именно интеллигенции.

О. Егоров. У меня есть замечание и вопрос. Первое. Мне кажется, с учетом того, что мы живем в мире интерпретаций, утверждать, будто индивидуальные права человека — настолько совершенный механизм, насколько право на самоопределение механизм несовершенный, очень сложно.

И вопрос такой. Иногда ситуация такова, что для группы населения этот несовершенный механизм — право народов на самоопределение — является единственным орудием борьбы против такой интерпретации прав человека, которая оказывается на деле пагубной для них.

Например, 25-я статья Всеобщей декларации прав человека гласит: «Каждый имеет право на уровень жизни ... и т.д.». Трактовка такая. Чукчи

жили очень плохо в ярангах. Для того чтобы стандарт жизни чукчей повысился, построили многоэтажные бараки и переселили их туда. Право человека соблюдено. Чукчи не в состоянии жить в этих домах психологически. Они сваливают все в одну комнату и живут в этих домах, как в ярангах. Они говорят: «Этого нам не надо. Пожалуйста, не соблюдайте нашего права, нам так жить неудобно». А им отвечают — мы соблюдаем права человека. Тогда они говорят — нам этого не надо, мы самоопределяемся. Что делать в таком случае?

С.Сироткин. Спасибо за отличный вопрос. Ну, во-первых, что касается этих интерпретаций, однозначности и неоднозначности. Интерпретация означает, что предмет неоднозначен. Если бы все было ясно, то не было бы необходимости в интерпретации; было бы точное определение того, о чем мы говорим. Поэтому и мои интерпретации, конечно, субъективны. Это первое.

Второе. Вы говорите о том что в пятиэтажный дом переселяют славного труженика просторов тундры. Что по этому поводу можно сказать? Я не понимаю, кто в данном случае, кроме районного отделения милиции, интерпретирует права человека как право что-то навязывать. Право человека, в том числе право чукотского жителя, это прежде всего право выбора. И то, что в течение длительного времени проводилась политика, о которой вы говорите, это как раз есть совершенно ясный и четкий признак того, что права человека не только не соблюдались, но откровенно нарушались. Это тот случай, когда движения, в том числе и самые крайние движения за самоопределение, могут быть и являются совершенно закономерной реакцией на такого рода широкомасштабные нарушения прав человека. Так что в данном случае речь идет именно о нарушении прав человека, потому что чужая жизненная модель, чужая модель существования навязывалась против воли человека. Вы подтвердили тезис, на котором я настаивал.

Н.Новикова. Разве право на самоопределение не является основой обеспечения права на культурную идентичность, а должно рассматриваться только как политическое право?

С.Сироткин. Когда я говорил о праве на самоопределение, я брал крайние формы. Я брал известный тезис марксизма, абсолютно справедливый, что всякое сложное явление легче всего познать в его законченном варианте развития. Я взял крайние формы именно потому, что это предельное выражение, где наиболее четко выявляется противоречивость этого процесса. Что же касается самоопределения, то, на мой взгляд, здесь есть некая бесспорная посылка, состоящая в том, что любая форма самоуправления необходима для того, чтобы сохранить и обеспечить идентичность данного народа, для того, чтобы права данного народа, которые могут быть реализованы коллективно и нуждаются в такой форме, были реализованы. В этом смысле любые формы, любые функции, любые сколь угодно широкие пределы самоуправления могут быть только оправданны.

Когда Игорь Блищенко, с большинством положений доклада которого я могу только согласиться, сказал о выравнивании статуса субъектов федерации в России, я подумал, что это, но на мой взгляд, тупиковый путь. Именно потому, что многие этносы, сосуществующие в рамках Российской Федерации, для того, чтобы сохранить собственную идентичность, нуждаются

в иных формах управления, чем русское население Воронежской губернии или Нижегородской. Именно поэтому я допускаю асимметричность федеративного устройства, федеративной структуры.

Более того, я полагаю, что нарастание асимметричности, связанное со спецификой, с особенностями этногенеза каждого народа, — это не патология развития федерализма, а его нормальная закономерность. Это противоречит либерально-демократической-Владими́ро-Вольфовичевской идеологии о превращении России в совокупность губерний. Не губернизация, а как раз аннексия форм, в которых организовано сосуществование множества народов на территории России.

Вот, мне кажется, магистральная линия. Это же имеет и иную грань, которой мы сегодня вскользь коснулись, говоря о коренных народах. Это и вопрос о дискриминации, вопрос о позитивной дискриминации — предоставлении дополнительных преимуществ тем народам, которые нуждаются в специальных мерах для того, чтобы были сохранены их идентичность, их культурный уклад, — это необходимое условие равенства. То есть известный парадокс о том, что всякое последовательное равенство включает в себя обязательное неравенство. Равенство не механический процесс. Так что, полагаю, форма самоуправления в очень гибких, очень разнообразных формах — необходимое условие для того, чтобы самоопределение не приобрело крайние экстремистские формы сепаратизма.

О.ЕГОРОВ

Коллективные права и самоопределение

Я буду очень краток, я просто пройду по тем международным документам, которые иллюстрируют коллективное право и право на самоопределение. Потому что вторая вещь, вещь, абсолютно ясная, это трактовка права на самоопределение в этой аудитории, которая настолько ограничена, что исключает вообще этот принцип как правовой. И я совершенно согласен с уважаемым докладчиком, что трактование этого принципа не может быть единственным.

Любая группа людей — это совокупность входящих в нее индивидуумов. И любое общество, с моей точки зрения (но я могу и ошибаться), настолько несвободно, насколько бесправен самый бесправный член этого общества. Не может общество называться свободным, если есть хоть один человек, права которого ущемляются.

Поэтому индивидуальные права очень важны. Но в силу того, что любое право по сути своей это не что иное, как право выбора, коллективные права не входят в противоречие и не ущемляют индивидуальных прав. Примеров тому в международной правовой практике достаточно. Вот некоторые:

1. Хартия ООН начинается словами: «Мы, народы Объединенных Наций...» (не «мы, люди», а «мы, народы»).

2. Резолюция 1991/31 от 29 августа 1991 года: Подкомиссия ООН по предотвращению дискриминации и защите меньшинств поручила Генеральному Секретарю ООН подготовить доклад, озаглавленный «Интеллектуальная

собственность коренных народов» (опять права определенной группы людей), кстати идущий как прямое следствие статьи 17 Всеобщей декларации прав человека (пункт 1 и 2): «Каждый имеет право на собственность как индивидуально, так и совместно с другими».

3. В международном праве, как и во внутреннем законодательстве многих стран (в том числе и России), давно уже признаны и оговорены права женщин. Однако никто никогда не воспринимал уважение прав женщин, составляющих определенную часть общества, как ущемление индивидуальных прав человека.

4. Конвенция МОТ 169, статья 5 говорит о проблемах коренных народов как о проблемах и индивидуумов, и групп.

5. Декларация ООН «Право на развитие», 1986 год. Статья 2, пункт 2: «Все люди ответственны за развитие как индивидуально, так и коллективно, учитывая необходимость полного уважения их прав человека...»

6. Многие страны — например Норвегия, Швеция, Финляндия, Дания, Канада, США — признают за коренными народами коллективные права в своем внутреннем законодательстве. Правительство Фиджи официально заявило на Комиссии ООН по правам человека 28 октября 1996 года: «Коллективные права коренных народов на землю отражены в законах Фиджи... В то же время индивидуальные права всех граждан выражены в национальном Билле о правах человека, признанном Конституцией...»

7. Россия не исключение. Конституция Российской Федерации начинается прекрасными словами: «Мы — многонациональный народ Российской Федерации...». Это опять же де-юре волеизъявление группы как совокупности индивидуумов. Ст.9: «Земля и природные ресурсы охраняются в Российской Федерации как основа жизнедеятельности народов». Это уже правовое разделение на несколько различных групп. Ст.68 «... гарантирует всем ее народам... право на сохранение языка, культуры» и т.д. Ст.69 «... гарантирует права коренных малочисленных народов».

И, как доказательство, — отсутствие конфликта с индивидуальными правами. Ст. 55 пункт 1: «Перечисление в Конституции Российской Федерации основных прав и свобод не должно толковаться как отрицание и умаление других общепризнанных прав человека и гражданина...»

Признание правомочности коллективных прав позволяет России защищать права русскоязычного населения в странах Балтии и СНГ.

8. Что касается мифа, будто коллективные права якобы ослабляют права человека, то ни один правовой документ не является изолированным или одиозным явлением. Любой документ, касающийся коллективных или индивидуальных прав, должен рассматриваться как часть уже существующей международной системы правовых стандартов по правам человека.

Правомочность принципа коллективного права дает жизнь принципу «самоопределения народов».

Нельзя понимать «самоопределение народов» как принцип, выражающийся единственно в праве выхода или отделения народа или территории от какого-нибудь государства.

Обращение главы государства Лихтенштейн принца Ханс-Адамса II на 48-й сессии Генеральной Ассамблеи ООН 5 октября 1993 года: «Самоопре-

ление — превентивный механизм. Не наличие или отсутствие права на самоопределение является причиной конфликтов внутри государств, а социальное, политическое и экономическое неравенство. Это неравенство не только несправедливо, оно — опасно... Принцип самоопределения, разумно примененный к потенциально конфликтным ситуациям внутри государства и позволяющий различным группам населения иметь различные уровни автономии (в зависимости от конкретных обстоятельств каждой конкретной группы), может быть фактором разрядки напряженной обстановки... Нельзя понимать «самоопределение» как непререкаемое отделение от государства».

Угроза целостности любого государства состоит не в том, что государство — это совокупность различных групп или народов, а в том, что распределение возможностей и прав несправедливо. Самоопределение как раз и есть механизм, дающий возможность участия в этом распределении в той форме или в той мере, в какой это необходимо той или иной группе людей.

Чечня — это не пример «применения» принципа самоопределения, а пример полного игнорирования этого принципа. Применение принципа — это участие в урегулировании всех заинтересованных сторон до того, как конфликт становится неуправляемым.

Эта идея все более и более овладевает мировым сообществом. Постоянным пунктом повестки дня Генеральной Ассамблеи ООН является пункт 108 (в) «Эффективная реализация права на самоопределение через автономию».

Декларация прав коренных народов содержит пункт 31 «Право на самоопределение в составе государства».

Резолюция 49-й Сессии Комитета ООН по уничтожению расовой дискриминации от 8 марта 1996 года, часть «В», пункт 7: «Право народов на самоопределение является одним из основных принципов международного права».

Этот принцип заложен в пункте 1 Хартии ООН, в пункте 1 Международного Пакта по экономическим, социальным и культурным правам и в пункте 1 Международного Пакта по гражданским и политическим правам, а также в других международных документах по правам человека.

Противоречит ли это «коллективное» право индивидуальным правам человека?

Право народов на самоопределение и права человека не только не противоречат друг другу, но и взаимозависимы.

Резолюция Генеральной Ассамблеи ООН 49/148, озаглавленная «Всемирная реализация права народов на самоопределение», гласит: «Генеральная Ассамблея ООН... подчеркивает важность всемирной реализации прав народов на самоопределение для эффективной гарантии и осуществления прав человека».

Что я могу сказать? Несовершенный мир, несовершенные механизмы, но это не значит, что этими механизмами не надо пользоваться. Вы знаете, что скальпель хирурга может стать и ножом убийцы, все зависит от того, кто, как и ради какой цели им пользуется. Право народов на самоопределение — это не единоличное право выйти откуда-то. Это право на развитие, это право на диалог, на разговор.

Можно ли ввести самоопределение в правовые рамки?

Включаясь в дискуссии о «праве на самоопределение», я обычно испытываю неловкость — дает о себе знать когда-то запавшее в душу предупреждение, что такого рода вопросами должны заниматься исключительно профессиональные юристы. Если вдуматься, это совершенно неправильное мнение. С идеей «самоопределения народов» связаны не только юридические проблемы, а то, как она толкуется на практике, в реальной жизни и как используется в политической борьбе, касается даже не столько правоведов, сколько представителей других специальностей. Сложившуюся традицию, по которой далекие от реальной жизни теоретики получают монополию на рассуждения о сугубо практических проблемах, трудно считать плодотворной. Как правило, специалисты в области международного публичного права ведут разговор о должном, а не о сущем: занимаются интерпретацией текстов и оценкой правоприменительной практики с помощью своего собственного языка, призванного обслуживать идеальные модели. Между тем те, кто реально участвует в конфликтных ситуациях и принимает решения, пользуются собственной логикой и собственной системой понятий, не всегда совпадающей с представлениями профессионального сообщества юристов.

С учетом этих соображений интересно оценить возможности ставшего модным так называемого ограничительного, или рестрикционистского подхода к праву на самоопределение. Его суть в следующем. Если под «народом» понимается сообщество граждан государства, то идея самоопределения так, как она изложена в Ст.1, п.1 пактов о правах человека, является лишенной самостоятельного содержания, а потому бессмысленной. Если «народ» толкуется как множество, отличное от согражданства (что вполне допустимо), то та же формулировка Ст.1, п.1 пактов предлагает логику внеправовых и односторонних конфронтационных действий. Всем понятно, что главная интрига закручивается вокруг этнических движений и выдвигаемых ими требований об изменении правового статуса территорий, в крайнем варианте — о сецессии и образовании независимого государства. Что должно делать государство, присоединившееся к пактам? По смыслу приведенных там формулировок, если понимать их буквально, — удовлетворять любые требования, исходящие от любой группировки, выступающей от имени народа и сумевшей собрать массовку. Абсурдность такого рецепта с практической точки зрения совершенно очевидна. Напрашивается логичный вывод, что нужна конкретизация «права народов на самоопределение», то есть выработка критериев, механизмов и процедур, делающих идею самоопределения практически применимой и не подрывающей существующую систему международных отношений.

В Уставе ООН есть определенная иерархия понятий. На первом месте стоят цели — «поддерживать международный мир и безопасность», «развивать дружественные отношения между нациями» и пр. Для достижения этих целей служат принципы, а затем уже развивается идея субъективных прав

на основе декларируемых принципов. Кстати, «принцип самоопределения» не включается в Уставе ООН в число рабочих принципов этой организации, а упоминается как некое общее пожелание. Очевидно, что идея «права народов на самоопределение» в ее «каноническом» изложении противоречит целям Устава. И совершенно естественно, что появляются предложения это право ограничить, истолковав его так, что не все народы, не всегда и не все могут. Проекты подобных ограничений выдвигаются в трех основных направлениях и предполагают выработку и использование критериев трех видов: 1) при наступлении каких условий требования самоопределения могут считаться правомерными, 2) каким образом самоопределение должно достигаться и при соблюдении каких условий признаваться правомерным и 3) кто имеет право самоопределяться (прошу прощения за то, что вынужден использовать эту терминологию).

Я употребляю слово «проекты» для краткости, на самом деле большинство авторов разных вариантов «ограничительного» подхода выражают уверенность, часто обоснованно, в том, что ограничительные критерии уже закреплены в международных документах или применяются по обычаю. Стоит поинтересоваться, могут ли эти проекты в случае их практического воплощения достичь своей основной цели, то есть содействовать тому, чтобы идея «права народов на самоопределение» соответствовала в первую очередь целям Устава ООН, а конфликты, вызываемые требованиями самоопределения, поддавались регулированию.

Начнем с конца. Третье направление — это часть националистического дискурса, то есть разговоры о том, как отделить «коренное» население от «некоренного», «народ» от «меньшинства», отказав «некоренным этносам» и «меньшинствам» в политическом самоопределении. Образцы такого подхода хорошо известны, как и последствия его практического использования. По-видимости, условность и субъективность этнических, лингвистических и историко-культурных показателей достаточно очевидны, и в данном случае нет смысла подробно рассматривать этот вопрос. Некоторые умельцы всерьез полагают, что можно в каждом случае найти четкие и объективные критерии выявления местной «высшей расы», то есть отделения «полноправных» категорий от «неполноправных», мало того, убедить участников конфликтной ситуации в истинности своего подхода. Оставим такие допущения на их совести.

Вторая позиция — уточнение, посредством каких процедур и при соблюдении каких условий должно проводиться политическое самоопределение. Обычно предлагают следующее: самоопределение должно быть результатом демократического волеизъявления, достигаться мирным путем, должно обязательно предполагать соблюдение прав человека и национальных меньшинств. Пример практического применения такого подхода — позиция Европейского Союза и США по вопросу о признании государств, образовавшихся в результате распада СФРЮ и СССР. 17 декабря 1991 года на заседании Совета министров иностранных дел стран — членов ЕС была принята Декларация о критериях признания новых государств в Восточной Европе и Советском Союзе. Новым независимым государствам был поставлен ряд условий: уважать нормы международного права, гарантировать права меньшинств, уважать нерушимость границ, признать все обязательства в

области разоружения и решать все проблемы путем переговоров¹. Чуть позже аналогичные требования были выдвинуты Соединенными Штатами. Часть условий не была выполнена, что не помешало признанию новых государств, часть была выполнена формально, но по существу демарш ЕС и США не повлиял на положение с правами человека и национальных меньшинств.

Этот случай ясно продемонстрировал вещь и без того достаточно очевидную, а именно: этнические движения и новые режимы, чтобы добиться международного признания, готовы подписаться под любыми декларациями, но это никак не означает, что эти декларации будут выполнены. Наиболее важная проблема заключается в том, что требования процедурного характера слишком легко обойти. Нетрудно выдержать «демократический» характер волеизъявления и обеспечить его всеобщность, поскольку избирателями легко манипулировать. Такие инструменты, как «права человека» и «права меньшинств», остаются недостаточно продуманными даже на понятийном уровне. Они не позволяют охватить множество ситуаций, связанных с целенаправленным давлением на меньшинства и с ограничением их социальных возможностей, например языковую политику, подбор кадров, пропагандистские кампании и пр. Зарубежным покровителям этнических движений нетрудно поэтому закрыть глаза на дискриминационную практику и «мягкие этнические чистки», особенно если их затруднительно интерпретировать в категориях «нарушений прав человека» и доказать реальность подобных нарушений.

В наибольшей степени вызывает интерес первая позиция — представление о том, что при наступлении некоторых заранее оговоренных обстоятельств требования политического самоопределения начинают считаться правомерными. В основе этой позиции лежит провозглашенная в «Декларации об основных принципах международного права, касающихся дружественных отношений между народами» 1970 года и разделяемая значительной частью профессионального сообщества юристов идея, что все нормы международного права (в данном случае будем по умолчанию считать «право на самоопределение» правовой нормой) являются взаимосвязанными и взаимообусловленными, в том числе право на самоопределение и принцип территориальной целостности. Внешнее противоречие между ними решается следующим образом.

Самоопределение имеет два аспекта — «внешний» и «внутренний». «Внешнее» самоопределение означает установление международно-правового статуса территории, в «внутреннее» — «решение народом всех вопросов своего развития». По существу, самоопределение оказывается расширенной трактовкой демократии как права населения решать свою судьбу и как права индивидов и групп на эффективное равноправие, в том числе на участие в управлении государством. Безусловно, правом на «внешнее» самоопределение обладают народы, находящиеся в колониальной и иных других формах иностранной зависимости, а также в условиях иностранной оккупации. Эта идея была закреплена в «Декларации об основных принципах международного права, касающихся дружественных отношений между народами» (Резолюция 2625 (XXV) ГА ООН от 24 октября 1970 г.) и сравнительно недавно

¹ См.: Югославия в огне: Документы, факты, комментарии, 1990–1992. М.: Славянская летопись, 1992. С.192–194.

повторена в итоговом документе Всемирной конференции по правам человека 1993 года — Венской Декларации и Программе Действий. «Внутреннее» самоопределение включает в себя, по мнению некоторых специалистов, два основных компонента: а) просто демократическое участие граждан в управлении и жизни общества и б) обеспечение такого положения меньшинств и этнических групп, которое давало бы им возможность свободного развития и опять-таки эффективный доступ к управлению государством¹.

Суверенная государственность (полученная, например, в результате деколонизации) считается результатом и формой «внешнего» самоопределения. Территориальные сообщества и этнические группы внутри независимых государств не имеют права на «внешнее» самоопределение, а только на «внутреннее»². Однако в исключительных обстоятельствах — при невозможности осуществления «внутреннего» самоопределения — то есть при массовых нарушениях прав человека, систематической дискриминации или даже угрозе геноцида «внешнее» самоопределение может стать правомерным и для части независимого государства. Косвенно это идея проводится в «Декларации об основных принципах международного права» и подробно развивается многими авторами, пишущими на тему самоопределения.

На бумаге все выглядит очень логично и красиво. Настораживают, однако, несколько моментов.

Первый — что такое «иностранная (alien) зависимость» или «иные формы иностранной зависимости»? Более или менее понятно, что такое «колониальная зависимость». Критерии таковой приведены, в частности, в «Декларации об основных принципах международного права»: колония не самоуправляется, система власти в ней устанавливается метрополией, территория или/и население колонии имеют правовой статус, отличный от статуса государства-метрополии/граждан метрополии. Смущает то, что формулировка о «народах, находящихся в колониальной зависимости», повторена в Венской Декларации и Программе действий — документе, принятом в 1993 году, когда деколонизация была практически завершена и в мире почти не осталось «классических» колоний. Возникает естественное подозрение, что не так уж далеко лежит легализация расширительного толкования понятия «колониальная ситуация» и «иностранная зависимость», основанного на очень зыбких и субъективных критериях. Образцы подобного расширительного толкования, кстати, постоянно предлагают националистические движения. Вся история человечества представляет собой цепь непрерывных захватов и миграций; границы государств устанавливались путем насилия и лишь в исключительных случаях в результате голосования заинтересованного населения. При желании очень многие территории и очень многие этнические группы можно рассматривать как «насильственно присоединенные» и «насильственно удерживаемые» в границах того или иного государства.

¹ Cassese A. Self-determination of Peoples: A Legal Reappraisal. Cambridge: Cambridge University Press, 1995. P.67–126.

² Elde A. Territorial integrity of States, minority protection and guarantees for autonomy arrangements: approaches and roles of the United Nations // Local self-government, territorial integrity and protection of minorities. Strasbourg: Council of Europe Publishing, 1996. P.282.

Иногда говорят о том, что Советский Союз и Китай надо рассматривать как колониальные империи, потому что их окраины, отличающиеся этнически от «ядра», были когда-то завоеваны. Я с этим согласен, но только при условии, что мы также признаем колониальными империями современные Францию, Великобританию, Испанию, Италию, новую Югославию, Румынию, Турцию, половину постсоветских республик, Соединенные Штаты и Канаду, большинство латиноамериканских стран, разумеется, Иран, безусловно Ирак, Индию и Пакистан, Шри-Ланку, Индонезию и большинство стран Юго-Восточной Азии, Новую Зеландию с Австралией, большую часть африканских стран, и так далее и тому подобное, то есть в конечном счете большинство стран мира. Все сепаратистские и даже автономистские движения в той или иной степени прибегают к аргументам типа: наша территория де была захвачена и удерживается силой, потому находится в иностранной зависимости и подвергается колониальной эксплуатации. Всегда можно найти благодарную аудиторию и внутри страны и за ее пределами, которая к этому прислушается и даже окажет поддержку.

Если «колониализм» понимается как экономическая эксплуатация или экономическое неравенство, то тоже появляется простор для всевозможных спекуляций. Бедный регион, точнее, партии, которые выступают от имени этого бедного региона, говорят, что мы, дескать, бедные, потому что нас эксплуатирует метрополия, то есть «доминирующее» этническое ядро. Подобная риторика находит спрос даже в научной среде, достаточно упомянуть известную теорию «внутреннего колониализма» Майкла Хечтера¹. Регион становится богатым, — тут же происходит переполюсовка и начинаются другие разговоры: нас эксплуатируют и «центр» за наш счет кормит остальные регионы.

Цитата из «Декларации об основных принципах международного права» 1970 года: «Ничто в приведенных выше пунктах не должно истолковываться как санкционирующее или поощряющее любые действия, которые вели бы к расчленению или частичному или полному нарушению территориальной целостности или политического единства суверенных и независимых государств, соблюдающих в своих действиях принцип равноправия и самоопределения народов, как этот принцип изложен выше, и вследствие этого имеющих правительства, представляющие, без различия расы, вероисповедания или цвета кожи, весь народ, проживающий на данной территории». Теряет ли легитимность государство и, наоборот, становятся ли законными претензии сепаратистского движения, если во властных структурах представлены не все группы, из которых состоит население страны? Другими словами, оправдывает ли систематическая дискриминация или наличие социально-политических диспропорций между разными этническими, языковыми и расовыми общностями претензии на политическое обособление групп и территорий?

Безусловно, неравные социальные показатели и неравная представленность в государственных структурах могут быть продуктом целенаправленной дискриминации. Но с другой стороны, полное равенство можно обеспе-

чить только на основе квотного распределения ресурсов, в том числе рабочих мест, между группами, что в современных условиях сопряжено, мягко говоря, с немалыми трудностями, создавая к тому же множество новых проблем и конфликтов. Социальные диспропорции между этническими группами могут быть вызваны вполне естественными причинами: традиционными предпочтениями тех или иных видов занятости, разными возможностями городского и сельского населения, разными темпами урбанизации и пр. Едва ли можно найти однозначные критерии, позволяющие отличить «правильную» ситуацию от «неправильной». У разных людей представления о том, какой именно вариант раздела власти и ресурсов является справедливым, могут оказаться очень сильно отличающимися. При добросовестном подходе очень непросто аргументированно отделить различия, вызванные естественными и объективными причинами, от последствий целенаправленной дискриминации, но, наоборот, — при желании любые различия можно преподать как результат «колониальной политики».

Оправданно ли «самоопределение» как ответ на массовое нарушение прав человека со стороны государства? Критерий «массовости» трудно признать четким, да и понятие «нарушение прав человека» не всегда толкуется одинаково. Важнее то, что подобная логика глубоко порочна. Ни один вооруженный конфликт в той или иной степени не обходится без нарушения прав гражданских лиц. Получается, что для этнического движения нет лучшего способа добиться своих целей, чем развязать гражданскую войну. Невозможно пострадает мирное население (что весьма вероятно даже в суверенно-демократической стране), а после пролитой крови сепаратистам нетрудно убеждать международную общественность, что применение силы со стороны государства является неадекватным, неизбирательным, влечет за собой нарушения прав человека и многочисленные жертвы, а потому лишает правящий режим легитимности и подтверждает справедливость требований сепаратистов. Конфликт, с другой стороны, — это всегда удобное прикрытие для «этнических чисток». Вооруженный конфликт — это сложная, быстро меняющаяся ситуация, в которой очень трудно собирать и интерпретировать достоверные сведения, отцеживая их от дезинформации. Международное общественное же мнение не разбирается в тонкостях и при умелой пропагандистской обработке легко становится на сторону «слабого» против «сильного» «репрессивного» государства. Сепаратистские и прочие подрывные движения получают стимул не искать компромисса, а изначально добиваться эскалации конфликта, а значит, и необратимости происходящего. Если государственная власть оказывается по каким-либо причинам неспособной поддерживать на части своей территории правопорядок, то предлагаемый выход из этой ситуации — увеличить степень нестабильности, дав зеленый свет сепаратистским группировкам — кажется, мягко говоря, странным, и совершенно непонятно, почему это должно послужить гарантией правопорядка и соблюдения прав человека.

Тема для отдельного разговора — пригодность идеи «внутреннего самоопределения» для практического употребления. С ней связаны такие же противоречия, что и с идеей «самоопределения народа» вообще, обусловленные содержанием концепта групповых прав. Если «внутреннее самоопре-

¹ Hechter M. Internal Colonialism: The Celtic Fringe in British National Development, 1536–1966. London: Routledge & Kegan Paul, 1975.

деление» — это синоним демократии, недискриминации и прав человека вместе взятых, то понятие лишено смысла. Если «внутреннее самоопределение» воспринимается как «свободное» «обустройство» и развитие этнических и территориальных коллективов внутри единого общества, то возникает сразу несколько вопросов: разумно ли рассматривать социальные процессы как следствие волевых актов со стороны каких-то групп населения; насколько вообще операционально понятие «развитие группы» (например дисперсной этнической); возможно ли «обустройство» каких бы то ни было коллективов в одностороннем порядке в рамках единого государства; жизнеспособно ли общество, воспринимающее себя как сумму «свободно самоопределяющихся» групп?

Здесь уместно задать вопрос, кто может быть адресатом предложений в рамках «ограничительного» подхода. Понятно, что не этнические и прочие сепаратистские движения. Руководствуясь идеей «права народа на самоопределение», они выпадают из системы национального правового регулирования, но не включаются в систему международно-правового регулирования, то есть на практике могут спокойно игнорировать идущие извне требования, используя только те из них, которые им в данной ситуации выгодно использовать. У них есть на это и чисто формальные основания: формулировка, приводимая в пактах о правах человека и не предусматривающая никаких внешних ограничений, приоритетна по отношению к любым декларациям. Следовательно, «рестрикционистские» проекты предназначены для государств и международных организаций в ситуациях, когда стоит вопрос об отношении к тому или иному конфликту или о признании самопровозглашенного государства.

У государств есть собственные интересы (точнее, элиты формируют представления о том, что есть интересы их стран), и правительства руководствуются этими интересами, а не задачей отыскания абстрактной истины. При том, что сохраняются конкуренция между государствами и борьба за сферы влияния, этнические движения могут служить инструментом достижения внешними силами собственных интересов. Поддержка сепаратизма в разных формах или даже угроза такой поддержки — это сильное средство международного шантажа и давления. Соперничество сверхдержав после второй мировой войны не давало возможности широко использовать подобные приемы, но после распада Советского Союза ситуация изменилась. Достаточно влиятельные круги в США рассматривали и рассматривают поддержку «периферийного» национализма в границах бывшего СССР как средство борьбы с «российским империализмом». Также довольно влиятельные политики и эксперты в США предлагают использовать поддержку национальных движений как средство укрепления американского влияния в мире¹. Российские власти накачивали деньгами и оружием сепаратистов в бывших союзных республиках, чтобы сделать более послушным руководство последних, хорошо хоть, что хватило ума не ставить рядом понятия «Абхазия», «Приднестровье», «Карабах» с одной стороны и «право на самоопределение» — с другой.

¹ См.: Halperin M., Scheffer D. Self-determination in the New World Order. Washington, DC: Carnegie Endowment for International Peace, 1992.

Собственно говоря, идея «права народов на самоопределение» потому и попала в международные документы высокого ранга, что рассматривалась противоборствующими блоками как эффективное средство внешнеполитических манипуляций.

Декларирование «ограничительного» подхода при расплывчатости, субъективности и неоперациональности предлагаемых критериев может привести только к легализации шантажа и подрывных действий против отдельных стран под прикрытием «поддержки самоопределения». Практически в каждом случае можно найти оправдания для применения санкций против любой из сторон, вовлеченных в конфликт.

Как практически нулевые следует расценивать шансы на создание независимого арбитража. Международные организации являются в конечном счете инструментом в руках ведущих держав и военно-политических блоков. Грубо говоря, все призывы к тому, чтобы «мировое сообщество» контролировало процессы «национального самоопределения», следует понимать так, что вопросы о том, кто и каким образом может «самоопределиваться», должно решать правительство США. Поэтому предположение, что интернационализация конфликта, в частности вовлечение в конфликт на ранних стадиях международных наблюдателей, может предотвратить его эскалацию и, напротив, способствовать управляемому и мирному разрешению, выглядит более чем сомнительно. Можно не сомневаться только в том, что внешнее вмешательство способно придать сепаратистскому движению лишний политический вес и обеспечить необратимость процесса дезинтеграции. Грубо говоря, чем чаще разные мелкие лидеры мелькают «по ящику», тем больше они «раздуваются» и получают возможностей набивать себе цену. Назревший в 1990–1991 годах конфликт в Кабардино-Балкарии был разрешен домашними средствами, а предположим, что в тот момент туда, образно выражаясь, набежала бы толпа Тимов Гульдимапов — и пасту уже не удалось бы загнать обратно в тюбик.

Какие угрозы связаны с декларированием в документах международных организаций идеи «права народов на самоопределение»? Обычно обращают внимание на то, что такие декларации поощряют сепаратизм. Они — сигнал о том, что, бросив под соответствующим идеологическим прикрытием вызов государству и навязав свой сценарий территориального и политического переустройства, подрывные движения в принципе могут рассчитывать на признание законности своих действий и на внешнюю поддержку. Это справедливо, но это не главное. Сами по себе сепаратистские движения и этнические конфликты угрозы для мирового сообщества в целом и для подавляющего большинства стран в настоящее время не представляют. Даже для России проблема сепаратизма стоит далеко не на первом месте, если не считать из рассмотрения довольно специфический чеченский кризис.

Дело в другом. Во-первых, нельзя не думать над тем, что будет через 10–20–30 лет, если получат развитие нынешние идеологические тенденции. Я имею в виду все более и более широкое толкование понятия «принцип самоопределения» и выделение «коренных народов» в качестве субъекта групповых прав (Конвенция 169 Международной организации труда). Если общественное сознание, особенно сознание политиков и юристов, будет

систематически воспитываться в духе концепта групповых прав и если будут создаваться прецеденты, благоприятные для националистов, то возможно одновременно всплеск этнических движений и утрата способности и политической воли им противостоять.

Во-вторых, возможность манипулирования этническими движениями как средство достижения внешнеполитических целей угрожает системе международных отношений, основанной на доктрине «организованного международного сообщества», как таковой.

Современное право исходит от государства, обеспечивается государственными институтами и вне их остается фикцией или благим пожеланием. Международное право представляет собой свод «правил игры», выработанных совместно государствами и для государств. «Игра» становится возможной, если ее участники безоговорочно признают право друг друга на жизнь, то есть в данном случае — суверенитет и территориальную целостность стран — членов международного сообщества. Если признается допустимым и возможным покушение на «жизнь» члена сообщества, иными словами, если легитимность государства может быть поставлена под сомнение по достаточно произвольному поводу самодетальной группировкой, к тому же не несущей за свои действия никакой ответственности, и если сообщество не только признает такие ситуации нормальными, но и поощряет их, тогда идея единых «правил игры» теряет смысл. Если в рамках системы международного правового регулирования существование любого государства может быть произвольно поставлено под вопрос, то ничто не может удерживать государства внутри этой системы.

Говорят, что система международных отношений как отношений межгосударственных устарела, потому что не включает в себя новые действующие лица, такие, как «народы», «меньшинства», «регионы» и пр., и не учитывает их «интересы». С большим основанием можно отстаивать другой тезис — организованное международное сообщество может выжить, только если будет предотвращать появление неконтролируемых и непредсказуемых центров силы и если ограничит рост структур, имеющих легитимную монополию на насилие. «Зеленый свет» этническим движениям несет в себе колоссальный риск: эрозия мирового порядка может выйти из-под контроля. Вспомним конфликт в бывшей Югославии — международные организации из-за остроты противоречий между государствами и из-за того, что ситуация не контролировалась, работали со страшной перегрузкой. Представим себе, что в мире одновременно фонтанирует 5–6 таких конфликтов, — система международных отношений просто рухнет.

Все это должно беспокоить тех, кто всерьез занимается проблемой прав человека. Никогда не надо забывать главные достижения мирового сообщества за последние пятьдесят лет (контроль за оружием массового уничтожения, за военными технологиями и за оборотом наркотиков), и то, какой будет цена отказа от них.

Не хочу идеализировать современные государства: многие правительства нарушают права человека и свои же собственные законы. Однако государство — это совершенно иное качество, нежели общественное объединение или партизанская республика. Государство более устойчиво, предсказуемо, связа-

но традициями, аппаратной рутинной, определенной политической культурой, оно вписано в систему международных отношений. Общество и другие государства имеют средства воздействия на него (хотя не всегда эффективные). Но любые права становятся реальностью только в институциональной среде, создаваемой государством. Международная система защиты прав человека существует в рамках межгосударственных, а не каких-либо иных отношений и договоров. Современная система международных (то есть межгосударственных) отношений при всех своих недостатках имеет большие возможности для совершенствования, и в любом случае нет смысла ее разрушать.

Как бы там ни было, этнические конфликты и этнические движения — это реальность, с которой приходится считаться. Политики и вообще люди, озабоченные этими проблемами, могут использовать по большому счету два подхода. Один из них можно условно назвать индуктивным — от частного к общему. Его суть — добиваться мирного урегулирования отдельно взятого конфликта, не особенно заботясь о том, как это повлияет на другие кризисные ситуации. В принципе можно успешно разрешить конфликт, уступив этническому движению и используя рецепты, которые оно предложило. Тем самым будет создан прецедент, потом в других ситуациях появится соблазн действий по аналогии, а результат может оказаться совсем иным, чем в начале.

Другой подход, которому лично я симпатизирую, можно назвать дедуктивным. В его основе представление о том, что приоритетом является сохранение существующей системы отношений, то есть организованного международного сообщества и государства — той институциональной среды, которая позволяет наполнить понятие «права человека» реальным содержанием. Отталкиваясь от этого, можно решать другие задачи, в том числе искать пути выхода из отдельно взятых кризисов. Не все равно, сколько существует конфликтов в конкретный момент времени — два или двадцать два. Избегать полностью конфликтов нельзя, но их число можно минимизировать. Чем чаще сепаратистским движениям будут демонстрировать, что у них ничтожно мало шансов, а за любой успех придется платить большую цену, тем больше у людей появится стимулов искать решение в рамках другой аналогии и других подходов.

Как быть с декларациями о «праве народов на самоопределение»? Говорить об их пересмотре или отмене едва ли возможно: непонятно, кто реально возьмет на себя такую инициативу (не российское же руководство!) и чем она закончится: широкие дебаты о самоопределении, как и декларации в духе «ограничительного» подхода, учитывая политическую и идеологическую ситуацию в мире, скорее всего, послужат неплохой рекламой именно этническим движениям.

Наиболее разумной для ответственных политиков и общественных деятелей представляется стратегия игнорирования деклараций о самоопределении. Ее суть в том, чтобы, во-первых, отучиться от вредной привычки смешивать единичное и общее, вопрос факта и вопрос принципа, вопрос факта и вопрос права. Почему распался Советский Союз? Потому, что так случилось, а не потому, что народы реализовали свое «право на самоопределение». Почему распалась империя Александра Македонского? По той же самой причине. Означает ли де-факто независимость Абхазии торжество

«права на самоопределение»? Нет, просто команда «синих» одолела (не без поддержки извне) команду «оранжевых», а могло случиться и наоборот. Если говорить конкретнее, то в современных условиях вопрос факта — это в первую очередь вопрос международного признания новообразованных государств. Во-вторых, по умолчанию, то есть не поднимая ненужного шума, следует исходить из того, что идея «права народов на самоопределение» не является правовой, что ни Ст.1, п.1 пактов о правах человека, ни декларации Генассамблеи ООН о самоопределении не налагают на государства никаких конкретных обязательств, и соответственно действовать. В частности, по мере возможности не допускать того, чтобы эта идея получила какую-то конкретизацию на уровне международных организаций и новые толкования, то есть не допускать дополнительного признания ее как некой юридической реальности.

Конфликты и кризисы — проблемы политические, а не правовые. Это не значит, что в таких ситуациях нет места праву. Для ситуаций вооруженных конфликтов кроме политических технологий придуманы нормы гуманитарного права: нельзя неизбирательно применять тяжелое вооружение, нельзя устраивать бессудные казни, нельзя брать заложников, нельзя применять пытки и пр.

Чем удобна эта стратегия? Тем, что не надо ничего менять. Любопытно, что современная практика умнее, если можно так выразиться, риторичнее. Что бы там ни декларировали документы ООН и других международных организаций, но почти все страны на практике руководствуются лозунгом: «Сепаратистов били, бьем и будем бить».

При соблюдении этих условий и при удачной политической конъюнктуре «принцип самоопределения» через несколько десятилетий может отпасть как недействующий.

Подведем итоги. «Ограничительный» подход не позволяет преодолеть неправовую логику идеи самоопределения; возможные результаты его применения оказываются далекими от провозглашаемых целей; для решения соответствующих проблем есть другие приемы и способы, не связанные с риском, создаваемым идеей самоопределения. Думаю, что вышеизложенных соображений достаточно для того, чтобы закрыть вопрос о конкретизации идеи «права на самоопределение» и больше к нему не возвращаться.

Ответы на вопросы и обсуждение

А.Кузьмин. Мне кажется, что Александр отметил один, наверное, самый важный момент, — что права человека, о которых мы больше всего говорим и думаем, защищены до тех пор, пока существуют какие-то механизмы их защиты. Есть международные механизмы и есть государственные, но, кстати говоря, международные механизмы работают опять-таки преимущественно через государство. Плюс есть общественная инициатива, которая в основном означает давление на то же государство. В тот момент, когда какая-то статистическая общность получает право без ограничений, в том числе тех самых ограничений, которые приняты на себя государством в области правозащиты, самоопределился, говорить о каком бы то ни было соблюдении прав вообще становится бессмысленно. Потому что просто нет субъекта, который должен эти права соблюдать.

А.Осипов. Совершенно верно. Что бы там ни декларировалось в этих самых документах Генеральной Ассамблеи ООН, то, что предпосылкой к пользованию правами и свободами человека является право народа на самоопределение, это есть некая риторическая фигура, которую не стоит принимать всерьез. Декларировать можно все что угодно, в том числе и то, что Луна квадратная.

С.Червонная. Простите за резкость, но не кажется ли вам, что вы выполняете сейчас определенный социальный заказ, создавая почву для бесконечности правозащитного движения.

Я раскрою свою мысль. Если вы некоторые факты вот такого массированного нарушения прав человека будете отодвигать в плоскость каких-то политических вопросов, решать и даже обсуждать которые — не наше дело, то мы будем потом бесконечно защищать права отдельно взятого человека в стране, где будет господствовать террор. Если бы в свое время, когда разгоняли Учредительное собрание или когда севастопольские большевики кровью заливали Крым, можно было бы организовать коллективное гражданское сопротивление такому политическому наступлению на права кого хотите — народа, нации, человека, то потом было бы меньше оснований для правозащитного движения. Была бы нормальная жизнь в нормальном, цивилизованном, конечно, не идеальном (наверно, идеалы тем и хороши, что они в полной мере не осуществимы), но именно в нормальном обществе, в котором не было бы почвы для особого диссидентского андеграунда, для правозащитного движения и его героев.

Эпоха Учредительного собрания — дело прошлое. Но зачем же нам сегодня, когда идет очевидное политическое наступление на наши гражданские права, делать вид, что это не наше дело.

Я выражаю сомнение в правомочности такого подхода.

А.Осипов. Что касается почвы для бесконечности правозащитного движения, то, во-первых, правозащита есть не самый доходный и престижный вид бизнеса, а проблемы с отсутствием работы у правозащитников, боюсь, никогда не возникнут и без «помощи» национальных движений; во-вторых, я не уверен, что правозащитникам в принципе нужно работать в зонах вооруженных конфликтов, потому что там ситуация неправовая по определению, так как изначально исключает соблюдение прав человека.

Противодействовать наступлению на гражданские права можно разными методами — политическими и неполитическими. Смена режима — это политическая, а не правозащитная проблема. В любом случае национальные движения в роли борцов за гражданские права и либеральный порядок смотрятся странно.

Нужна работающая система, хотя бы в отдельных государствах, позволяющая понятие «права человека» наполнять конкретным смыслом и обеспечивать защиту личности. Могут быть разные пути к тому, чтобы создавать такой политический режим. Я против того, чтобы ко всем этим способам политических преобразований приклеивать ярлык решения во исполнение некоего права, тем более коллективного. Те, кому нравится, пусть занимаются революциями. Те, кому нравится, могут проявлять гражданское неповиновение. Это дело личного выбора. К правозащите это, по-моему, не имеет прямого отношения.

Есть еще вопрос о политической культуре, к которой мы, я надеюсь, так или иначе стараемся принадлежать и которая предполагает, что предпочтительны переговоры, компромисс, сотрудничество, соблюдение индивидуальных прав и т.п. Эта культура лучше всего прививается и развивается в условиях политической стабильности и постепенных реформ, а не во время революции с ее революционной целесообразностью. Я сторонник эволюции, а не революции. И все, что прямо или косвенно способствует разжиганию революции, я считаю для себя морально неприемлемым.

С.Червонная. Сопротивление реакции должно быть?

А.Осипов. Сопротивляться можно по-разному. Некоторые считают, например, что нет лучших способов, чем подкладывать бомбы в общественный транспорт или брать заложников.

Г.Тархан-Моурави. Не кажется ли вам, что лозунгами, о которых вы говорили, все равно будут оперировать и при этом нарушать права человека? Если вы выведете эти объективные процессы из правовых рамок, то тем самым создадите еще большую возможность нарушения прав.

А.Осипов. Я для себя еще не нашел окончательного ответа. Я симпатизирую предположению, хотя не уверен на 100%, что как бы чем больше вы вставите палок в колесо этнических движений, тем выше будет уровень стабильности в мире и больше стимулов для людей искать решения в рамках другой идеологии и другими средствами — через реформы, эволюцию и т.д. Возможен другой подход — искать ограничительное толкование самоопределения и придумывать механизмы, позволяющие находить мирные решения. Мне кажется, что это, во-первых, утопическая идея, во-вторых, проявление печально известного «духа Мюнхена». Даже если в каких-то отдельных случаях она сработает успешно, это не значит, что она будет так работать всегда. Большой и неоправданный риск в том, что где-то удастся решить проблему, а в десятке случаев ситуация станет неуправляемой. Это очень похоже на проблему терроризма или похищения людей: тот, кто уступает вымогателям, может быть, выигрывает сам, но по-крупному подставляет всех остальных.

А.Черкасов. Вопрос о комплексе права, действующего именно в зонах вооруженного конфликта. Саша сказал, что там права никакого нет, на самом деле в случае внутреннего конфликта там должны соблюдаться нормы международного гуманитарного права, конкретно Второй дополнительный протокол 1977 года к Женевским конвенциям 1949 года. И в случае сепаратистских движений, хотя сепаратисты не являются высокой договаривающейся стороной, в какой-то части они нормы гуманитарного права тоже должны соблюдать. Есть решение Международного суда от 1986 года, что гуманитарное право — это не только писанные нормы, но и обычаи, которые должны соблюдаться.

А.Осипов. Все здорово теоретически, а практически эти революционные движения не соблюдают никаких правил игры, делают, что хотят. Сепаратистские движения не являются высокой договаривающейся стороной, предъявление им (движениям, а не отдельным персонам) требований правового характера — это первый шаг к признанию их высокой договаривающейся стороной. А им только этого и надо. Лично меня это беспокоит. Невелика зверь, да лапист.

Н.Калинкин. Не кажется ли вам, что в таком случае, как случай карабахского конфликта, пока политики вели бы переговоры, пока искали бы политические пути его урегулирования, а я думаю, это происходило бы еще долгие десятилетия, произошло бы то же самое, что случилось с так называемой Западной Арменией после 1915 года? Как известно, сейчас там ни одного армянина нет.

А.Осипов. Согласен, наверное, так оно и было бы. Люди сделали свой выбор, взялись за оружие, и началась война. Полагаю, однако, что вопрос о политическом статусе бывшей НКАО — это не наша головная боль. Вопрос политический — пусть политики и разбираются. В любом случае, не в наших интересах поощрять сепаратизм. Думаю, правозащитникам не надо быть в каждой бочке затычкой, а лучше знать свой шесток.

Н.Калинкин. Извините, но там убивали людей, там нарушались права.

А.Осипов. Очень жаль. Но там шла война.

Н.Калинкин. В 1990–1991 годах в Карабахе что, не убивали и не депортировали?

А.Осипов. После того, как начались столкновения.

Реплика из зала. А Сумгаит?

А.Осипов. Сумгаит — темная история. Притом, Сумгаит находится не в Карабахе.

Н.Калинкин. Я все-таки с вами не согласен. Конфликт перешел в открытую военную фазу именно после насильственных депортаций населения.

А.Осипов. Мы опять закручиваем порочный круг, когда беремся выяснять, кто первый начал. Если уж на то пошло, можно сказать, что конфликт начался с депортации азербайджанского, точнее, мусульманского населения из Армянской ССР. Но дело не в этом. Логика конфронтации и логика действий во имя реализации групповых прав были заданы изначально. Обе стороны ей следовали и заводили ситуацию в тупик. Это печально, но думаю, такой исход был неизбежным. Я только не согласен с тем, чтобы к совершенному любой из противоборствующих партий крепился ярлычок действий во имя осуществления некоего права.

Н.Калинкин. По-моему, вы очень заблуждаетесь, вы просто путаете два понятия — правовые проблемы и проблемы, связанные с правами человека. Здесь происходит постоянная путаница.

Дискуссия: Содержание идеи права народов на самоопределение

В.Цилевич. Что касается юридической стороны дела: есть ряд вопросов, которые стали уже классическими. Что такое самоопределение? Существует Резолюция 2625, насколько я помню, 1970 года, Генеральной Ассамблеи ООН, которая перечисляет возможные формы самоопределения, однако на уровне той же самой ООН практически речь идет только о сепарации, только о создании собственного независимого государства. Важный вопрос: а вообще существует ли понятие права на самоопределение вне контекста деколонизации? Вроде бы, если мы берем просто нормы Пакта, о которых говорил

Александр Осипов, вначале — да. Это понятие универсальное, которое в процессе деколонизации не сводится, однако на практике ситуация совершенно иная, так что все очень ситуативно. Третий вопрос: означает ли право на самоопределение право на сецессию? Всегда ли, во всех ли случаях? Тоже далеко не всегда.

Допустимо ли для реализации права на самоопределение применение силы или угроза применения силы? Тоже дискуссионный вопрос, тут можно привести ряд примеров, когда очень авторитетные люди высказываются как за, так и против... Отрицательных и положительных ответов на эти вопросы много, и в целях экономии времени я их анализировать не буду.

Наконец, самый ключевой вопрос: так кто же все-таки является субъектом права на самоопределение? Мы говорили — народ, мы говорили — нация. Просите, а что это такое? Мы говорили — население территории. Но сегодня уже в нескольких выступлениях было блестяще продемонстрировано, что это тупик. Мне кажется, что важнейший момент здесь таков: если мы возьмем определение нации и определение народа, с одной стороны, и определение этнической группы, которая может претендовать на права меньшинств, с другой, то эти определения просто-напросто совпадают — и там, и там есть некий объективный фактор, то есть некие общие признаки, объединяющие эту группу, и субъективный фактор, то есть осознание своей общности (с различными вариациями). Но чем в таком случае этническая группа отличается от народа? Здесь никакой разницы нет. Если мы говорим о населении территории о'кей, все очень хорошо; но — границы этой территории?

Вспомним классический пример с островом Майотт (подалее, чтобы не брать нашей злободневной, актуальной ситуации): там Франция предоставила независимость Коморским островам, а жители острова Майотт заявили, что они не хотят становиться частью государства Коморские Острова, а хотят остаться частью Франции. Так кто все-таки обладает правом на самоопределение — жители всех Коморских островов или жители острова Майотт?

Тут можно привести массу примеров из нашего сегодняшнего контекста. Поэтому с юридической точки зрения я бы сказал так: вот это, казалось бы, противоречие, которое все время упоминается, — право на самоопределение противоречит принципу неизменности границ и суверенитета каждого государства, — это противоречие кажущееся. На самом деле эти два принципа, с юридической точки зрения, утверждают одно и то же.

Мы говорим — «право народа на самоопределение». Что такое народ, нация? Что такое Организация Объединенных Наций? Простите, это организация государств. То есть народ — это общность граждан определенного государства. И с этой точки зрения право народа на самоопределение означает, что никто не вправе извне, силой, против воли общности граждан этого государства изменить его статус. То есть это то же самое, что принцип невмешательства во внутренние дела, что принцип суверенитета, что принцип неизменности границ в Европе. Поэтому если юридически к этому подходить, то мне кажется, трактовка должна быть именно такой.

Принцип это или право? Очень хорошо сформулированный вопрос. Есть самые разные точки зрения. Мне, честно говоря, больше всего нравится такая: право на самоопределение было принципом, то есть некой нравствен-

ной максимой, до начала институционализированного процесса деколонизации. Когда начался процесс деколонизации под эгидой ООН, под эгидой соответствующего комитета ООН, этот принцип получил конкретное юридическое наполнение и стал инструментальным. Но на сегодняшний день процесс деколонизации завершен, и, как мне представляется, этот принцип опять стал чисто нравственной максимой, подходить к нему инструментально достаточно сложно.

Я еще раз хочу сказать: у меня есть очень серьезные сомнения в том, что принцип права на самоопределение, так, как его принято понимать, в его историческом контексте, с историческими обоснованиями, совместим с индивидуальными правами человека. Неизбежно мы тогда сталкиваемся с тем, что, в общем-то, запрещено, категорически запрещено другими базовыми документами ООН, то есть с дискриминацией. С дискриминацией по этническому признаку, по признаку происхождения, ведь иная форма реализации этого принципа невозможна. Сама по себе сецессия, сама по себе реализация права на самоопределение через сецессию не решает основной проблемы, не решает проблемы этнической, культурной неоднородности нового государства. В этом государстве возникают свои этнические группы, свои меньшинства, которые тоже могут потребовать самоопределения. До какого уровня этот процесс может идти?

Э.Зейналов. Отделение меньшинства не может произойти без отделения территории. В силу того, что наш мир реально уже поделен на сферы влияния супердержав, те сецессии, которые планируются на стыке этих интересов, естественным образом запускают механизм глобальных антагонизмов. ООН, которая, по идее, могла быть формой сдерживания таких конфликтов, на данном этапе является лишь формой компромисса супердержав — не более. И в результате роль ООН сегодня практически нулевая. Это показывают неудачи миротворческих миссий в ряде конфликтных регионов.

Передел мира — наиболее благоприятный момент для осуществления подобных самоопределений, сецессии. Вспомним, когда в первый раз была успешно эксплуатирована тема самоопределения народов. Это Брестский мир 1918 года. Немцы оккупировали часть Российской империи, но формально это подавалось как самоопределение Украины, Прибалтики и т.д. И немцы на переговорах в Бресте эксплуатировали эту тему.

Крушение колониальной системы, мне кажется, — самый неудачный пример осуществления права наций на самоопределение, сецессии, так как колониальная система после своего распада оставила очень много конфликтов. Никто не может отрицать, что в ряде мест ситуация ухудшилась после обретения государствами независимости. Отмечено, что ряд колониальных народов сейчас охотно попросились бы под чью-то опеку. Распад колонии породил новые формы зависимости — неоколониализм и т.д.

Только договоренность супердержав на данном этапе поможет избежать этой опасности. Мы видим, например, что в Латвии, где половина населения русскоязычная и где возможность конфликта постоянно подчеркивалась, эти конфликты не произошли, так как была достигнута договоренность супердержав о балтийских государствах. Воссоединение Германии (как со-

бытие) — это не волеизъявление немецкого народа, а форма договоренности между западным блоком и Горбачевым.

И без сецессии вполне можно успешно решить проблему самоопределения народа. Вот, скажем, российские автономии не порождают вооруженных конфликтов, так как этот вопрос не ставился ребром, как в Чечне. Или, например, Гагаузия — уже забытый и никем не приводимый пример самоопределения.

И еще я один момент хотел затронуть напоследок — насчет критериев права наций на отделение. Здесь Старовойтовой, к сожалению, нет, но она обычно использует четыре критерия — историческое право на территорию, современный этнический состав, волеизъявление наций и ответственность политиков. Я вас уверяю, что все эти критерии могут быть организованы искусственно и в очень короткие сроки. Даже история не постоянна — это вечная служанка правящего режима, ее уже сто раз переписывали.

А.Осипов. Мне трудно согласиться с двумя тезисами, часто звучащими на встречах, подобных нашей. Первый — идея права народов на самоопределение достаточно расплывчата и даже в чем-то внутренне противоречива, но возможны ее «верные» толкования, позволяющие избежать злоупотреблений и конфликтов. Второй — идея права на самоопределение, как и право вообще, не дает готовых рецептов на все случаи жизни, а предлагает только самые общие ориентиры, и потому в тех ситуациях, когда ее требуется применить на практике, нужны дополнительные интеллектуальные усилия плюс учет всех фактических обстоятельств и плюс согласование с другими правовыми нормами. Я берусь утверждать, что идея права народов на самоопределение является достаточно ясной, последовательной и непротиворечивой. Она дает достаточно четкие ориентиры, из которых легко выводятся адекватные алгоритмы практических действий. Проблема в том, что ее логика принципиально несовместима с логикой права, как таковое понимается в западноевропейской традиции, и потому никакая адаптация применительно к конкретной ситуации и правовым нормам невозможна. Приходится чем-то жертвовать — или логикой самоопределения, или правом.

Статистическое или символическое множество (этническая группа или население территории) не может рассматриваться как субъект права — нет субъекта ответственности, и вопрос нужно считать закрытым. Идея односторонних, ничем не ограниченных действий от имени подобного множества — это идея революции, а логика революции и логика права плохо сочетаются друг с другом.

В названии нашего семинара, точнее, в подзаголовке «Идеология и практика» содержится косвенный вопрос, вопрос об этикетке и о содержимом сосуда, к которому та прилеплена. Уместнее говорить не о практике применения идеи «права народов на самоопределение», а о двух разных практиках. Один ряд — это процессы, к которым из вежливости приклеивается ярлык «самоопределения народа», хотя они, по существу, с самоопределением по смыслу этого понятия не имеют ничего общего.

Характерный пример — деколонизация. Когда она проходила, во всех случаях основные вопросы — нужно ли образование независимого государства, в каких границах оно будет образовано, в результате каких процедур — решали силы, внешние по отношению к заинтересованному насе-

нию, как-то: государства-метрополии, Комитет ООН по деколонизации и пр. Население колоний далеко не всегда получало возможность даже символического волеизъявления на референдумах. В одних случаях колонии делились на части (Британский Камерун, Руанда-Урунди), в других — нет, хотя отмечались массовые настроения в пользу раздела этнически неоднородных территорий (классические примеры — Коморские острова, Экваториальная Гвинея, Того). Применялся двойной и тройной стандарт.

То же самое можно сказать о ситуациях автономизации или создания федеративных структур. Решение об автономии Гренландии было принято в конечном счете все-таки датским правительством как результат неких конституционных процедур плюс переговоров между центральным правительством и правительством Гренландии. Объединение Германии: напоминаю, основная формула была два плюс четыре, в основе урегулирования было решение держав-победителей и правительства ФРГ, а не просто население Восточной Германии проголосовало и присоединилось к Западной.

Другой ряд примеров — сецессии явочным порядком. Это действительно самоопределение, то есть ситуации, когда революционные по сути движения действуют именно в одностороннем порядке, «сами», «свободно» и «без вмешательства извне», сметая все на своем пути, изгоняя или вырезая несогласных, выборочно взывая к удобным для себя международным нормам. Примеры — Карабах, Абхазия, этнические государства на месте Боснии и Герцеговины. Есть только одна неувязка — правом в этих и других случаях даже не пахнет.

Когда действует неправовая логика, все благие пожелания, которые так прекрасно нам изложил академик Старушенко, о том, что условием самоопределения должно быть соблюдение прав человека, о том, что недопустимо применение силы, о том, что нужно соблюдать интересы народа, а не кого-то там еще... а кто определит, что такое интересы народа? — эти пожелания повисают в воздухе. Революционные движения, извините меня за тавтологию, это движения, которые руководствуются принципом революционной целесообразности. Революция — это когда победитель сажает проигравшего. Другого никогда не было, нет и не будет. Предъявлять претензии по части соблюдения прав человека, защиты меньшинств, процедур выявления воли населения, по существу, некому. Провозглашение же универсального «права на самоопределение» в документах, имеющих высокий статус, есть не что иное, как поощрение этих революционных движений. Эти группировки даром получают ценный символический капитал и могут с чистой совестью доказывать всем, что они не просто борются за власть, а действуют во исполнение некоего высшего права. Не думаю, что поощрение революционных движений — это разумная стратегия с точки зрения тех, кто озабочен правами человека и международной безопасностью.

«Право на самоопределение», если рассматривать его как рациональный проект, преследующий определенные благие цели, во-первых, является просто лишним и создающим ненужную путаницу. Все известные варианты политического решения внутригосударственных кризисов или легитимизации новых независимых государств совсем не нуждаются в использовании этой идеи и этого лозунга. Во-вторых, оно контрпродуктивно по названным выше причинам.

С.Червонная. Здесь поднимался вопрос о том, кто же является субъектом права на самоопределение — все население определенной территории или определенный этнос. Очевидно, что с общедемократических позиций и прежде всего с позиций правозащитного движения надо настаивать на том, чтобы все население, постоянно проживающее на данной территории, могло участвовать в решении ее судьбы. К урнам для голосования нельзя допускать только людей, отобранных по признаку крови, родства, этнической или клановой принадлежности. Тогда это будет уже не демократический референдум, а фашистский диктат или апартеид. Но ведь нельзя закрывать глаза и на то, что «самоопределение» («вплоть до отделения») может быть исторически оправданно только в том случае, если за ним стоят инициатива, традиции, наконец, жизненные интересы определенного этноса, стремящегося к совершенствованию, возрождению или созданию своей государственности. Если таких интересов, такого особого, этнического «субъекта права на самоопределение» нет, то дело может дойти до абсурда — какой-нибудь отстающий колхоз или банно-прачечный трест заявит о своем «государственном самоопределении» и пожелает, отделившись от России, войти, скажем, в Соединенные Штаты Америки.

Вероятно, в качестве исключения возможна и такая ситуация, когда какая-нибудь область с населением, этнически смешанным или этнически однородным, но ничем принципиально по составу от населения всей страны не отличающимся, «самоопределилась» или «отделилась» от остальной территории, но это будет сепаратизм в чистом виде (возможно, иногда и оправданный экономическими или политическими соображениями), ничего общего с национальными интересами того или иного этноса не имеющий. Нормальный же процесс «самоопределения», который мы, к примеру, могли наблюдать на историческом опыте центральной и восточной Европы после первой мировой войны, когда начала действовать вильсоновская доктрина «самоопределения» и возникли такие государства, как Венгрия, Польша, Финляндия, Литва, Латвия, Эстония и т.д., связан с выступлением определенного этноса в качестве политического лидера, образующего ядро новой государственности и выполняющего роль «титальной нации».

Здесь говорилось о том, что в экстремальной ситуации, когда речь идет об этноциде, о перспективе просто физического исчезновения этноса, этот этнос «доводят» до того, что ставится вопрос о самоопределении, вплоть до отделения. Но дело в том, что в такой экстремальной ситуации оказались, до такого отчаяния были доведены практически все народы бывшей царской империи. И их положение за семьдесят лет коммунистической диктатуры вряд ли изменилось к лучшему, хотя советская власть активно задействовала в своей политике не только национальную демагогию, но интенсивную мимикрию «национально-государственного» строительства в виде целой системы союзных республик и дифференцированных по рангам автономий. Поэтому стремление этих народов к самоопределению имеет серьезную историческую основу и вызвано именно той «экстремальной ситуацией», которая в нашей стране является не редким исключением, а нормой, предопределенной всеобщим историческим развитием прежней многонациональной Российской империи и десятилетиями истории Советского Союза и коммунистического

режима, практиковавшего и массовый геноцид, и депортации целых народов, и ущемление в правах многих этнических групп. Поэтому это стремление к самоопределению народов, при лидирующей роли определенного этноса, стремящегося создать заново или восстановить свою государственность, разрушенную в итоге его насильственного присоединения к империи, исторически объяснимо.

Что касается того, как реализуется право народов на самоопределение (а я еще раз хочу подчеркнуть, что в геополитическом пространстве бывшей Российской империи и бывшего Советского Союза это прежде всего их право на освобождение), то я не думаю, что это исключительно вопрос конвенции, договоренности великих держав. Конвенция наступает потом. Свою судьбу литовцы решили на многотысячных митингах «Саюдиса», на выборах в сейм. Не соседние великие державы, а сама Литва объявила 11 марта 1990 года о восстановлении своей государственной независимости. И лишь потом вступили в силу международные договоренности, значение которых, конечно, не следует приуменьшать. Чеченский народ тоже решает свою судьбу по-своему, собственными силами, и дай Бог, чтобы и соседним державам, и международным авторитетным организациям хватило мудрости и толерантности на то, чтобы принять решения, адекватные ясно выраженной воле чеченского народа. Но напрасно было бы надеяться, что не сам народ, а кто-то другой со стороны, извне принесет освобождение и справедливо решит судьбу этого народа.

Г.Старушенко. В связи с Квебеком встал вопрос, как в современном мире сегодня «работает» демократия. Получается, если то или иное решение собрало 50% плюс один голос, то это решение большинства. То есть та половина населения, к которой примкнул один чудак, подавший голос неизвестно по каким соображениям, склонив чашу весов, навязывает свою волю другой половине общества. О подобных изъятиях демократии говорил еще Черчилль, возмущался ими и сожалел, что ничего лучшего пока не придумали. Хотелось бы, чтобы во время выступлений участники высказались и по этому вопросу.

В наше время существует такое толкование: демократично то общество, в котором прежде всего защищаются интересы меньшинства. Это серьезная проблема, которой должен заниматься и «Мемориал».

И.Новикова. Я хочу на несколько минут привлечь ваше внимание к той проблеме, которой я занимаюсь, и к названию нашего семинара, где есть подзаголовок «Идеология и практика». Мне кажется, что когда мы оцениваем проблему самоопределения, ее не надо абсолютизировать, но практические подходы к этой проблеме могут представлять интерес. Эта ситуация, возможно, похожа на положение с правами человека: они закреплены в Конституции, а реальное положение несколько иное. Так же и реальное положение с самоопределением расходится с теми принципами, которые приняты на международном уровне и которые, может быть, воспринимаются многими людьми в нашей стране с опаской из-за различных войн, которые часто проходят под флагом самоопределения.

Я хочу говорить о той проблеме самоопределения, которая близка мне и связана с коренными народами Севера. Как вы, наверное, представляете, ко-

ренные народы Севера в районах своего расселения составляют от 1 до 15% населения. И если придерживаться идеи, высказанной в докладе академика Старушенко, то у них никакой возможности для самоопределения в принципе быть не может, потому что основное население этих районов, естественно, не поддержит их самоопределения. Причем у многих людей, знакомых с проблемой освоения Севера, существует представление о правах человека как бы общегосударственное. То есть мне говорят: «Ну как же, наше государство заинтересовано в нефти, и граждане нашего государства заинтересованы в нефти. Поэтому аборигенов надо выселять с их земель, забирать у них эту землю и добывать там нефть». При этом аборигены как бы не считаются гражданами этого государства, которые по Конституции тоже имеют право на жизнь. И вот это самоопределение. Если рассматривать самоопределение как выбор путей своего развития, то, в общем-то, как бы ничего страшного и не происходит: у разных людей могут быть разные представления о том, что такое путь их развития, и можно договориться об этом.

Я.Рачинский. Я хотел бы сказать несколько слов о том, как трактовать самоопределение: право это или принцип.

Я думаю, что это, конечно, принцип. Существует принцип, что лгать нехорошо, но если бы ввести этот принцип в Уголовный кодекс, боюсь, на свободе осталось бы не так уж много людей. Потому что так или иначе приходится учитывать жизненные обстоятельства. И лгать зачастую приходится не корысти ради, а совсем из других соображений. Я уж не говорю, что есть политика, где и подавно не осталось бы на свободе ни одного из персонажей.

Так вот мне кажется, что принцип права на самоопределение лежит примерно в той же области. Это некоторое благое пожелание. Конечно, нельзя никого насильно загонять в какие-то границы — это с одной стороны. С другой стороны, это пожелание невозможно прописать в праве, как и запрет на ложь. Потому что не определены ни существо самоопределения, ни субъект права, ни процедуры. А уж если самоопределение введут в право (в сегодняшних абсолютно неопределенных формулировках), то ни одна страна не останется без собственной гражданской войны.

Примерно так, как сознание того, что лгать нехорошо, влияет на поведение человека в обществе, существование принципа права наций на самоопределение должно быть некоторой предпосылкой в переговорном процессе, который представляется мне единственно возможным путем в решении территориальных споров и вопросов о возможности самоопределения.

И, разумеется, вопрос не может решаться путем односторонних заявлений — ни со стороны слабого, ни со стороны сильного.

Э.Зейналов. Я хочу в основном остановиться на вопросе «волеизъявления народа». Хотел бы обратить ваше внимание на две черты волеизъявления путем голосования: на динамичность настроений и на управляемость. При том уровне нашей личной несвободы, в основном внутренней несвободы, мы очень легко управляемы. Примеров я могу привести множество, начиная от референдума по вопросу о единстве СССР. Но я хотел бы упомянуть лишь несколько примеров, которые здесь фигурировали. Это примеры голосования после непосредственной оккупации.

Скажем, жесткая оккупация Западной Украины и Западной Белоруссии сопровождалась последующим пристрастным контролем референдума со стороны НКВД. Противоположный пример — оккупация Намибии и некоторых районов Югославии войсками ООН, то есть проведение волеизъявления под контролем войск ООН.

Во время боевых действий или во время «холодной войны» психологически очень трудно избавиться от эмоций. Примеры Чечни, Карабаха, государств советской зоны влияния после второй мировой войны показывают, что голосование было очень легко управляемо. Кроме того, сама процедура такого волеизъявления зачастую подозрительна, так как очень существенно, кто считает и как считает, чей контроль — НКВД или ООН. Это вопрос вопросов.

Второе — это участие всех, неременное условие полноты голосования. Есть яркий пример Карабаха, где осталось всего 40% от прежнего населения — это по официальным данным, по неофициальным, может быть, еще меньше. Из 167 тысяч населения, 47 тысяч азербайджанцев сбежало, 54 тысячи армян уехало. Кто там уполномочен голосовать? И каким образом туда сейчас можно затащить тех же самых азербайджанцев или даже тех же самых армян, которые предпочитают Ереван Степанакерту?

С.Червоная. При обсуждении проблемы самоопределения наций мне хотелось бы выделить два сюжета, вокруг которых обычно завязываются острые дискуссии.

Первый — это роль той этнической элиты, или, если угодно, «олигархии», роль той политической силы, которая возглавляет национальное движение и берет на себя право говорить от имени своего народа, формулировать, представлять и защищать его национальные интересы. Ну совершенно очевидно, что элитная элита и сам народ, если можно так сказать «народная масса», — это не одно и то же, это разные явления и в количественном измерении, и по уровню их возможностей, активности, целеустремленности. Нельзя ставить знак равенства между этносом и его культурной элитой, образующей верхний социальный слой, между всем народом и всегда довольно ограниченной, узкой группой, составляющей политическое руководство массовым национальным движением. Совершенно очевидно также, что в элитарную, руководящую группу могут проникнуть люди, преследующие прежде всего личные этнические, карьерные, честолюбивые интересы, — ни одно национальное движение от этого не застраховано. Да даже если исключить такую вероятность и представить себе, что во главе национального движения окажутся самые светлые, кристально чистые, безупречные в нравственном плане, высокоинтеллектуальные личности, посвятившие свою жизнь служению народу, все равно, не по их вине и злой воле, рано или поздно может сложиться ситуация очевидного расхождения, отрыва, увеличивающейся дистанции между руководящей элитой и народной массой, и это возможно и при поражении, подавлении национального движения, и при его победе, которая, к сожалению, нередко сопровождается перерождением людей, которые приходят к власти и не могут выдержать испытания властью. Давайте примем этот факт как очевидную, элементарную истину и не будем ни спорить, ни убеждать друг друга в том, что этническая элита и этнос (точно

так же, как национальная государственная элита и нация в виде всего гражданского сообщества) — это не одно и то же, это разные вещи.

Однако нередко за разговорами о «национальной олигархии», о так называемых этнических предпринимателях (термин, предложенный или, во всяком случае, активно введенный в нашу этнополитологию В.А.Тишковым¹), об элите, узурпировавшей право говорить от имени народа и представлять национальные интересы, кроется сознательное или неосознанное стремление «снять» национальный вопрос, сделать вид, будто никаких общих народных интересов, стремлений и целей национально-освободительной борьбы вовсе не существует, будто идеалы национального движения — это миф, фантазия, искусственная конструкция, результат манипуляции массовым сознанием, которую совершает в своих корыстных целях ловкая группа «этнических предпринимателей». Вот такую логику я совершенно не приемлю.

Я помню, как советская пропаганда конца 1980-х годов пыталась представить массовое народное движение в Литве, возглавленное «Саюдисом», чем-то вроде дела «кучки профессоров и писателей». Я знаю, как стремление крымско-татарского народа к защите своих прав, к возвращению на свою историческую родину выдавалось коммунистической номенклатурой за подстрекательство каких-то одиночек, «отщепенцев», «авантюристов» и т.п. Потом борьбу чеченского народа за независимость российские шовинистические силы пытались представить как происки какой-то криминальной элиты, как личную авантюру Джохара Дудаева. И это были не случайные совпадения, а определенная, проверенная тактика — попытка дискредитировать национальное движение, выдав его за «возню» узкой группы «этнических предпринимателей», за частное дело элиты — кучки профессоров, поэтов или генералов, рвущихся к президентской власти или в национальный парламент.

Я категорически против такой подмены. Безусловно, надо отличать национальную элиту от народной массы, надо критически воспринимать деятельность и риторику лидеров национальных движений, надо просто понимать, что времена идеальных «национальных героев», подобных Гарибальди, «рыцарей без страха и упрека», любимых всем народом и верных своему народу вождей, если такие времена и существовали когда-либо, ушли в романтическое прошлое. Но это трезвое понимание никак не должно обернуться скепсисом, глухим равнодушием или черствостью по отношению к тому, что мы еще по старой социал-демократической традиции называем «национальный вопрос». Такой вопрос объективно существует, наполняясь каждый раз конкретным содержанием, определяясь комплексом обид, ущемлений жизненных интересов и прав различных народов, прежде всего национальных меньшинств, и ни к каким интригам, авантюрам или спекуляциям этнократической элиты этот вопрос не сводится.

Второй сюжет, к которому мы постоянно возвращаемся, касается индивидуального и коллективного начала. Всем понятно, что такое права челове-

ка, личный выбор, личная ответственность за свои поступки, и повышенное внимание к правам и свободам личности, определяющее основной вектор любого правозащитного движения, особенно понятно в нашей стране, где «человеческий фактор» десятилетиями недооценивался, игнорировался, подавлялся, где царил настоящий «культ коллектива», тиранический по отношению к человеческой индивидуальности. Поэтому понятна та осторожность, я бы даже сказала настороженность, с какой правозащитное движение относится к любой попытке поставить вопрос о коллективных правах, опасаясь, что за ними встанет вопрос и о «коллективной ответственности», что снова неизбежно приведет к нарушению прав отдельного человека.

Я не знаю, как развязать это противоречие на правовой основе, в чисто юридических терминах, но хорошо понимаю, что, обращаясь к этносоциальной сфере, к этническим процессам, к национальному самосознанию и национальным движениям, мы просто не можем не касаться коллективных интересов и коллективных прав, ибо сама этничность проявляется и функционирует в сфере коллективной жизни, определяется понятием «мы». И дискриминация по этническому признаку предполагает прежде всего нарушение групповых, коллективных прав.

Нагляднее всего это проявляется в области развития и функционирования (разрушения — возрождения) родного языка, национальной школы и в других областях культуры. Если право представителя определенного этноса, прежде всего представителя национального меньшинства, определить только как личное право отдельного человека — право говорить, читать, писать, думать на своем родном языке, то это практически ничего не даст. Язык, являясь прежде всего средством общения между людьми, а не средством самовыражения личности, может быть защищен только при реализации коллективного, группового права этноса пользоваться данным языком — и на семейно-бытовом уровне, и в общественной жизни, и в области официального делопроизводства, и в общении гражданина со своим государством и государственным аппаратом. Человеку недостаточно того, чтобы ему самому в соответствии с его личными правами разрешили говорить или, скажем, петь песни на родном языке: для нормального функционирования языка нужно создать школы, вузы, системы радио- и телевидения, обеспечить выпуск печатной продукции, прежде всего государственной документации на национальном языке, а в такой широкой сфере, естественно, речь идет уже не о личных правах, а о коллективных правах этнической группы, скажем, «коренного» народа или «национального меньшинства». Стати, надо уточнить значение этого последнего термина. Национальное меньшинство в точном, этнологическом значении данного понятия — это вовсе не обязательно численное меньшинство представителей той или иной этнической группы на данной территории, это часть (как правило, меньшая часть, отсюда и слово «меньшинство») этноса, оказавшаяся за пределами, за границами родного «этнического материка» — той территории, где этот этнос сформировался и где существует или существовала его «национальная государственность». Скажем, в Крыму греки, армяне и даже русские (русские, составляющие физическое «большинство» — почти 67% всего населения Крыма) — это национальные меньшинства, это малая часть тех больших

¹ Директор Института этнологии и антропологии РАН. Термин «этнические предприниматели» (ethnic entrepreneurs) предложен американским политологом Джозефом Ротшильдом, см.: Rothschild J. Ethnopolitics: A Conceptual Framework. N.Y.: Columbia University Press, 1981. — *Соч.*

этносов — греческого, армянского, русского, у которых за пределами Крыма есть своя «большая родина»; в то же время крымские татары в Крыму, даже если они составляют в количественном измерении всего 10% населения, никаким «национальным меньшинством» на своей исторической родине не являются, здесь они — коренной, индигенный народ, а не «меньшая часть» какой-то другой, большой крымско-татарской нации. Но это вопрос терминологии. Что же касается коллективных прав, то и коренные народы (даже оставшиеся в количественном меньшинстве на своей исторической родине, и в этом случае, наверно, прежде всего), например малые народы Севера, и национальные меньшинства и группы, компактно или дисперсно проживающие в «другом государстве», например российские немцы, поляки, евреи и так далее, и разумеется, так называемые «титутельные нации», скажем, грузины в Грузии, украинцы на Украине, русские в России, безусловно имеют определенные коллективные права, которые должны быть гарантированы и защищены государством и международным сообществом. Конечно, можно играть в своего рода юридические игры и считать, например, не «коллективным правом», а одним из «прав человека», прав личности право «представителя» той или иной этнической группы на получение образования, распространение информации, общение и т.п. на родном языке, но от усложнения формулировки ничего не изменится, и все мы отлично понимаем, что в данном случае речь будет идти не о личном, а именно о коллективном праве. Особенно это касается права народа на самоопределение. Как личное право «представителя» национальной или этнической группы оно просто не может быть реализовано. Разумеется, каждый индивидуум имеет право выразить свое личное отношение к вопросу о самоопределении, о выборе той или иной политической формы данного самоопределения своим голосом, своим участием в референдуме, плебисците и т.д., но все эти механизмы приходят в действие (вопрос о самоопределении ставится на рассмотрение, референдум проводится и т.п.) только потому и только в той мере, поскольку существует и гарантируется право народа (коллектива) на государственное самоопределение или автономное самоуправление. Если народ лишить такого права, то и от личного права человека как-то участвовать в решении судьбы своей земли, своей родины ничего не останется.

Г.Тархан-Моурави. Я бы хотел коснуться нескольких вопросов по теме семинара, которые поставил в первый же день Александр Осипов. Ключевых вопросов, которые мы обсуждали, было несколько. Один из них — что такое право на самоопределение и право это или принцип. Второй момент, который мне показался интересным, это противопоставление групповых, коллективных и индивидуальных прав, и вот несколько замечаний по этому поводу.

Принцип самоопределения или право на самоопределение (не так важно, как мы это назовем) присутствует во многих формулировках, и важно попытаться понять, что это такое, то есть с большой ли пишется буква, как вчера здесь выразились, или с малой. И по-моему, очень важный вопрос был поставлен относительно того, в какую сторону развиваться праву на самоопределение. Я думаю, что одно из направлений, куда могло бы двигаться такое право, — это право формулировать свое право на самоопределение. Мы видели в случае балкарцев или в случае с Шаймиевым, что часто сама

постановка вопроса о праве той или иной группы на самоопределение преследуется законом, и, конечно, надо регламентировать эту сторону. Мне кажется, это первый шаг — иметь право формулировать какие-то свои права, коллективные или индивидуальные.

Второй вопрос, который бы я хотел поставить. То, что существуют коллективные права, думаю, отрицать неправильно, скорее можно говорить о приоритете или отношении коллективных прав и индивидуальных. Я думаю, доктор Червоная очень правильно привела пример, скажем, права на то, чтобы язык той или иной группы был государственным. Это, конечно, коллективное право, оно не противоречит никакому индивидуальному праву, и необязательно между индивидуальными и коллективными правами есть противоречие всегда. Изучение того, где такое противоречие возникает, а где нет, должно было бы стать важным аспектом нашего обсуждения, а не заявления в принципе, что права индивидуальные противостоят правам коллективным. В каких-то случаях какие-то права могут противоречить, но возводить это в принцип, я думаю, неверно. И, на мой взгляд, господин Егоров показал случаи, когда это могло бы быть и не так.

А.Осипов. Я еще раз хочу напомнить, что права индивида, реализуемые в коллективе, в ассоциации, совместно с другими людьми, «специальные права» — особые права лиц, относящихся к определенным категориям (женщины, инвалиды, беженцы), и «право» группы как таковой, как чего-то такого на руках и ногах, — это совершенно разные вещи, хоть и обозначаемые иногда одним понятием «коллективные права».

Мне кажется, что вопрос не ставился таким образом — есть коллективные (то есть групповые в данном случае) права или нет коллективных прав. Продуктивный подход — видеть в таком понятии, как «право» (да и в таких, как «народ», «нация», «этнос», «национальные интересы» и пр.), не объективно существующую субстанцию, а отношения и/или представления людей об этих отношениях. Есть понятие «групповых прав», используемое в достаточно широкой аудитории в силу некой конвенции и отражающееся в некой практике. В этом смысле групповые права существуют, да и ни в каком ином смысле они существовать не могут. Я только решительно протестую против того, чтобы частное мнение группы лиц или отдельные прецеденты, вдобавок неоднозначно толкуемые, выдавали за универсальные стандарты и общепризнанную практику.

Понятия могут истолковываться по-разному, в зависимости от принятого языка, и выбор этого языка не всегда является жестко предопределенным. Г-н Тархан-Моурави привел пример, прекрасно иллюстрирующий эту неоднозначность. Можно сказать (в смысле — не запрещается), что приращение языку меньшинства официального статуса есть право группы. Многие так и говорят — и по этому поводу, и по другим похожим. В конце концов, можно сказать, что образование Франции в XV веке было результатом реализации народа (каким? — еще в XVIII веке французский язык не был родным языком для большей части населения Франции) права на самоопределение; из того же ряда — что появление железных дорог произошло в силу развития права на свободу передвижения, а развитие системы общеобразовательных школ было воплощением права на образование, а открытие, к примеру,

о неких мифических по своей сути ценностях. Точно так же, строго говоря, этнос является в каком-то смысле мифом. Это не значит, что он не существует реально, — мифы тоже в каком-то смысле реальность. Это особый вид реальности — мифического или мифологического характера, так что, собственно говоря, мы имеем дело не с фактом, а с мифологемой.

Почти двухдневная дискуссия на тему самоопределения в конечном счете, как мне кажется, показывает, что в практическом плане вся проблематика самоопределения сводится к очень простому вопросу: так все-таки, конкретные представители конкретного коренного, автохтонного народа должны иметь больше прав на определенной территории, чем некоренные? Да или нет? Вот, собственно, и вся проблема.

И тут, мне кажется, не надо поддаваться иллюзии, что на этот вопрос можно дать какой-то другой ответ, кроме как «да» или «нет». То есть, если мы действительно предоставляем коренному народу или представителям народа, этногенез которого прошел на данной территории, право принимать участие в решении вопроса, в котором другие не принимают участия, и как бы налагаем на первых обязательство не нарушать при этом прав человека в отношении других лиц, то эта формулировка сама по себе противоречива. Потому что само по себе отстранение от участия в процессе самоопределения в любой форме — в форме референдума, голосования и т.д. — уже представляет собой нарушение их прав по самой своей сути.

Я не знаю, какой ответ на этот вопрос должен быть дан. Аргументация Светланы Михайловны очень убедительна, не говоря о том, что она очень эмоциональна. Да, действительно, получается, что в тех случаях, которые мы рассматривали, малочисленные северные народы и т.д. с помощью демократических процедур не могут решить своих проблем. То есть большинство никогда не выскажется в пользу меньшинства. Наверное, здесь надо идти по какому-то другому пути. Как известно, власть большинства — это только первая стадия демократии. Более развитая демократия предполагает и учет интересов меньшинства. В этой связи я хотел бы напомнить, в частности, работы Дональда Хоровица, которые были посвящены специфическим приемам, избирательным механизмам в полиэтнических обществах и т.д.¹

Все-таки мне представляется недопустимым на поставленный вопрос давать положительный ответ, в том смысле, что да, представители коренных народов — автохтоны, имеют больше прав, чем все прочие. Здесь тогда мы заведомо допускаем дискриминацию.

Да, возможна позитивная дискриминация, но под этим все-таки понимается нечто иное. Я довольно скептически смотрю на этот механизм и на его эффективность. Да, вроде бы он работает в отношении североамериканских индейцев сравнительно неплохо. Но с другой стороны, вот такой случай из жизни, когда некоторое время тому назад мне удалось побывать в индейской резервации. В нашей группе была моя коллега из Эстонии, с которой мы по многим вопросам расходимся. Она большая националистка, но после посещения резервации она сделала такой вот простой вывод: «Я бы не

¹ См., напр.: Horowitz D. Ethnic Groups in Conflict. Berkeley: University of California Press. 1985. P.563–680.

хотела, чтобы мы, эстонцы, дошли до такого положения, когда нам платили бы за то, что мы эстонцы». Реально это и есть неизбежный результат вот этой позитивной дискриминации.

Поэтому действительно получается, что вроде бы ситуация тупиковая и в любом случае, отвечаем мы «да» или «нет» на этот ключевой вопрос, нарушаются чьи-то права. Причем не коллективные, не групповые, а совершенно конкретные индивидуальные права отдельных лиц, относящихся либо к той, либо к другой группе. Наверное, простой ответ на этот вопрос дать невозможно.

А.Осипов. Реально существует проблема разрешения политических кризисов, связанных с деятельностью этнических движений, и реально стоит вопрос о влиянии, к сожалению, скорее негативном, международного идеологического контекста. Мне кажется, в прошлом была возможность направить процессы по другому руслу и определить формальные рамки, предлагающие более безопасные и конструктивные подходы, нежели поощрение конфронтации и революций. В Устав ООН, как известно, в 1945 году был включен принцип самоопределения. И специалисты в области международного права, прежде всего представители позитивистской школы, такие, как Ханс Кельзен (Hans Kelsen), очень твердо писали в то время, что, безусловно, под «самоопределением» понимается национальный суверенитет, а субъект этого самоопределения — нация-согражданство, население суверенного государства, и ничто иное¹. А потом, в силу известных политических причин, в Декларациях Генеральной Ассамблеи появилось понятие «право» сначала «наций и народов», потом просто «народов» на «самоопределение». Как многие пишут², в случае с декларациями о деколонизации 1960 года Генеральная Ассамблея вышла за рамки Устава ООН, превысив свои полномочия, но идея пошла гулять по свету. И пошло-поехало, появляются все более и более расширительные трактовки. Наверное, рассуждая умозрительно, можно было найти более изящные подходы, например в декларациях Генассамблеи сформулировать дополнительное толкование «принципа самоопределения» типа: политический статус территории не может быть изменен без согласия большинства населения этой территории, полученного в результате неких демократических процедур. Волеизъявление населения выступало бы как необходимое, а не достаточное условие. Не было бы никакого противоречия с принципом территориальной целостности государства, в том смысле, что территория государства не может быть изменена без добровольного согласия его правительства. Между двумя принципами в кризисной ситуации — достаточное пространство для нормального политического процесса, согласительных процедур, законотворчества и пр. Такой подход, кстати, более соответствует современной практике, чем логика конфронтации, лежащая в основе международных документов. К сожалению, поезда уже ушли, и приходится считаться с тем, какая система понятий оказалась нам навязана. То, что было сделано, — это хуже, чем преступление, это ошибка.

¹ См., напр.: Kelsen H. The Law of The United Nations: A Critical Analysis of Its Fundamental Problems. London: Stevens & Sons Ltd., 1950. P.51–52.

² См., напр.: Pomerance M. Self-determination in Law and Practice: The New Doctrine in the United Nations. The Hague: Martinus Nijhoff Publishers, 1982. P.10–12.

нового видеосалона означает признание коллективного права на получение информации и доступ к культурным ценностям. А можно заглянуть в Европейскую Хартию региональных языков и языков меньшинств 1992 года¹ и убедиться, что там не идет речь ни о каких коллективных правах, а там излагаются обязательства стран-участниц, в соответствии с которыми те берутся провести определенные реформы. А в другой европейской хартии Хартии местного самоуправления 1985 года — действительно используется (но не развивается) понятие «группового права» — права «местного сообщества». Таким образом, есть свобода выбора между несколькими подходами, и нам не все равно, какой выбор будет сделан.

В.Пономарев. Здесь говорилось, что, может быть, жить свободным это и не очень-то хорошо. Может быть, хорошо жить с кем-то вместе, но право на свободу не может оцениваться в критериях материальной или иной выгоды. Вроде того, что в составе большой империи лучше, чем если вы выделитесь. Это совершенно иное чувство, и здесь можно провести аналогию со стремлением к свободе индивида. Может быть, в крепостном состоянии помещик его лучше содержал, чем когда он был свободным крестьянином. Тем не менее, стремление к свободе — индивидуальное и коллективное — заложено в самом человеке и во многом движет исторический прогресс.

Здесь очень много говорили о том, что такое право на самоопределение — право или принцип. По-моему, надо различать формальное право и реальное право. Народ, который борется за свою свободу, не будет вас спрашивать, признаете вы за ним это право или нет. Более того, принятие резолюций ООН по отдельным народам явилось не следствием того, что за ними признали формальные права, а следствием того, что путем борьбы они этих прав добились, а потом юридически была закреплена фактически сложившаяся ситуация.

И еще о формальном праве. В Узбекистане республика Каракалпакстан, бывшая автономная советская республика, в 1991 году на волне митингов достигла того, что в узбекскую Конституцию было включено право на отделение от Узбекистана. Там было записано, что Каракалпакстан — это суверенное государство, которое строит свои отношения с Узбекистаном на основе договоров, и т.д. Но с 1991 года ни одного договора заключено не было, активисты движения преследуются, даже те, кто выступает за расширение автономии в рамках этой федерации, и все ключевые должности находятся в руках узбеков, а кадровая политика целиком определяется из Ташкента.

Таким образом, даже формальное включение права на самоопределение (так можно трактовать) не приводит к его фактической реализации.

А.Осипов. Я твердо придерживаюсь того взгляда, что народ, как любое статистическое множество, не может рассматриваться в качестве супериндивидов, наделенного правами, интересами и т.д. Народ как субъект общественных отношений — это мнимая величина, как статистическая категория.

¹ European Charter for Regional or Minority Languages. Strasbourg, 5/XI 1992. European Treaty Series/148; впервые опубликована на русском языке в журнале «Этнополис» (1993, № 1, С.210–229).

объект для манипуляций. Я не сторонник идеи заговора и тому подобных примитивных концепций. «Социальное конструирование» и «манипуляция» — довольно широкие понятия.

От имени «народа» действуют разные политические группировки — национально-освободительные движения, подпольные обкомы или как они там называются. Говорят, что группа, то есть «народ» делегирует своей элите в лице таких движений полномочия на ведение борьбы за «самоопределение». Вернее будет сказать следом за представителями французской социологической школы, например Пьером Бурдьё, что, наоборот, группа («народ» в данном случае) конституируется как таковая для окружающего мира именно фактом появления представительной группировки со своим аппаратом и своей идеологией. Имеет место узурпация представительных функций и полномочий говорить от имени группы, потом имеет место эффект навязывания системы понятий, навязывания проблематики, навязывания представлений о том, что есть группа, каковы ее границы и критерии членства¹.

Почему возникают национальные движения? Есть мнение, что народ «осознает» свои «интересы» и поднимается на их защиту. Реальными фактами эту мысль очень трудно проиллюстрировать: «освободительные» движения появляются и в богатых, и в бедных странах, в демократичных и не очень, среди меньшинства и большинства, среди ассимилированных групп и среди культурно обособленных и т.д. И есть масса примеров, когда при точно таких же условиях националистические движения не возникают.

Каждый специалист по рекламе скажет, что любой товар может быть «раскручен» и продан. Нагляднейший пример — президентские выборы 1996 года в России. То же самое можно проделать с идеей «национального освобождения». Это вопрос техники. Собрать массовку в принципе несложно, а людей можно подбить на все что угодно. Никакие массы не поймут, что их угнетают или эксплуатируют, пока кто-то им не разъяснит, что их угнетают, что это такое и почему это плохо. Манипуляция со стороны элит — это нормальное явление, человечество всегда этим жило. Социальное конструирование и манипуляция в современном обществе проходят еще легче, чем в традиционном благодаря прежде всего СМИ. Это есть основа всякого политического процесса, и непонятно только одно: почему движения, сложившиеся на этнической почве, должны предоставляться какие-то привилегии?

В.Цилевич. Мне кажется, что самоопределение народов будет совпадать с самоопределением элиты в случае идеальной демократии, которая, как известно, недостижима. А поскольку на практике любая демократия не совсем демократична, то эти понятия действительно не совпадают.

Второе. Мне кажется, что в нашей дискуссии мы иногда смешиваем как бы понятия разного уровня: мы говорим о правовых нормах и параллельно, в том же контексте, используем понятие, которое следует скорее отнести к мифам. Когда мы говорим о таких вещах, как воля народа, то фактически речь идет

¹ Бурдьё П. Социальное пространство и генезис «классов» // Бурдьё П. Социология. М.: Socio-Logos, 1993. С.53–97.

Политический фактор и исторический контекст самоопределения народов

Мне представляется, что вопрос о праве наций (народов) на самоопределение необходимо вывести за рамки юриспруденции, ввести его в более широкое поле междисциплинарных, комплексных исследований с самым активным включением и серьезным учетом и методов, и аргументов, и базы данных исторической науки в целом, современной этнологии и политологии в частности. Любое освещение, а тем более «решение» этого вопроса исключительно (only) в контексте международного права неизбежно будет носить абстрактный, оторванный от жизни характер. Если рассуждать в чисто теоретическом юридическом плане, то, наверно, с равным успехом можно настаивать и на действенности такого «права на самоопределение», и на его ограниченности, и на его принадлежности лингвокультурным (этническим, конфессиональным) группам или, напротив, всему этнически смешанному населению определенной территории, легитимно выразившему свою волю, и наконец, на его несостоятельности и даже полной абсурдности в связи с теми «ножницами» и противоречиями, в каких это «право на самоопределение» оказывается в сопоставлении с принципом «территориальной целостности государства» и, что еще важнее, с презумпцией отсутствия коллективной ответственности, а следовательно, и «коллективного права». Однако все эти рассуждения обречены на то, чтобы оставаться в плоскости чистой схоластики до тех пор, пока мы не прикоснемся к реальной исторической действительности, к современной этнополитической ситуации в определенном регионе.

Наверно, я рискую навлечь на себя упрек в историческом релятивизме, но поскольку наше общественное мнение и наша научная мысль в последнее время слишком мало внимания уделяют именно этому аспекту — исторической конкретности, исторической предопределенности действия (бездействия) или, если угодно, антидействия по своим разрушительным, негативным последствиям) права наций на самоопределение в данных условиях, в данное время, в данной среде, я хочу обратить внимание именно на эту, ускользающую от общего внимания сторону вопроса, подчеркнув, что право наций на самоопределение необходимо рассматривать в конкретном историческом и политическом контексте. Вероятно, такая конкретность чревата опасностью выработки «двойного стандарта», соответственно которому одним народам (этническим или территориальным общностям) такое право «надо дать» (или, по крайней мере, положительно оценить результаты его осуществления), а другим народам (или даже тем же, но в иных обстоятельствах) в этом праве отказать (или квалифицировать попытку его реализации как преступную сепаратистскую авантюру). Думается, однако, что неизбежность не только «двойного», но и поливариантного, многополярного, асимметричного аксиологического (оценочного) подхода и практического решения вопросов национального самоопределения и государственного устройства различных территорий (народов, стран) предопределена самим диалектическим

методом исследования, тем самым историческим материализмом, от которого нашей гуманитарной науке было бы неразумно сегодня отказываться.

Разумеется, исторически обоснованная поливариантность такого рода решений не может иметь ничего общего с волюнтаристским произволом, с формированием искусственной иерархии «достойных» или «не достойных» права самостоятельно решать свою судьбу народов, «созревших» или «не созревших» до государственного суверенитета и независимости. Этот кошмар мы в своей недавней истории уже проходили, и до сих пор его мрачным символом представляется нам некий условный то ли красный, то ли синий карандаш в сталинской руке, которым на карте страны и на листах переписи населения помечались территории и народы, удостоенные статуса «союзных республик», «автономий» разного ранга или выжженной земли без коренного населения, обреченного на вечную ссылку. Да и нынешние странности многих действующих политиков и рефлексирующих писателей, признающих и одобряющих, скажем, самоопределение и независимость Литвы или Грузии, но даже мысли не допускающих об аналогичных самоопределении и независимости Чечни или Татарстана, являются последствиями того же самого субъективистского произвола и иерархических комбинаций. И не о том речь, чтобы вернуться к подобной практике или обосновать ее.

Речь, однако, безусловно должна идти о том, что право народов (и отдельных этнических групп, и многонационального населения отдельных территорий) на «самоопределение вплоть до отделения» (то есть и в самом крайнем варианте автономизации регионов или экстерриториальной «культурной автономии» национальных групп — этнических меньшинств, и при самом радикальном сепаратистском решении — отделении от данного государства) оказывается в определенной корреляции с историческим фактором, под которым мы подразумеваем и объективный ход и результат давней или совсем недавней истории (как, когда, при каких обстоятельствах данная территория, данный народ оказался в составе соответствующего государства), и народную историческую память, формирующую современное этническое и гражданское самосознание населения. Если в этом историческом процессе и в народной памяти элементы насилия (завоевания, «покорения», истребления или вытеснения местного населения, колонизации) обретают жесткие, реальные контуры сравнительно недавних, не забытых, не прощенных событий, то и право угнетенных наций на самоопределение вливается в контекст национально-освободительной борьбы и антиколониальных движений, которые естественно могут претендовать на общегуманитарное сочувствие, на поддержку их мировым сообществом и соответствующими нормами международного права. И совсем иное дело — формирование сепаратистских движений вне исторического контекста, в качестве чисто политических провокаций, в целях рвущейся к власти узкой группы авантюристов. Конечно, и в этом случае будут скорее всего задействованы и отнесены в оборот этнополитические мифы, разжигающие чувства уязвленности национального самолюбия, и политические авантюристы, стремящиеся к личной власти или выполняющие задания по дестабилизации молодых демократий, постараются выступить в роли своего рода «этнических предпринимателей» в надежде мобилизовать массы «соотечественников» на борьбу с

«врагами нашего народа» (классические примеры такого рода — разыгранная по нотам и идеологическим партитурам прокоммунистических заговоров антигрузинская история в Южной Осетии и в Абхазии на рубеже 1980–1990-х годов; попытка разрезать польско-литовские противоречия и использовать польское меньшинство в качестве пятой колонны против борющейся за независимость Литвы; апелляция к русскому национальному самосознанию и достоинству в северной Эстонии, в Крыму, в Приднестровье и т.п.). Однако профессиональный историк и этнолог должен уметь отличить в этой этнополитической мифологии подделку, мимикрирующую под феномен «народной памяти», от аутентичных исторических и этнопсихологических реалий так же, как специалисты банковского дела отличают фальшивые купюры и монеты от подлинных.

Меньше всего лично меня в этой связи устраивает уже стершаяся от частого повторения, банальная формула, сводящаяся к тому, что все территории так или иначе когда-то кем-то были завоеваны и, следовательно, бесполезно раскручивать вспять бесконечную спираль исторических воспоминаний, надо признать как объективную данность полиэтнический состав нынешних государств и не пытаться сводить счеты с «завоевателями» и «оккупантами», которые таковыми быть перестали. Весь вопрос здесь в том, действительно ли перестали. Да, наверно, все территории нашей планеты, затронутые человеческой цивилизацией, на протяжении длительной истории человечества многократно «завоевывались» и «освобождались», переходили из рук в руки, становились жаркими полями межэтнических и межконфессиональных споров и битв, и смешно раскручивать колесо истории назад до границ Римской империи или завоевательных походов Александра Македонского. Но эта элементарная истина не должна стать своего рода воровской отмычкой в нечистых руках тех политиков и тех политологов, которые ссылаются на эту «вечную историю» пытаются оправдать современную политику аннексий, экспансии, воинствующего имперского шовинизма. На наших глазах, слава Богу, зарвавшегося Саддама Хусейна выбили из Кувейта, который он тоже, как известно, пытался «присоединить» к Ираку не без исторических ссылок на этническое единство населения, близость территорий и вечность процессов поглощения одних народов другими. На памяти предшествующего нам поколения, к середине 1940-х годов, фашистских оккупантов заставили уйти (и не силой убеждения, а силой оружия, включая массовое движение народного сопротивления) и из Парижа, и из Варшавы, и из Киева, и из таких (по убеждению этих оккупантов) «этнически родственных центров Великого Рейха», как Вена или Рига. Еще одним поколением раньше наши предки совершили героический прорыв, освободив себя и свою родную землю кто от столетней, а кто и от семисотлетней имперской власти или иностранной зависимости (чужеземного ига): на карте Восточной Европы появились (вновь или впервые) независимые Финляндия и Польша, Литва, Латвия и Эстония, Венгрия и Румыния, Болгария и другие славянские государства, и это движение к независимости, или по версальской и большевистско-ленинской формуле — к «самоопределению вплоть до отделения» — не остановили никакие разговоры о том, что бесполезно перекраивать территории, испокон веков служившие аренной вза-

имных завоеваний и никогда не бывшие ни «чистой», ни «вечной», ни, тем более, моноэтнической, скажем, Венгрией или Болгарией.

Я уж не говорю о гигантских изменениях, коснувшихся Африканского и Азиатского континентов в ходе деколонизации. Сторонникам политического «статус-кво» в Европе кажется, что эти процессы к нам никакого отношения не имеют, и как заметил однажды не без доли горькой иронии известный украинский большевик В.Затонский: «Принцип самоопределения наций очень хороший, пока дело касается Индии и Египта... но слишком непонятный, когда приходится решать все эти вопросы на разных окраинах, вроде Украины...»¹

Не вводя в политологический анализ процессов современности, обычно называемых «сепаратистскими движениями», такие исторические категории и понятия, как «империя», «колониальная система» и «национально-освободительное движение», мы, действительно, обречены на непонимание того, что происходит «на окраинах» российского государства, в каком бы измерении мы это государство ни брали: будь то царская империя, Советский Союз или современная Российская Федерация. Мое основное убеждение состоит в том, что Россия во всех этих трех ее последовательных ипостасях была и остается империей со своими колониальными окраинами (и центральными «глубинками», например, угро-финскими и тюрко-мусульманскими регионами «внутренней России»), с десятками насильственно присоединенных и насильственно удерживаемых в составе единого государства народов. Недавно уже и в российской версии появился (мне выпала честь перевести его на русский язык) замечательный труд Андреаса Каппелера «Многоязычная Российская империя. Возникновение. История. Распад»², в котором на широком историческом материале, я бы сказала, с железной логической убедительностью и последовательностью показан и проанализирован процесс формирования и функционирования имперской сущности многоязычного российского государства.

Не все регионы этой гигантской евразийской державы были завоеваны оружием и обгажены кровью отчаянно сопротивляющихся народов, не всюду и не всегда имперские завоевания и колониальная экспансия обретали такой откровенный, варварский характер, как это было при «покорении» Казанского ханства Иваном Грозным, при завоевании Сибири и Средней Азии, в ходе «присоединения» Крыма или массового геноцида горских народов в многолетней Кавказской войне. Однако и так называемые «договора» (кстати, совершенно по-разному интерпретируемые степными народами и московскими государями), и «союзы», и тщательно разыгранные и тонко срежиссированные российской дипломатией фарсы «добровольного объединения» и «воссоединения» братских народов и территорий, и даже так называемые «географические открытия», совершавшиеся чистыми руками первопроходцев, но повлекшие за собой грязную политику безжалостного этноцида

¹ Цит. по: Майстренко И. Национальная политика КПСС в ее историческом развитии. Мюнхен, 1978. С. 16–17.

² Kappeler A. Russland als Vielvoelkerreich: Entstehung: Geschichte: Zerfall. Muenchen: C.-H. Beck Verlag, 1993; Каппелер А. Многоязычная Российская империя. Возникновение. История. Распад. М.: Прогресс, 1996.

коренных народов Севера и Востока, — все это были лишь варианты имперского насилия и обмана. Безусловно, российская империя имела свою специфику, как и каждая империя была чем-то непохожа на другие: у Британской были огромные заморские колонии; у Австро-Венгерской — никаких заморских владений, а теснейший конгломерат близлежащих территорий с крайне запутанным, перемешанным, чересполосным этническим составом населения; одни колонизаторы делали ставку на физическое уничтожение аборигенов «до последнего индейца», которого конкистадоры Америки предпочитали видеть не живым, а мертвым; другие, напротив, извлекали свои экономические выгоды из «управления» многомиллионным населением своих колоний и доминионов — таких, как Индия под владычеством Великобритании или арабский Магриб в руках буржуазной Франции. Но специфика российской (как и любой другой) империи, сама по себе чрезвычайно интересная для историка, не снимает вопроса о сущности колониальной империи и, соответственно, о правомерности национально-освободительной борьбы угнетенных народов и естественности их государственного самоопределения в итоге этой борьбы.

Должна признаться, что две вещи не устали меня поражать настолько, что и слов-то нет для серьезной дискуссии, остается просто разводиться руками. Первое, чего я просто не могу понять, как это так получилось, что все наши правоверные марксисты, все наши явные и тайные, ярые и скромные ленинцы в исторической науке, с завидным упорством отстаивающие и по сей день все свои «священные принципы» и постулаты от уроков «классовой борьбы» до неизбежности построения коммунизма включительно, только один ленинский урок забыли напрочь, отбросили, словно его и не было, даже неприличным считают касаться этой темы. А ведь учили и их, и нас (и они — нас, если позволяла разница в возрасте и положении), что царская Россия была «тюрьмой народов», что народы на ее колониальных окраинах находились «под двойным гнетом — социальным и национальным», что социал-демократическое движение смыкалось и сливалось с национально-освободительным движением угнетенных народов, что советская власть не победила бы (а это совершенно точно — не победила бы), если бы не поддержка народов, не желающих оставаться более в «единой и неделимой» России. Но все это забыто, и сегодня самые толерантные представители даже не красных, а розовых течений общественной мысли лишь снисходительно иронизируют по поводу тех, кто рассматривает российский исторический процесс в рамках «наивной и архаической парадигмы» национально-освободительной борьбы угнетенных народов, не снисходя до разъяснений, почему же эта парадигма вдруг стала такой наивной и архаической. Что уж говорить о более откровенных и последовательных сторонниках возрождения «социалистического Отечества» в его «исторических границах» от Курил до Восточной Пруссии и от Аляски до Босфора; даже дипломированные специалисты, отлично знающие, к примеру, каким адом тотального истребления «туземцев» была колониальная война России в Средней Азии, всерьез уверяют сегодня общественность в мирном, гуманном и прогрессивном продвижении российской государственности и православия на Восток. Я еще могу понять современных монархистов, клерикалов, кадетов, идеологов

и адептов белогвардейского движения, потомков русского дворянства и всех, для кого никакие марксистские истины просто не существуют, но мета-морфоза, которая произошла с нашими коммунистами и интернационалистами, превратившимися ныне в патриотов-защитников не только и не столько Советской России, сколько старой Российской империи, — это для меня настоящая загадка, некая психологическая и научная аномалия.

Второе поразительное явление — это попытка (совершенно всерьез!) кому-то доказать, что наша империя была особенная (особенно хорошая!) и, вообще, не империя, а мать родная несчастным народам, ищущим защиты под ее крылом от разных врагов (христиане — от мусульман, мусульмане — от христиан), потому, видите ли, что сам русский народ жил хуже других угнетенных народов, что метрополия не поднималась в своем социально-экономическом и культурном развитии над уровнем бедственного положения окраин.

По этому поводу глубокомысленно рассуждал недавно в своей книге-пассаже на М.С.Горбачева бывший ставропольский номенклатурный коммунист В.А. Казначеев: «Недавние колонии Запада, естественно, стремились почувствовать свое человеческое достоинство... Помнится, однажды зашел у меня разговор об этом со строителями одного из жилых домов, возводившихся в Ставрополе. И большинство пришли к мнению: «Если не мы, то кто же поможет народам, освободившимся от колонизаторов. Не будь примера Советского Союза, им бы, наверное, и в голову не пришло бы отстаивать свои права. Лично я на стороне эксплуатируемых», — волнуясь, убежденно сказал молодой каменщик и, хлопнув ладонью по кирпичу, добавил: «Молодцы африканцы». «Но ведь на Западе кое-кто считает именно нас колонизаторами, поработившими другие народы», — вставил я замечание. «Это не так», — возразили мне ребята, перебивая друг друга, доказывали, что Англия, Франция, Голландия, Германия и другие колонизаторы сами богаче, а из колоний высасывали все соки. «А у нас в Грузии, Армении или Прибалтике люди живут куда богаче, чем в России...»¹ Можно оставить на совести автора и провокаторские приемы его бесед с молодыми строителями, и трогательные сцены с хлопаньем ладонью по кирпичу, и все убожество представлений о жителях колониальной Африки, которым «и в голову бы не пришло отстаивать свои права» без примера и помощи Советского Союза. Но какова логика защиты родного Отечества: мы в России живем беднее тех, кого вроде бы поработили, значит, мы очень хорошие! Ведь при нормальном мышлении стыдиться надо было бы такой патологической «особенности» нашей имперской истории. Другие империи, обирая угнетенные колонии, хоть собственным народам обеспечили сносное существование и даже высокий жизненный стандарт, а мы и этого не сумели, у нас русские жили хуже, чем чукчи, мы даже из колоний не смогли извлечь общенациональной (для русского народа) экономической выгоды — все ушло в «трубу», то ли на новые войны, то ли на причуды царского двора, то ли на коммунистические социальные эксперименты, может быть, на перекрытие сибирских рек, на переселение депортированных народов в места «вечной ссылки» или

¹ Казначеев В. Последний Генсек. М.: Гудок, 1996. С.43–44.

строительство атомных станций, подобных Чернобыльской. И это выдается за аргумент в пользу Российской империи! У англичан и голландцев было плохо, у нас все прекрасно — мы сами были нищие!

Объективное изучение российской истории (до конца XX века включительно), я бы даже сказала, малейшее прикосновение к этой истории и этой действительности делает очевидным для любого беспристрастного наблюдателя, а тем более для серьезного исследователя тот факт, что Россия была, может быть, худшей из всех евразийских, евро-африканских и евро-американских империй, которая даже обязательную и свойственную всем империям культуртрегерскую функцию выполняла из рук вон плохо, неряшливо и лениво. И если, к примеру, французы как след своего колониального господства в Тунисе оставили блистательный музей Бордо, прекрасные лица и оборудованные новейшей медицинской техникой лепрозории; если англо-американцы, на века омыв себя позором уничтожения индейской культуры и индейских племен, все же принесли на выжженную ими землю величайшую для своего времени новую цивилизацию, включающую и современный технический прогресс, то что оставила имперская Россия от своего господства и всевластия в Центральной Азии, на Кавказе, в Поволжье, в татарском Крыму? Разрушенные мавзолеи и дворцы, изуродованные мечети, оскверненные мусульманские кладбища, обмелевшие водные источники, истребленные леса, военные базы, напичканные смертоносным оружием, лагеря, опутанные колючей проволокой, убогие дворцы культуры с гнилыми полами и амфирами портиками, памятники Ленину в кепке и пиджаке на бетонных тумбах...

Можно привести много свидетельств тому, каким было гражданское самочувствие нерусских народов в составе этой империи. Откройте любой поэтический сборник, пусть это будут стихи Яниса Райниса, Леси Украинки, Нумана Челеби Джихана или поэта татарской печали Дэрментта:

*«В какую тянешь нас пучину
И жертвы требуешь какой?» —*

это был и вопрос, и вызов, брошенный нерусским этническим миром в лице имперской России. «Общая угроза, — писал в этой связи крупнейший исследователь тюркской и мусульманской общности в России А. Беннингенсен, — способствовала возникновению единого для всех российских мусульман самосознания, основанного на понимании того, что без объединения в какой-либо форме... мусульмане Российской империи будут обречены на рабство и ассимиляцию»¹.

«Обречены на рабство и ассимиляцию» — такова реальная угроза, реальный итог развития нерусских народов в составе многонациональной Российской империи. Только в этом контексте, на этом историческом фоне мы можем понять, насколько необходимым для спасения и выживания этих народов было обретенное ими «право на самоопределение», насколько желанным и долгожданным был этот луч надежды, мелькнувший среди грозных туч на небосклоне XX столетия. По-разному смогли использовать народы России этот исторический шанс, разные у них были для этого и

¹ Беннингенсен А. Исмаил Бей Гаспринский (Гасприли) и возникновение джадидизма в России // Этнографическое обозрение. 1992. № 6. С.118.

стартовые возможности, и силы. Одни из них мягко, дипломатично, почти бескровно добились желанной свободы и независимости, другим пришлось заплатить за это самую высокую цену, значимость которой мы с трепетом и ужасом вновь ощутили, подводя итоги последней чеченской войны. Одни свободно и независимо вошли в содружество европейских наций уже в конце второго десятилетия нашего века (Польша, Финляндия), другие прошли к этой цели извилистый, перебитый на трудном изломе 1920-х, 1930-х или 1940-х годов, совсем недавно вновь обретенный и выпрямленный путь (Украина, Литва, Латвия, Эстония, независимые государства Средней Азии и Кавказа), третьи вновь погружаются в позорное, «добровольное» рабство (бедная Белоруссия!), четвертые бьются за свою еще далекую свободу на настоящих, горячих, и на холодных, дипломатических, баррикадах, пятые еще пребывают в тревожном летаргическом сне. Но перспектива «самоопределения вплоть до отделения» у всех народов бывшей империи, в принципе, одна, и если здесь нужны исторические аналоги, то мне кажется, самым близким для России является пример Австро-Венгерской империи. Распавшись, она не погибла и не исчезла, она дала европейской и мировой культуре такие живые ростки новой государственности, такие высокие демократические культуры, как современная Австрия, современная Венгрия, современная Словения, в значительной части — современная Украина и еще целое соцветие молодых восточно- и центральноевропейских государств, она сохранила величайший культурный потенциал собственно австрийской культуры и без всяких морей и океанов, без атомного оружия, без гигантской армии и флота, без регалий мертвой славы Габсбургов и без неофашистской истории стала величайшим европейским государством, оплотом демократии — современной, прекрасной Австрией. В минуты оптимистического прозрения я верю в подобную, достойную и светлую судьбу России.

Обращая внимание в основном на исторический компонент обоснования реализации права народов на самоопределение, я коснусь и чисто политической стороны вопроса. Меньше всего, конечно, хотелось бы святое и священное право народов на самоопределение превращать в инструмент политической интриги, но оценивать содержание и направленность так называемых сепаратистских движений и сепессионистских тенденций вне конкретного политического контекста тоже невозможно. Чрезвычайно важно понять, кто, скажем, «отделяется» (под каким политическим знаменем, под каким конкретным руководством) и, что также немаловажно, от кого, от какого государства, от какого режима отпадает, самоопределяясь, та или иная территория и группа населения. Абстрактных, одинаковых на все случаи жизни решений здесь не существует, и я могу представить себе ситуацию, когда сецессия (может быть, даже не слишком обоснованная, связанная с исторической, географической, лингвокультурной и какой-либо иной точки зрения) окажется вполне оправданной как средство спасения хотя бы части общества-нации от господствующего в данной стране реакционно-тоталитарного, фашистского режима. Длительное существование «двух Германий» в Европе и «двух Корей» в Азии, а также «большого» и «малого» (Тайвань) Китая, никак не объяснимое естественным этническим процессом, становится понятным только в определенном политическом кон-

тексте, на деталях которого здесь нет необходимости останавливаться. Македония, вряд ли имеющая какие-либо серьезные исторические или этнографические основания к тому, чтобы не быть просто составной частью Балкан, тем не менее развивалась в послевоенных условиях (можно сказать «самоопределилась») в составе Югославии, где было чуть больше свободы, чуть выше уровень социального благополучия, и население Македонии во время войны не стремилось назад, в коммунистическую Болгарию под правлением Т. Живкова. Реализация «права на самоопределение» в подобных случаях носит чисто прагматический характер, и, вероятно, аналогичные примеры могут повторяться и в будущем, и наше отношение к сепаратистскому движению во имя этнического спасения или элементарного благополучия группы населения не может быть априорно негативным.

С другой стороны, агрессивный сепаратизм нередко служит не только средством реакционного давления на молодые демократические государства, но выполняет роль специально подготовленных плацдармов для подрыва и уничтожения демократий, роль «пятой колонны», наносящей в спину расчётливый удар. Мало у кого из людей, досконально знающих местную ситуацию, осталось сомнение в подобной роли полукриминального-полукommunistического приднестровского режима («непризнанной республики»), в аналогичном предназначении абхазского и юго-осетинского сепаратизма (направленных против независимой Грузии) движений, хотя и прикрытых густым флером демагогических лозунгов и рассуждений о правах на самоопределение малых народов. Далеко не благовидным представляется нам и пророссийское политическое движение в Крыму, сепаратистское по отношению к независимой Украине, поддержанное наиболее реакционной частью военно-черноморского офицерского корпуса и российской Государственной думы. Не случайно в этих сепаратистских играх против Украины категорически отказались участвовать крымские татары, хотя у них могло быть немало серьёзных претензий к Украинскому государству, недостаточно учитывающему их интересы и права. В целом перспективность такого рода сепаратизма («самоопределения») находится в прямой связи с тем, кто именно поднимает знамя борьбы за общенациональное дело и кто стоит в спину у этих знаменосцев в плотной или весьма прозрачной тени, какими политическим силам такое самоопределение выгодно.

Так называемые национальные государства, на которые с естественно-исторической закономерностью распадаются все старые многонациональные империи, конечно, не являются идеальной формой человеческого общения, и все же, перефразируя высказывание известного политического деятеля, заметившего, что демократия, к сожалению, совсем не идеальный инструмент, но ничего лучшего человечество не изобрело, мы могли бы сказать то же самое и о «национальных государствах» такого типа, как Австрия или Венгрия, Чехия или Словакия, Хорватия или Словения, Польша или Литва, Латвия или Эстония, Украина или Молдова. Ни одно из них не является и не может быть моноэтническим (кажется, Словения наиболее приближается к типу гомогенного словенского государства, но это скорее исключение, чем правило). Ни одно из них не свободно от своих проблем, ни одно из них еще не выработало идеальных механизмов защиты прав

меньшинств. Ни одно из них не прошло новый отрезок своей истории, выпавший на XX столетие, не переболев своими болезнями, не вдохнув угарного газа своих молодых националистических теорий и движений, отнюдь не более симпатичных, чем старый, имперский шовинизм. И все же ничего лучшего для сохранения национальной идентичности и культуры самых разных — больших и малых народов, для духовного комфорта своих граждан человечество просто не изобрело, и «детские болезни», которыми страдают новые независимые государства (даже очень опасные болезни, за которыми мы с тревогой следим, вглядываясь в какую-нибудь туркменскую среднеазиатскую даль, или вспоминая совсем недавнее безумие звядивистов в Грузии, или вновь и вновь обращая внимание на конституционное положение «неграждан» в Латвии и Эстонии, или изучая в исторических архивах печальный «санационный» период польской государственности), — это все же болезни, для облегчения и устранения которых существуют и методы лечения, и опробованные средства, а не безнадежная агония доживающих свой век последних монстров-империй.

Противники «национальной государственности» и права народов на самоопределение в таких формах часто говорят сегодня об интеграционных процессах, даже сетуют и изумляются: что ж, мол, это такое, Европа объединяется, строит единое экономическое пространство, сносит пограничные столбы и таможенные барьеры между государствами, а вы, дикие и неразумные (наверное, «вы» — украинцы, «вы» — литовцы, само собой разумеется, «вы» — хорваты, мусульмане Боснии и т.д.), наоборот, дробите свои государства на части, разъединяетесь, вводите визовый режим, опутываете колючей проволокой нейтральные полосы и черт знает, чем еще занимаетесь, даже за спорные приграничные территории между собой воюете, как Армения и Азербайджан. Кажется, нелепо, но все это было бы смешно, если бы не было так грустно и так неизбежно. Кажется, еще Владимир Ильич по какому-то серьезному вопросу партийного строительства сказал, — и не грех его здесь процитировать: «Прежде чем объединяться, надо решительно и основательно разъединиться».

Вся эта прекрасная — по западно-европейскому образцу — интеграция бывает естественно и добровольно, придет потом, когда заживут раны и снимут вынужденного и насильственного соединения «скованных одной цепью». Она уже намечается и между государствами Балтии, и внутри СНГ, и в довольно широком пространстве Средне-Восточной и Южной Европы. Присоединение ряда молодых государств к вступлению в НАТО — это тоже довольно выраженная тенденция к интеграции, и никаких «особых исторических путей» освободившиеся от тоталитарного режима народы, воспользовавшиеся своим историческим правом на самоопределение, не изобрели, не надо их в этом упрекать. Но попытку реанимировать имперские идеи под предлогом интеграции и за дымовой завесой демагогических рассуждений о «добровольном союзе братских народов» по коротенькой Москва—Москва или по очень длинной и странно изломанной оси (Минск—Москва—Пекин — кто следующий?) хотелось бы самым решительным образом вскрыть, и осудить, и, главное, преодолеть общими усилиями правозащитного и национального демократического движения.

Право на самоопределение и деколонизация советской империи

Прежде всего хочу отметить, что я согласен с высказанным здесь мнением о том, что изложенные докладчиками схемы, связанные с реализацией в цивилизованных формах права на самоопределение, применимы либо к европейскому региону, либо к тем случаям, когда отдельные государства идут на предоставление особых прав малочисленным этническим группам, что не создает серьезных внутривнутриполитических проблем. Я в последние годы занимаюсь Центральной Азией, поэтому мое выступление будет связано с проблематикой, наиболее актуальной для этого региона.

Для нашей дискуссии весьма важным представляется определение характера советской государственности. Я считаю, что Советский Союз являлся колониальной империей, которая мало отличалась от классических колониальных империй — Британской, Французской или сохранившейся Китайской — и, следовательно, применительно не ко всем, но ко многим регионам бывшего СССР борьбу национальных движений за самоопределение можно рассматривать в рамках антиколониальной борьбы. То, что колонии Британии или Франции были отделены от метрополии морями, — не более чем географический нюанс, который не может считаться основанием для отрицания колониального характера советской государственности.

Очевидно, что не все республики и автономии бывшего СССР можно отнести к числу колоний. Так, колониализм, среди прочего, предполагает наличие качественного разрыва в уровнях экономического развития метрополии и колонии, заметную разницу в цивилизационных установках. В этом смысле едва ли можно говорить о том, что Белоруссия была колонией России. Некоторые декоративные автономии, наиболее ярким примером которых является Еврейская автономная область, также не могут рассматриваться в рамках колониальной модели. Но в отношении Кавказа и Центральной Азии колониальный фактор в советской политике безусловно присутствовал.

Раздел мира между несколькими крупными империями, как и последующая деколонизация, являлись объективными, исторически предопределенными процессами. В этой связи не вполне уместны в научной дискуссии эмоциональные оценки колониализма, тем более призыв доктора Червонной к всеобщему покаянию русского народа перед другими этническими группами. Рассматривать эту проблему через призму моральных категорий едва ли продуктивно — подобно тому, как нелепо выглядит сегодня обличение индустриальной цивилизации за разложение традиционного общества.

Почти все империи развивались по стандартной схеме. Вначале метрополия, технологически и военно более мощная, захватывала какую-то территорию или территория переходила под ее контроль в результате переговорных процессов. После этого в колонии начинали развиваться промышленности (прежде всего — сырьевая), инфраструктура, из метрополии переселялись большие группы колонистов. Через некоторое время метрополия начинала готовить кадры из представителей местных этносов, формировалась нацио-

нальная интеллигенция. На определенном этапе развития последняя начинала претендовать на самостоятельное решение проблем колонии (без участия метрополии) и самостоятельное распоряжение имеющимися ресурсами.

Когда возникала подобная ситуация, начиналась «борьба за самоопределение». При этом, с одной стороны, возникали массовые национальные движения, которые выступали против «перегибов» колониальной практики, с другой стороны, появлялись сепаратистские настроения среди региональной правящей элиты, причем правящая элита могла быть более интернациональна по своему составу, чем те движения, которые подталкивали снизу. Фактически эти две силы и являлись субъектом «борьбы за самоопределение» — в тех случаях, когда они приводили к отделению или, по крайней мере, обозначали тенденцию к таковому.

Если мы рассмотрим этническую ситуацию на колониальных территориях, во всех случаях обнаружится глобальное противостояние: с одной стороны, нация или этнос, доминирующий в метрополии, переселенцы из метрополии, которые в силу ассимиляционных и иных процессов по сути выступают как единая этническая группа, и, с другой стороны, нация колонии, численно доминирующая в регионе. Национальные меньшинства в условиях глобального противостояния макроэтнических групп иногда выступают как временные союзники одной из сторон, в других случаях пытаются сохранять «нейтралитет», используя противоречия для получения особых прав и гарантий их соблюдения для своего этноса.

В связи с вышеизложенным, которую изложил предыдущий докладчик, согласно которой самоопределяться должна не нация, а все население какой-то территории, возможна лишь в идеальном случае. На практике мы видим, что подавляющее большинство представителей нации метрополии будет ориентироваться на сохранение колониальной империи, представители же наций колоний при наличии определенной массовости национально-освободительного движения будут выступать против колониализма. Какой-то компромисс здесь невозможен. Если он в ряде случаев достигается на практике, то не в силу того, что возобладали правовые подходы, а в силу того, что сложился определенный баланс сил — военных и политических — и под него подгоняются правовые нормы.

Не могу не затронуть еще одну проблему.

В нормальном случае реализация права на самоопределение является следствием борьбы национальной или территориальной общности. Но совершенно абсурдна ситуация, когда в качестве субъектов права на самоопределение признаются не те общности, которые борются за реализацию этого права, а те территории, которые в силу исторических причин получили формальный статус национально-государственных, а позднее автоматически, в силу юридического статуса начинают рассматриваться как субъекты некоего особого процесса. При этом внутри них нет движения за реализацию права на самоопределение или это движение создается искусственно, в условиях распада государственности, в то время как в нормальных условиях оно там никогда не существовало.

Мне кажется, что в результате того резонанса, который вызвали события в Чечне, сейчас в России в значительной степени преувеличивается опас-

ность национальных и национально-сепаратистских конфликтов. В действительности же особые права получили лишь те национальные автономии РФ, где национальные движения добились успехов в период между 1989 и 1992 годами. Это был кризисный период. «Статус-кво» был изменен там, где существовали реальные группы и движения, борющиеся за получение больших прав или за независимость. Там, где такие движения не возникли, ситуация не изменилась. В странах СНГ нет ни одного региона, где бы сильное национальное движение возникло после 1992 года. Более того, наблюдается заметный спад активности и даже распад существующих национальных движений.

Говоря о реализации права на самоопределение, надо различать два типа ситуаций.

Один тип — ситуация наподобие чехословацкой, когда в рамках единого государства происходит самоопределение народов с примерно одинаковым культурным уровнем, историческими традициями. Здесь действительно может относительно безболезненно произойти национально-государственное размежевание. Эта схема может применяться с некоторыми оговорками в отношении самоопределения, например, Украины.

Совершенно другую ситуацию мы имеем на той части территории бывшего Советского Союза, где разворачивалась антиколониальная борьба. Здесь практически нет случаев, когда правовые механизмы, созданные заранее, позволяли бы мирным способом решать возникающие проблемы. Те мирные решения, которые реализуются, являются следствием иногда вооруженных, иногда других, далеко не компромиссных форм противостояния. Правовые документы просто фиксируют «статус-кво», возникший в ходе противоборства.

Что касается вопроса о границах, затронутого предыдущими докладчиками, опять же надо различать европейские и азиатские регионы. В Европе границы, с некоторыми оговорками, в основном являются исторически и этнически сложившимися. Напротив, в бывшей советской Центральной Азии ни одна граница не имеет достаточной исторической основы. Более того, там никогда нельзя было провести четкие этнические границы. Возьмем, например, киргизскую часть Ферганской долины: городское население было узбекским, сельские районы вокруг — киргизскими. Или Ташкент: горожане — узбеки, а большая часть сельских районов вокруг — это казахские районы. Здесь в принципе невозможны ссылки на какие-то исторические границы или проведение границ в соответствии с этническим составом населения, что реально в европейской системе.

Дискуссия: Специальные права, групповые права, коллективная ответственность

С.Червонная. Я думаю, что вопрос о праве наций на самоопределение нельзя решать с позиций только юридической науки, это вопрос и исторической науки тоже. И для меня, собственно, самое интересное в этом семинаре началось с выступлений господина Осипова и господина Пономарева, когда мы стали говорить в категориях современности, понятных друг другу, вышли из 60-х годов и прямо сказали о том, что Россия — это

империя, Россия — это страна, обремененная колониями заморскими, сибирскими, украинскими (вы почему-то Украину освободили от этой печальной участи и напрасно...)

Это колонии, которые создавались неправомерными договорами, видностью добровольного объединения, кровью, завоеванием Крыма, уничтожением величайших культур, цивилизаций, завоеванием Казани и т.д. Без этого исторического критерия мы никаких вопросов о самоопределении рассматривать и решать не можем. И прежде чем говорить о праве народа на самоопределение, надо говорить о праве народа на освобождение, освобождение от колониального ига. После этого освобождения возможны любые формы конфедераций, республик, княжеств, чего угодно.

Не надо представлять себе существование народов и бывших колониальных окраин после освобождения как некий рай, как сплошное благоденствие. У них неизбежно будут свои проблемы, они всюду возникают, это беда и неизбежность освободившейся страны — африканской, североафриканской, азиатской, европейской. Это могут быть и социально-экономические проблемы, и моральные, этнопсихологические комплексы и чисто политические осложнения. В частности, можно отметить своеобразную закономерность появления и усиления национализма в молодых государствах, освободившихся от колониального гнета. Сегодня мы наблюдаем это в Средней Азии, в Грузии, на Украине. В первой половине XX века через эту полосу националистического угара прошла Польша, восстановленная после первой мировой войны как самостоятельное государство. Мы до сих пор называем невинный период в истории Польши «санационным периодом», имея в виду политику «санаций» — «этнической чистки» польских территорий, ассимиляции других этносов. Ничего хорошего в этом нет, но, видимо, надо понять и принять те трудности и проблемы, с которыми сталкиваются молодые государства и освободившиеся народы, как своеобразную историческую неизбежность. Сегодня через это проходят почти все независимые государства, бывшие до 1991 года союзными республиками СССР; пожалуй, наиболее острые, болезненные формы местного национализма обретает в центральноазиатском регионе. Завтра такая эпидемия может распространиться и на Чечню, и на Татарстан, и на другие «национальные регионы» Российской Федерации. И задача гуманитарной, общественной мысли, науки, правозащитных движений не в том, чтобы, фиксируя признаки этой болезни, впадать в отчаяние, в истерику, в то, что Валерий Александрович Гинков очень точно называл однажды «риторикой жалоб». Нам надо помочь этим республикам, этим народам, освободившимся от имперского гнета и при этом не имеющим иммунитета против новых болезней, с наименьшими потерями выйти из этой сложной, порою критической ситуации. Не звать, не пугать силой их назад — в имперское рабство, не причитать по поводу того, что сейчас все стало хуже, чем было, а сконцентрировать усилия на поисках выхода из этой неизбежной ситуации. Помощь эта заключается в воспитании чувства ответственности гражданина, представителя русскоязычного населения, русской культуры перед коренным населением этой страны. Эта помощь начинается с воспитания чувства покаяния, ответственности за 1552 год в Казани, за 1783 год в Крыму, за 1940 год в Прибалтике. Мы не можем

исходить просто из абстрактных прав человека, неизвестно как на голой земле оказавшегося. И когда мы говорим, например, о правах «русскоязычного населения» и так называемых не-граждан в современной Латвии или Эстонии, мы не имеем права делать вид, будто мы не знаем и не помним, как эти люди или их непосредственные предки в этих прибалтийских республиках оказались, какую демографическую политику вело советское государство, вытесняя коренные народы с их исторической родины и заселяя аннексированные территории русскими переселенцами. В результате такой политики к концу 1980-х годов латыши уже составляли лишь половину населения Латвии, а в Риге — даже менее 50%. И происходили эти демографические сдвиги не сами по себе, не естественным путем, а в результате аннексии, оккупации, колонизации Прибалтики, депортации местного населения (и в 1940, и в 1944–1948 годах латышей целыми эшелонами вывозили на вечную ссылку в Сибирь), и для понимания нынешней ситуации необходимо вернуться к этим понятиям и к этим печальным историческим фактам.

И когда люди, проживающие в Латвии или в Татарстане, поймут, почему они на этой земле оказались, и чувство исторической вины и исторической ответственности станет естественным гражданским чувством, тогда многие вопросы будут решаться иначе. У нас же, к сожалению, о правах человека начали порой вспоминать, когда нужно торпедировать становление молодых независимых государств, будь то Чечня, будь то Литва. У нас как-то очень мало и редко люди даже старшего поколения, которые в 40-е–50-е годы, наверное, имели право голоса, говорили о правах человека, когда вывозили эшелонами крымских татар и чеченцев. А сегодня, когда русским в Чечне действительно живется некомфортно, очень громко и настойчиво говорят о правах русских, забывая о правах прежде всего коренного, угнетенного, завоеванного народа.

Надо коренным образом отличать интересы колониальной администрации от действительно широкого гуманитарного права. В конце концов любой француз в Алжире это тоже человек, с его интересами надо считаться, но без исторического контекста, не помня о том, как был завоеван Алжир и каким образом французская администрация оказалась в Марокко, в Алжире или в Тунисе, английская в Индии, а русская в Средней Азии и в Прибалтике, нельзя решать глобальных вопросов прав человека.

Б.Цилевич. В каком-то смысле мне повезло, что я выступаю сразу после доктора Червонной, потому что она прекрасно продемонстрировала ту позицию, с которой очень часто приходится сталкиваться и которая, как мне представляется, блестяще отражает те самые благие намерения, которыми вымощена дорога в ад.

Принцип права на самоопределение для нации это примерно то же самое, что принцип нравственной свободы для индивидов. Он действительно представляет собой некоторую нравственную максиму, против которой язык не повернется возражать: он полностью соответствует глубинной идеологии прав человека. Тем не менее мы сталкиваемся с таким парадоксом, что реализация этого принципа, с моей точки зрения, принципиально несовместима с соблюдением индивидуальных прав. Вот такой парадокс. Концепция права наций на самоопределение — исключительно противоречивая концепция, наверное, наиболее

противоречивая в современном международном праве, каждый понимает ее по-своему, каких-то универсальных рецептов и правил здесь нет.

Я с очень большой опаской отношусь к историческому контексту, любым историческим обоснованиям, здесь я с вами не согласен категорически, я отвергаю понятие исторической вины. Если я действительно считаю себя правозащитником, если я разделяю идеологию, философию прав человека, то я беру на себя ответственность и готов отвечать за то, что я сделал лично, и за все, на что я мог повлиять, но не за то, в чем виноваты мои деды, прадеды, отцы и т.д. Исторической виной, исторической ответственностью можно обосновать все что угодно. Любой диктаторский режим дает нам прекрасные примеры такого применения этой мифологемы.

Я.Рачинский. У доктора Червонной было в выступлении несколько очень интересных предложений, в частности, по поводу роли ученых, которые должны воспитывать у некоренного населения осознание того, что они живут на чужой земле, и чувство исторической вины, если это представители большинства, когда-то угнетавшего «коренных» жителей. Это мне кажется любопытным сразу по двум поводам: и по поводу роли ученых, которая мне представлялась несколько иной, и по поводу исторической вины, что само по себе довольно сложный вопрос.

Например, если говорить о себе, то я представляю довольно много народов в одном лице, и даже с двумя из этих народов — русским и польским — разобраться нелегко. В общем-то, претензии могут быть с обеих сторон. Конечно, суммарно поляки пострадали, видимо, несколько больше, но было в свое время, что и поляки ходили на Москву, и определенные претензии русское большинство тоже может в связи с этим испытывать. С другой стороны, я как поляк должен испытывать претензии к себе как к русскому, потому что мои польские предки должны были уехать из Королевства Польского и Литовского именно из-за того, что русское большинство не давало им возможности продолжать там жить.

Я думаю, что вряд ли найдется хотя бы два соседствующих народа, у которых не было бы встречных претензий.

Кроме того, разговор о чувстве исторической вины предполагает (и предполагает) довольно-таки симметричное чувство обиды, которое абсолютно психологически понятно и действительно существует во всех регионах конфликтов. Но эти бесконечные разговоры о коллективной вине за 1552 год и за еще неизвестно какие годы не приводят ни к чему, кроме как к превращению взаимопонимания. Мне кажется, что тут заключается очень большая опасность для всех регионов конфликтов, существующих или возникающих в будущем.

А.Бериташвили. Тут сквозила некоторая ироничность в отношении понятия коллективной вины. Те вещи, которые время от времени вытворяют эта история теперешняя Государственная дума или ее предшественники, Верховный Совет РСФСР или Съезд народных депутатов СССР, не укладываются ни в какие цивилизованные рамки. Вспомним, как они вдруг решили проголосовать за то, что секретных приложений к пакту Молотова–Риббентропа просто не существовало в природе. Это ли не ярчайшее свидетельство неадекватности их мировосприятия. Еле-еле А.Н.Яковлев сумел их угово-

речь не позориться на весь мир и не делать этой глупости. Что же тогда требовать с простых людей, если даже относительно образованные депутаты не понимают, что совершили Сталин с Гитлером! Я не говорю о необходимости культивирования постоянного чувства исторической вины, чтобы все время каяться, но какое-то элементарное знание о том, какими методами образовалось Российское государство, просто совершенно необходимо, чтобы в наше информационно «прозрачное» время, когда весь остальной мир уже давно все про нас знает, не подпитывались бы какие-то странные и малокомпетентные популяризаторы.

Несмотря на то, что Россия в нынешних пределах сформировалась полтора столетия назад, если вы попытаетесь на улицах спрашивать у прохожих названия столиц кавказских республик, не говоря уже о Поволжье, которое было присоединено к России намного раньше, — абсолютное большинство людей будет путаться в наименованиях республик и их столиц.

Это говорит о том, что великорусский этнос, строивший нашу державу, интересовался только территориями, а не населяющими их народами и их культурами. Наиболее разительным примером является «освоение» благодатного края — черноморского побережья Кавказа, в результате которого на всем пространстве от Адлера до Анапы не осталось коренного населения, а вместо него были заселены казаки.

Таким образом, вопреки широко распространенным представлениям, Россия образовалась не как содружество народов, объединившихся ради достижения общих целей, а была создана путем коллекционирования территорий: территория А, плюс территория В, плюс территория С, и т.д. В результате получилось то, что мы имеем сейчас, — расхождение национальных устремлений между русскими и целым рядом народов России. Надо сказать, что Россия вообще очень запоздала с решением этих проблем по сравнению с другими многонациональными государствами.

Многонациональная Америка уже лет сорок постоянно «промывает мозги» и цветному и белому населению, показывая, что барьеры между разными этническими общинами Америки преодолимы, что постоянно существует возможность для наведения духовных мостов между ними. Прекрасный пример — первый концептуальный фильм на тему общности судеб негра и белого «Скованные одной цепью», который положил начало мощной волне и в кино, и в театре, и в литературе Америки, напрямую работающей на снижение межэтнических барьеров. Роль американской интеллигенции здесь трудно переоценить.

У нас же во время войны в Чечне только самоотверженная работа горстки журналистов, правозащитников и медиков позволила сохранить какой-то тоненький мостик взаимопонимания между российским и чеченским обществом. Слишком мало было в предшествующей жизни таких произведений, где кавказец и русский рука об руку делали бы вместе что-то, что вызывало бы положительные эмоции у зрителей или читателей.

Вообще всякие высокие формулы политики, разговоры о национальных концепциях, принципах, доктринах, как правило, до народов не доходят. Народ обычно хорошо принимает то, что ему дают в определенном эмоциональном обрамлении, то есть в виде культуры и искусства. В этом смысле произведение Приставкина «Ночевала тучка золотая» — это просто «бронепойное» произве-

дение, пробивающее брешь в межнациональном отчуждении. Будь таких произведений побольше, несчастья чеченской войны, которые по большому счету вызваны полным непониманием чеченцев и незнанием русским населением «непарадной» истории Кавказской войны, были бы предотвращены.

Мемориальцы постоянно придерживаются концепции, что права человека существуют, а прав наций или этнических групп не существует. Я хочу сказать, что в тот момент, когда начинаются преследования людей именно по национальному признаку, тогда и возникают права нации. Например, вы не найдете сейчас азербайджанцев в Карабахе или грузин в Абхазии. Там остались только ничтожные остатки когда-то проживавшего там «неудобного» населения. Тут-то и должна начаться защита именно их национальных прав, потому что человека выгнали из своего дома, его лишили имущества не за какие-то определенные качества или поступки, что, кстати, тоже недопустимо, а именно за его национальность. Возник целый пласт событий последних лет, когда в наше просвещенное время на постсоветском пространстве фактически созданы зоны, где запрещено проживание лиц определенной национальности. Например, в Пригородном районе Владикавказа, или в Карабахе, или в Абхазии. Точно такие же порядки царили в сталинские времена для представителей репрессированных большевиками народов.

Поэтому я не призываю культивировать чувство коллективной вины в смысле постоянного стояния на коленях, но объективно понимать ситуацию нужно. Протекающий на постсоветском пространстве чудовищно запоздавший по сравнению с остальным миром процесс деколонизации вызывает постоянное раздражение Москвы. В отношении стремящихся к самостоятельности государств от Московской правящей элиты исходят негативные политические импульсы. Наиболее остро проходит расставание с Украиной, хотя это и совершенно естественный процесс. Из-под имперского образа мышления, характерного для российской правящей элиты, псевдонасущных забот типа «все ли наши ракеты в состоянии долететь до Вашингтона или Лондона», или «достаточно ли у нас в Тихом океане ядерных подлодок», высвободилось около пятидесяти миллионов человек. И они получили теперь, может быть, впервые за всю свою историю, возможность заниматься обычным построением своей судьбы и благополучия без непосильной сверхдержавной ноши, которая может погубить Россию, если ее политика не перестанет апеллировать к великодержавным «ценностям».

Я.Рачинский. В предыдущем выступлении было сказано, что великорусский этнос имел стремление к собиранию земель. Мне кажется, это очень точно показывает, что чувство вины и чувство обиды всегда подпитывают друг друга. Великорусский этнос, как и любой другой этнос, не выступает в качестве какой-то единой воли. Нельзя, на мой взгляд, сказать ни про один народ, чего народ хотел или не хотел. Это терминология политиков, которые пытаются использовать эти понятия в своих целях.

В.Цилевич. По поводу прав русских в Латвии и подобных вопросов я сейчас скажу вещь, которую обычно стараюсь не говорить. Дело в том, что я, в общем-то, не русский, я еврей, причем потомственный гражданин Латвии. Из моей семьи семьдесят один человек погиб, убит в Риге латышскими фашистами во время холокоста. Да, к сожалению, была латышская

зондеркоманда, силами которой в основном проводились убийства латвийских евреев. Их перед войной было около 100 тысяч, а в настоящее время осталось около 12 тысяч. Кроме того, очень много евреев привозили из Западной Европы, их уничтожали в Риге, потому что для этого были условия, включая хороших исполнителей.

Что я сейчас должен сказать своим латышским друзьям? Должен ли я к ним требовать какую-то ответственность за то, что их предки, большинство которых были наказаны, но некоторые сейчас живут на Западе, приезжают в Латвию, являются богатыми людьми, убили когда-то моих? Другое дело, что в латышских школьных учебниках истории о холокосте упоминается только мельком или не упоминается вообще. У меня есть серьезные основания обижаться на государство, но я не считаю себя вправе ставить вопрос о коллективной ответственности, о исторической вине латышей.

Р.Нарунец. И вчера, и сегодня говорили о комплексе вины за прошлое и о том, как к этому относиться — как к ответственности народа, личности или еще как-то. В общем-то, здесь невозможно сразу навязывать однозначный ответ.

Франция и Германия смогли как-то и довольно быстро установить нормальные отношения, хотя в истории между ними было много войн. Так же в 1966 году со стороны руководства польского духовенства прозвучал такой призыв: «Мы вас прощаем и просим простить нас». Это был призыв со стороны Польши, которая много пострадала во время мировой войны от гитлеровского оккупанта — вспомним хотя бы Освенцим, Майданек и другие концлагеря. Это поляки просили. Как результат через четыре года, в 1970 году, был подписан польско-германский договор о нормализации отношений с ФРГ, о нерушимости западной польской границы и т.д. Произошла какая-то нормализация. Спустя еще некоторое время, пятьдесят пять лет после начала второй мировой войны, в том месте, где началась война, в крепости Вестерплатте (ее можно сравнить с Брестской крепостью по роли, но вряд ли по масштабу), где 180 польских солдат защищались от многочисленных отрядов германских войск в течение недели и потом оказались в плену, 1 сентября 1994 года встретились солдаты той и другой стороны и протянули друг другу руки.

Это показывает, что возможны такие процессы. Но что для этого нужно? Надо отказаться от претензий, и одна, и другая сторона должны понять, что не всегда действовали правильно. Тут я как будто говорю о равенстве вины преступника и жертвы, не так ли? Вроде бы так говорить нельзя, но что-то в этом есть. Время лечит. Покаяние должно быть двусторонним, и оно должно быть осознанным, продуманным. Нельзя подменять это какими-то личными или временными эмоциями.

Второй вопрос, который тут бурно обсуждается, — это соотношение личных и групповых прав. Вообще-то, я сейчас убеждаюсь, что их разделить невозможно. Допустим, сейчас я, поляк, живу в Литве. Мои родители поляки, граждане Польши. После войны их никто не спросил, они не имели свободного выбора и оказались гражданами СССР. Прошло некоторое время, и они сейчас являются гражданами Литвы. Во время последней смены гражданства их спросили, и они должны были сами определиться, то есть они имели право не принять литовское гражданство. И если каждый из них

не мог выбрать гражданство, то и общность тоже. И в таких моментах невозможно разделить, что личное, а что групповое.

Когда возник «Саюдис» и с 1989 года началось движение за освобождение, за воссоздание независимой Литвы, то 80% литовцев не учитывали остальных, допустим, 9% населения русских, 7% поляков и того, что они есть. А они не хотели сразу разъединения. Национальное движение в Литве началось под лозунгами национализма, возврата к истокам и традициям и с нападков на других. На русских, может быть, меньше, чем на поляков.

Поэтому они как бы отвергли от себя других. Но если говорить об этом сейчас, то я не жалею, что события развернулись именно так, что мы образовали единое и независимое государство. Я определяю себя как гражданина Литвы. Я сказал бы так: мои личные права сейчас не нарушаются, а групповые права поляков нарушаются. Почему? Потому что вокруг Вильнюса очень медленно возвращается земля тем людям, которые там жили и живут сейчас. А преимущественно там живут поляки. Хотя тот же самый процесс медленно идет и вокруг Каунаса, где живут литовцы. Тогда о чем мы можем говорить? О национальном или еще каком-то праве? Если вокруг Вильнюса, — о правах поляков, если вокруг Каунаса, — о правах литовцев. И тут опять ответ не будет однозначным. И можно было бы задать еще много похожих вопросов.

С.Червонная. Что мне особо хотелось бы сказать, связано со статусом «коренного народа». Нередко можно услышать, в том числе и в демократических, правозащитных кругах: зачем, мол, нужно возвращаться к какой-то архаической «коренизации», делить людей на представителей «коренных» и «не-коренных» этносов, все это только вносит ненужное раздражение, провоцирует конфликты и приводит к нарушению прав человека; все люди равны, и давайте забудем о том, кто из них «аборигены», кто «пришельцы», кто «коренные», кто «мигранты» и т.д.

Безусловно, существуют такие сферы общественной жизни, в которых подобные различия не играют никакой роли, в которых лучше забыть о такого рода различиях и бестактно напоминать о них. Но если мы ведем речь о национально-государственном строительстве, о праве народа на самоопределение, мы просто никуда не можем уйти от таких важнейших в данной сфере понятий, как «коренной» (в других терминологических версиях — «автохтонный», «аборигенный», «индигенный») народ. Проблема самоопределения народов ни теоретически, ни практически не может быть решена, если она не увязана с правами коренных народов, чьи земли подверглись аннексии и колонизации. И статус коренного народа определяется не процентным соотношением меньшинства с большинством, не обширностью занимаемой им территории, не его численностью и даже не длительностью проживания представителей данной национальности на данной земле, так что совсем не нужно считать — сто или двести, пятьдесят или триста лет живут, к примеру, русские в Туве или в Крыму. «Коренным» народом является тот народ, чей этногенез совершился на данной территории.

Я очень уважаю русских, но русские пришли в Крым в XVIII веке, уже сформировавшись как народность, как нация. Поэтому русские, даже если они уже двести лет живут в Крыму, никак не могут быть «коренным народом»

Крыма. Сегодня в Крыму три коренных народа, это крымские татары и близкие им в лингвокультурном отношении, но отличающиеся по конфессиональной ориентации тюркоязычные крымчаки и караимы. При этом численность крымчаков всего 662 человека, караимов — 884, крымских татар в Крыму сегодня около 250 тысяч. Ни абсолютные цифры, ни проценты по отношению к общему населению Крыма здесь никакой роли не играют, ибо только эти народы (а мы, естественно, ведем речь о народах нашего времени, а не об исчезнувших в далеком историческом прошлом культурах и цивилизациях: ни киммерийцев, ни тавров, ни скифов, ни готов просто нет в современном Крыму) сложились как самостоятельные народности, обрели свое самосознание, свою культуру, язык и все признаки этноса на территории Крыма. Точно так же среднерусская равнина — это место этногенеза русской народности, русского этноса, который никак не может быть «коренным народом» ни в Крыму, ни на Балканах, ни в Забайкалье или на Кавказе: туда русские пришли, уже будучи сложившимся этносом, присоединив к России эти территории силой оружия или дипломатическими договорами.

Когда мы ведем речь о современном процессе самоопределения народов, мы должны помнить о преимущественном праве коренных народов выступить в качестве субъекта права на самоопределение. Если не учитывать этих приоритетов и передать право на самоопределение в руки механического большинства населения, то это будет уже не самоопределение народа, а издевательство над его правом. Ибо в таком случае любой оккупант, заняв чужую территорию и подтянув сюда население из собственной метрополии, сможет якобы законным путем — на основе референдума и голосования — изменить ее статус и совершить акт «самоопределения».

Вспомним недавнюю историю с захватом маленького Кувейта соседним Ираком. Ведь буквально чуть-чуть не хватило Саддаму Хусейну времени, быстро опомнилось международное сообщество, великолепно и решительно прореагировала Америка, и аннексия таким образом не состоялась. А ведь стоило заполнить маленький Кувейт, с его богатейшими нефтяными скважинами, новым населением, переселенцами из Ирака, преданными Саддаму Хусейну и, не считаясь с волей аборигенов Кувейта, уже это новое население могло решить судьбу страны, превратив ее в новый штат Ирака. И сделать это было проще, чем, скажем, сегодня решать судьбу Крыма голосами русского большинства, поскольку между арабами Кувейта и Ирака нет заметных языковых, религиозных, культурных различий, так что любую аннексию легко можно оправдать интересами нового населения, нового большинства, если не учитывать особые права и волю коренных народов. Поэтому при решении вопросов «самоопределения» необходимо особо оговаривать и учитывать права коренных народов, и если исходить из принципа определения коренного народа по тому, на какой территории завершился его этногенез, совсем несложно окажется разобраться в том, кто относится к коренному, аборигенному населению, а кто — нет, и не надо для этого высчитывать проценты и переворачивать пласты истории, вспоминая, кто еще здесь когда жил или проходил дорогами военных завоеваний. По отношению к аннексированным территориям и странам, оказавшимся в колониальной зависимости, коренное население определяется как тот народ, кото-

рый жил на этой земле до вторжения завоевателей. По отношению к Крыму такой границей был 1783 год, по отношению к Татарстану — 1552-й. И отдаленность той или иной даты от нашего времени не имеет принципиального значения, если на данной земле сохранился, конечно, народ, стремящийся к освобождению и ведущий борьбу за свое национальное освобождение. Это вовсе не значит, что нынешние поколения потомков завоевателей и пришельцев (скажем, те же русские в Татарстане или в Крыму) несут персональную юридическую ответственность за преступления прошлых десятилетий или даже прошлых веков, к которым лично эти люди никак не причастны. В новой ситуации освобождения прежних колоний должны быть созданы все условия для демократического развития, для того, чтобы всем людям, независимо от их национальности и принадлежности к коренным народам, было обеспечено уважение к их национальному достоинству, сохранение их человеческих прав и гражданских свобод, включая и свободу добровольного выбора гражданства и места жительства в том или ином государстве. Это бесспорно. Но это никак не снимает ни моральной стороны вопроса, связанной с воспитанием чувства покаяния, стыда за прошлую имперскую политику у представителей тех народов, именем которых эта политика претворялась в жизнь, ни фактического права на самоопределение, которое берут в свои руки коренные, угнетенные в прошлом, завершающие борьбу за свое национальное освобождение народы. И чисто механическое равенство (по принципу развитых демократий: один человек — один голос) в тех экстремальных условиях, где десятилетиями и веками формировалось реальное неравенство и осуществлялся государственный этноцид по отношению к коренным, поработанным народам, может обернуться новой исторической несправедливостью. Думается, что такие экстремальные ситуации требуют выработки гибкой политики, основанной на приоритетных правах коренных народов, а также теоретического обоснования этих приоритетов.

Н.Новикова. Мне кажется, то, что говорится здесь о коренных народах, часто связано с недостаточной информированностью. Ведь коренные народы выделяются не потому, что они коренные, а потому, что они занимаются охотой, рыболовством и оленеводством. Это главная их черта, а я по мере сил пытаюсь защитить людей, которые хотят вести такой образ жизни. И это касается того, что у человека должно быть право стремиться к тому, чтобы его внук был оленеводом. Ведь, вероятно, ваши, так же, как и мои, родители стремились к тому, чтобы мы получили высшее образование, а кто-то хочет, чтобы его сын и внук занимался оленеводством, и я не вижу здесь большой разницы. И если вы захотите поближе познакомиться с этнографической литературой и этнографическими фильмами (я понимаю, что с жизнью аборигенов не у всех есть возможность познакомиться), то увидите: это не умершая, не замершая культура, это не музей. Люди живут сегодня так, и они хотят заниматься оленеводством, кстати, не только в нашей стране.

И последнее. В мире и в нашей стране сейчас много говорится об устойчивом развитии Севера и признается, что именно аборигенное природопользование в наибольшей степени ему соответствует. Об этом, мне кажется, нельзя забывать. Не случайно во всем мире защищается этот образ жизни. Мне хотелось бы, чтобы именно в среде правозащитников подумали

о том, почему во многих странах существует специальное законодательство по этим народам, почему есть движение в защиту прав аборигенов. И мне кажется, что это движение меньше, чем движение в защиту прав человека, лишь потому, что права человека нужны всем, а права аборигенов не всем.

Я.Рачинский. Я хотел бы высказаться по поводу нескольких прозвучавших здесь выступлений представителей Института этнографии — это о коренных и некоренных народах и об особых правах коренных народов.

Опять-таки скажу о себе — у меня довольно сложное положение. И если станут разбираться, то где угодно меня объявят некоренным, поскольку нечистокровный я — что уж сделаешь, так сложилось. С уменьшением влияния национальных предрассудков несомненно будет расти доля «нечистокровного» населения — должно ли это население быть второсортным по сравнению с «коренным» и «чистокровным»? Будет ли иметь особые права сын «коренной» матери и отца-«космополита»?

Кроме того, возникает вопрос: а так ли уж нужны эти дополнительные права коренных народов?

Вот говорили, что хорошо было бы, чтобы оленевод имел право воспитать из своего сына и своего внука тоже оленевода. А мне хочется сказать, что хорошо бы, чтобы у этих сына и внука была не только возможность вырасти оленеводами, но и другие возможности были им доступны — даже и вопреки мнению деда.

Бесспорно, ничего хорошего в насильственной русификации нет, но и принудительная «эскимосизация» ничем не лучше, даже если она затрагивает только эскимосов. Гетто — это гетто, и мне кажется довольно второстепенным вопрос, возникает оно по инициативе «снаружи» или «изнутри».

Тут опять возникает вопрос, связанный с самоопределением. А так ли хорошо, чтобы каждый народ жил в своей особой отдельной квартире? Я понимаю, конечно, что выращивать чистые культуры очень бывает полезно для ученого, в медицине, скажем, чистые культуры бактерий очень важны, но человек, в общем-то, довольно заметно отличается от бактерии и живет не только ради удовлетворения любопытства социологов, антропологов и этнографов. Мне кажется, что в изолированном, дистиллированном виде ни одна культура существовать не может и, на мой взгляд, и не должна. И стремление поддерживать традиционный уклад любой ценой, не вникая в существо того, что поддерживается, — это, мне кажется, немножко уже профессиональный взгляд.

Свобода выбора безусловно должна быть — изучать ли несколько языков или только язык предков, быть оленеводом или учиться в институте. Но искусственно сдерживать развитие культуры для сохранения традиций, на мой взгляд, не самый лучший путь.

А.Даниэль. Насколько я понимаю, Конвенция о правах коренных народов (может быть, она не так называется и меня поправят) не декларирует, что, скажем, эскимосам присущи какие-то особые права (в точном смысле этого слова). Разрешение эскимосам забивать китов, которого не имеют представители иных национальностей, — это не право. Насколько я знаю, специалисты в области международного права рассматривают это разрешение как «обоснованную привилегию». Так же точно — как «обоснованная

привилегия» — рассматриваются некоторые определенные законом дополнительные возможности для североамериканских индейцев, живущих в резервации. Да, я понимаю, что слово «резервация» вызывает у нас, воспитанных на советской литературе, самые черные чувства, но ведь резервации XIX века и резервации конца XX века — это совсем разные вещи. Насколько я знаю, представители аборигенов Северной Америки имеют право выбора (не коллективное, а личное, индивидуальное право) — жить в резервации или не жить в ней. Это вопрос их свободной воли. Никто никогда не имеет права препятствовать североамериканскому индейцу (я, конечно, имею в виду препятствия на уровне закона, а не социальные препятствия) выйти из резервации. Но, выйдя из резервации и становясь обыкновенным гражданином Соединенных Штатов или Канады, он лишается некоторых обособанных привилегий, выделенных жителям этой резервации. Например, права ловить лососевую рыбу во время нереста. Так что это не коллективное право.

Теперь я меняю фронт и хочу возразить очень уважаемому мной Давиду Бериташвили. Вы говорите о необходимости защиты коллективных прав, в частности прав наций. Понятно, что если права наций вообще существуют, то это коллективные права и к индивидуальным правам они не сводятся. Вопрос именно в том, существуют ли они, а точнее, необходимо ли к ним прибегать для защиты некоторых бесспорных общественных и моральных ценностей. Тут у меня есть некоторые сомнения. Вы аргументируете существование национальных прав (подчеркиваю — прав, а не обоснованных привилегий) примерами дискриминации в отношении грузин в нынешней Абхазии или ингушей в Пригородном районе Осетии. Но ведь существует фундаментальное и бесспорное право личности — право на свободу от дискриминации. Это право присутствует и во Всеобщей декларации, и во многих других правовых документах. И весь пафос этого права состоит в том, что людей нельзя объединять и дискриминировать по коллективному признаку. Вот человека лишают свободы за то, что он кого-то ограбил. Грабеж — это его личное деяние, лично он несет ответственность за него, и его права, в соответствии с законом, ущемляются. Его свободу ограничивают: сажают в лагерь или в тюрьму. Потому, что он ограбил, а не потому, что он принадлежит к касте грабителей. А вот когда грузина в Абхазии лишают права жить в своем доме, то это как раз попытка объединить людей и ущемить их права по признаку принадлежности к некоему коллективу. Право на защиту от дискриминации — это как раз право, отстаивающее приоритет индивидуальных прав перед коллективными интересами. Я не берусь сказать, правы вы или нет в принципе, говоря о коллективных правах. Но, во всяком случае, ваша система аргументации, как мне кажется, противоречива, и приведенные вами примеры не подходят к вашей цели.

Э.Зейналов. Права меньшинств при голосовании — это вопрос вопросов. Потому что есть ряд таких меньшинств, которые не способны что-то изменить при голосовании в силу самой своей малочисленности.

Возьмем для примера Республику Саха, где якуты в меньшинстве. Что могут они изменить при голосовании? Или крымские татары в Крыму? Или абхазы, которых даже сейчас в Абхазии всего тридцать процентов? Отними у абхазов винтовку, и они вдруг станут таким же национальным меньшинст-

вом, как и все остальные в Абхазии. Не говорю уже о вымирающих национальных меньшинствах.

Здесь делалась попытка проигнорировать тот факт, что есть коренные национальности, чей этногенез прошел на этой территории, которым никуда не убежать, так как нет у них другой «исторической родины». Должно ли быть дано этим коренным народам какое-то право наложить вето на неприемлемый для них результат голосования? Скажем, Аландская модель предусматривает, что такое малочисленное национальное меньшинство, как жители Аландских островов, может налагать вето на решения парламента всей страны, если оно затрагивает именно их интересы.

Я бы, например, не взял на себя смелость проводить референдум до тех пор, пока не будет установлен мир, хотя бы такой мир, как в Чечне, — без определения статуса; если не будут возвращены беженцы, хотя бы те, которые действительно хотят вернуться; если не будет дано время на то, чтобы остыть от эмоций; если не будет установлен эффективный международный контроль, чтобы лучше знать, кто считает и как считает, и если не будут учтены права меньшинств, прежде всего коренных народов.

Что касается собственности меньшинств на землю, то этот вопрос у нас в Азербайджане сейчас дискутируется, потому что отпечатали ваучеры и возникла проблема, что делать с ваучерами, которые отпечатали для армян Нагорного Карабаха. То есть, по идее, они могли бы земли Нагорного Карабаха приватизировать таким образом.

С другой стороны, мы видим характерный пример освоения индейских территорий США или районов Крайнего Севера, где земли можно купить за бутылку водки при определенных условиях. Права второго и третьего поколения местных жителей будут уже нарушены. Здесь можно было бы предложить модель резервации типа американских.

И еще упоминался здесь вопрос Чечни, влияния чеченских событий на умоностроения малых народов. С одной стороны, они встряхнули очень многих и действительно запустили «механизмы тектоники». С другой стороны, есть и обратный процесс. В частности я хотел бы упомянуть и вопрос, который давно исследую, — проблему лезгин. Лезгины — автохтонный народ Азербайджана и Дагестана, и они ставили с 1990 года достаточно радикально вопрос о создании независимого государства, почему-то в составе России. Но, видимо, Чечня достаточно хорошо доказала эфемерность идеи независимых государств, и в 1996 году на очередном съезде лезгинское национальное движение «Садвал» приняло, я думаю, историческое решение отказаться от идеи этого государства. Взамен этого была предложена достаточно реалистическая программа с пунктами о создании свободной экономической зоны, обеспечении прозрачности границы, обеспечении возможности культурного развития и т.д. — заметьте, не затрагивая территориальной целостности обоих государств, России и Азербайджана. Это могло бы как-то решить проблему разделенности народа.

И.Блищенко. Здесь ссылались на историю. Дело в том, что история, конечно, хорошая штука и, конечно, надо ее знать, чтобы разбираться в сегодняшней действительности, но нельзя вопрос решать, руководствуясь только историей. И исторические аргументы не могут играть решающей

роли, ибо сегодня решающую роль играют соглашения и компромиссы между государствами. И если мы говорим об автономии, то это тоже определенный компромисс между самоопределяющейся нацией и государством. Если мы говорим о независимости, то это тоже определенный компромисс между самоопределяющимся народом и государством. Мы, конечно, можем приводить исторические аргументы и должны их приводить, должны принимать их во внимание, но они не могут играть решающей роли. Они могут играть только дополнительную роль.

Второе, на что я хочу обратить внимание, — это вопрос соотношения коллективных и индивидуальных прав. Возьмем пакты о правах и свободах человека. Первая статья говорит о коллективных правах, а затем следуют индивидуальные права. То есть до тех пор, пока мы не обеспечили осуществление коллективных прав, мы не можем говорить серьезно об индивидуальных правах. Это очевидный вопрос, особенно когда мы касаемся национальных меньшинств. И поэтому, когда мы говорим о национальных меньшинствах, мы прежде всего говорим о коллективных правах и только затем — о лицах, принадлежащих к этим меньшинствам. И это вполне естественно, потому что без осуществления права народов и наций на самоопределение все индивидуальные права повисают в воздухе. С точки зрения международного права, по крайней мере, я могу сказать, что право национальных меньшинств — это право, которое предусмотрено как в национальных законах, так и в международных соглашениях.

А.Осипов. Настоятельно советую всем обратить внимание на то, что абсолютно все доводы в пользу преимущественных прав лиц, относящихся к «малому» или «угнетенному» «коренному» народу, как бы таковой ни определять, могут быть в полной мере повернуты и в пользу «большого» народа, живущего на «своей» территории. Если можно создать привилегированный режим для чукчей, то нет никаких убедительных аргументов, почему то же самое нельзя сделать для хакасов, марийцев, татар, пойдём дальше — грузин, латышей, казахов, дойдём до русских, немцев и пр. и на этом успокоимся. Во-первых, все историко-этнографические критерии очень расплывчаты, а оценки страдают субъективизмом; во-вторых, никто из сторонников «малых этносов» не откажется от того, что все народы и культуры в принципе равны. В-третьих, работает логика самоопределения: ведь народ как будто сам и только сам может решать, кто или что мешает ему жить, есть угроза его «идентичности» или нет и что нужно делать, чтобы устранить возникшую проблему. Все националистические движения следуют этой логике — и те, которые выступают от имени меньшинства, и те, которые выступают от имени большинства. Экстремальный вариант — нацистская Германия, там присутствовали все признаки самоопределения: массовое волеизъявление самого народа без вмешательства извне. Демократии в Германии после 1933 года было примерно столько же, сколько в нынешних Абхазии или Карабахе (не буду уж говорить про Чечню), но ведь немцы стойко сражались во второй мировой до самого конца и тем самым подтверждали свой выбор.

Переубедить сторонников «двойного стандарта» и защиты «малых народов», думаю, невозможно. Тут нужно волевое решение: необходимо признать, что, во-первых, права человека абсолютны и любого человека нужно

в любой ситуации защищать от дискриминации и от «структурного» насилия, во-вторых, общества и культуры всегда непрерывно менялись, и не никаких объективных критериев, позволяющих отделить «правильные» изменения от «неправильных».

С.АККИЕВА

Лозунг национального самоопределения и политическая борьба в Кабардино-Балкарии. 1989–1996

Кабардино-Балкария — небольшая республика на юге России. Граничит с Грузией, Ставропольским краем, Северной Осетией-Аланией, Карачаево-Черкессией. Политическая борьба в КБР начала набирать обороты с конца 80-х годов, что было связано с падением роли и значения КПСС.

Несколько слов об истории кабардино-балкарской государственности. В 1918 году была провозглашена советская власть на Тереке (в том числе в Кабарде и Балкарии) и создана Терская Республика. Начало гражданской войны прервало процесс создания государственности для кабардинского и балкарского народов. В 1920 году была создана Горская Советская Социалистическая Республика. В ее состав в качестве самостоятельных округов (Кабардинского и Балкарского) вошли Кабарда и Балкария. В силу целого ряда причин Горская Республика просуществовала недолго. Ее распад начался с выхода 1 сентября 1921 года Кабардинского округа и образования Кабардинской автономной области. Следом выходит Карачай с образованием Карачаевской автономной области. 6 января 1922 года было принято решение о выходе из Горской Республики Балкарского округа с образованием Балкарской автономной области.

Однако 16 января 1922 года решением ВЦИК при активном участии наркома по делам национальностей И.В.Сталина была образована объединенная Кабардино-Балкарская АО. Процесс объединения протекал достаточно сложно. Остро стоял вопрос о структурах власти, представительстве во властных структурах и т.д. В конечном итоге был достигнут компромисс, в главном условии объединения Кабарды и Балкарии был признан принцип паритетности в высших исполнительных органах автономной области (равное представительство кабардинцев, балкарцев и русских). Таким образом, русские наряду с кабардинцами и балкарцами стали «субъектообразующим элементом населения. В тех условиях это было наиболее верным решением. В 1936 году Кабардино-Балкарская советская социалистическая автономная область получила статус автономной республики.

После насильственного выселения балкарского народа в 1944 году в восточные районы СССР КБ АССР была 8 апреля 1944 года преобразована в Кабардинскую АССР и называлась так вплоть до 1957 года, когда вновь стала Кабардино-Балкарской АССР. Структура высших исполнительных органов Кабардино-Балкарии усложнялась, принцип паритетности, на основе которого было достигнуто согласие об объединении, неоднократно нарушался,

хотя определенный баланс интересов трех основных народов сохранялся. С момента образования единой государственности произошли изменения в административно-территориальном делении. На момент создания единой автономной области был один балкарский округ, а территория Кабарды состояла из четырех округов, куда входили также ряд русских и немецких поселений. В 1922–1928 годы было создано более сорока новых населенных пунктов, что привело к значительным изменениям в структуре поселений. В 1932 году часть территории соседнего Ставропольского края, населенной преимущественно русскими, была присоединена к Кабардино-Балкарии. В конце 30-х годов произошел обмен небольшими территориями между Северной Осетией и Кабардино-Балкарией. Административно-территориальное деление внутри самой республики также неоднократно менялось. В 1944 году, еще до выселения балкарского населения из республики часть территории Кабардино-Балкарии была передана соседней Северной Осетии. После выселения балкарцев часть Эльбрусского района Кабардино-Балкарии была передана Грузинской ССР. С возвращением балкарского народа в Кабардино-Балкарию территория, переданная Грузии, была возвращена. Административно-территориальное деление Кабардино-Балкарии после возвращения балкарского населения претерпела новые изменения, однако фактически без учета интересов балкарского народа.

В результате насильственного выселения и последующего тринадцатилетнего пребывания вне пределов исторической родины в местах спецпоселений, в режиме комендатур, лишенный многих прав гражданства, балкарский народ накопил массу проблем. О некоторых из них стоит сказать, хотя бы вскользь.

1. После возвращения балкарского населения на свою историческую родину и восстановления ее государственности не было восстановлено административно-территориальное деление Кабардино-Балкарии на момент выселения балкарцев, что привело к тому, что балкарское население практически во всех административных районах республики численно оказалось в меньшинстве.

2. С момента возвращения балкарцев в результате целого ряда факторов инфраструктура балкарских сел развивалась слабо и отставала от других населенных пунктов. В местах компактного проживания балкарцев социальные противоречия проявлялись более ярко, что вызывалось отсутствием промышленных предприятий, высоким уровнем безработицы и т.п.

3. В результате насильственного выселения балкарский этнос потерял около трети своей численности, что на многие годы нарушило нормальное демографическое воспроизводство. Значительная часть населения в силу ряда причин осталась в местах выселения, и для нее распад СССР практически стал означать невозможность в будущем вернуться на родину.

4. Балкарский народ понес значительные потери в области языка, духовной и материальной культуры. Народ пережил глубокую психологическую травму, что отражается в значительной мере и сегодня. Позже, чем у других национальностей, набрал обороты процесс формирования балкарской национальной интеллигенции.

В период власти КПСС и административно-командной системы определенный интернационализм жизни снимал в той или иной мере сложность и противоречивость проблем репрессированных народов, в том числе и бал-

карского, но вместе с тем возникали и накапливались новые вопросы и противоречия, которые рано или поздно потребовали бы кардинального решения. Лишение балкарского и других репрессированных народов права говорить о трагическом периоде депортации, о причинах и последствиях насильственного выселения не снимало возникших проблем, а только загоняло их вглубь и тем самым усугубляло.

Во второй половине 80-х годов в СССР появилась возможность сказать об одной из самых позорных страниц истории страны — о насильственном выселении целых народов, об актах геноцида против целых этносов и о многом другом. Принятие в 1989 году Декларации о репрессированных народах многим дало надежду на решение самых наболевших проблем в области национальной политики. Вторая половина 80-х годов характеризовалась мощным подъемом национального самосознания практически на всей территории СССР, не была исключением и Кабардино-Балкария. Балкарский народ заговорил о депортационном периоде своей истории, о проблемах, связанных с последствиями депортации, стал поднимать вопросы реабилитации и беспокоиться о различных сторонах своего дальнейшего развития.

Рост национального самосознания происходил и у кабардинского народа, что характеризовалось выдвижением на первый план национальных интересов. Мощный подъем национального самосознания синхронно у двух народов, кабардинцев и балкарцев, при негибкости лидеров обеих сторон вызывал чувство беспокойства и неудовлетворенности в обществе, что сказывалось на ухудшении межнациональных отношений в республике. Одновременно рост национального самосознания в определенный момент привел к столкновению национальных интересов двух народов. Это было связано с тем, что решение интересов репрессированного балкарского народа часть деятелей кабардинского национального движения рассматривало как ущемление интересов кабардинского народа.

С середины 80-х годов началось организационное оформление кабардинского и балкарского национальных движений, которые к концу 80-х — началу 90-х годов представляли значительную силу. Кабардинское национальное движение было шире и являлось составной частью всеадыгского движения, выражающего интересы адыгов (проживающих в Карачаево-Черкессии — черкесов, в Адыгейской республике — адыгейцев, в Краснодарском крае — шапсугов и адыгской диаспоры в странах Ближнего Востока, Турции, ряде государств Европы и в США). Балкарское национальное движение к началу 90-х годов также окрепло организационно.

Принятие в 1991 году Закона «О реабилитации репрессированных народов» дало надежду, что чаяния народа будут удовлетворены. К этому времени острота нерешенных проблем балкарского народа стала явной. Вопрос административно-территориального деления республики, который до этого мало кого волновал, оказался для балкарского народа жизненно важной проблемой. В марте 1990 года в ходе первого и второго тура выборов в Верховный Совет РСФСР не прошел ни один кандидат из числа балкарцев. Главную роль здесь сыграло то, что балкарские избиратели во всех районах республики и во всех избирательных округах, созданных на основе районов, оказались в меньшинстве при численном перевесе избирате-

лей кабардинской национальности. В условиях, когда на исход выборов сильное влияние оказывал «национальный синдром» и избиратель голосовал за своего соплеменника, кандидаты из числа балкарцев неизменно проигрывали. Исход выборов взбудоражил общественность республики. Обкомом партии были приложены определенные усилия, проведена соответствующая пропагандистская работа, и по одному из округов на альтернативной основе был избран депутат-балкарец. Этот пример показал, что балкарский народ должен решать свои проблемы, а не пускать все на самотек.

В последующие годы в Кабардино-Балкарии этнический и политический факторы оказались тесно взаимосвязанными. В 1991 году после событий, связанных с деятельностью ГКЧП, началась острая борьба за политическую власть в республике. Она была начата рядом лидеров кабардинского национального движения, для которых в это сложное время открывался шанс прихода к власти. Федеральные органы власти увидели в них борцов с коммунистическим режимом в республике и на определенном этапе оказывали им негласную поддержку. Кабардинское национальное движение стремилось захватить политическую власть, балкарское национальное движение окончательно сформировало интересы балкарского народа и сформулировало задачи решения проблем балкарского народа в рамках Закона «О реабилитации репрессированных народов». Следует сказать, что вплоть до 1990–1991 годов у властных структур республики с национальными движениями не было серьезных противоречий, о чем свидетельствовало отношение к вопросу о реабилитации балкарского народа (на начальном этапе) и официальное признание русско-кавказской войны геноцидом против адыгского народа.

Следует сказать, что лозунг национального самоопределения впервые был выдвинут балкарским национальным движением только в 1991 году. Для балкарского народа объединяющим фактором на протяжении последних лет выступают годы репрессий и все, что с этим связано. Геноцид против балкарского этноса был той незаживающей раной, которая была еще свежа, были живы те, кто это пережил, и не нужно было прилагать больших усилий для того, чтобы сплотить и объединить народ. Кабардинское национальное движение тоже было вынуждено искать объединяющую идею. И она была найдена в русско-кавказской войне. Память о ней не была так свежа, но, тем не менее, она была найдена: идея былого величия адыгского этноса, былого величия адыгов и их героической войны с Россией. Большую роль в распространении этой идеи в массах сыграли представители адыгской диаспоры в зарубежных странах. Таким образом национальные идеи кабардинского и балкарского народов оказались схожими: если в отношении балкарцев геноцид был совершен в годы сталинизма, то в отношении кабардинцев акт геноцида был совершен в более ранний период, в период Российской империи.

В 1991 году Кабардино-Балкария не осталась в стороне от «парада суверенитетов» и повысила свой статус до уровня союзной республики, отказавшись от слова «автономия». Позднее было изменено и это название, были исключены слова «советская» и «социалистическая». 30 января 1991 года была принята Декларация о государственном суверенитете Кабардино-Балкарии, в разделы которой были включены положения о признании равноправности двух субъектов федерации — Кабарды и Балкарии. В Декларацию

было заложено положение о функционировании двух равноправных палат в Верховном Совете КБССР — Палаты Республики и Палаты Национальностей. Палату Национальностей предлагалось формировать на паритетной основе из представителей трех основных национальностей КБР (кабардинцев, балкарцев, русских). В марте 1991 года состоялся первый съезд балкарского народа, одобдивший меры по реабилитации балкарцев и определивший в качестве главной задачи восстановление всех прав репрессированного балкарского народа.

Часть лидеров кабардинского национального движения усмотрела в этих актах ущемление прав кабардинского народа. В апреле 1991 года по инициативе ряда партий и общественных движений была проведена конференция кабардинского народа, принявшая резолюцию, в которой ревизовалась Декларация о государственном суверенитете в той части, где речь шла о принципе паритетности по национальному признаку в высших органах власти, а также был выдвинут ряд других требований в адрес властных структур. После принятия в апреле 1991 года Верховным Советом РСФСР Закона «О реабилитации репрессированных народов» в КБР в более полном объеме ставятся проблемы реабилитации балкарского народа.

В мае 1991 года четвертая сессия Верховного Совета КБССР приняла постановление «О Законе РСФСР “О реабилитации репрессированных народов”». Была образована комиссия, в задачу которой входило внесение в Верховный Совет КБССР предложений по реализации этого закона (в частности, о восстановлении административно-территориального деления республики в границах 1 января 1944 года). Следует сказать, что в рамках Закона «О реабилитации репрессированных народов» территориальная реабилитация балкарского народа должна была решаться в границах республики на 8 марта 1944 года. Постановка вопроса о территории Кабардино-Балкарии в границах 1 января 1944 года неправомерно связывала территориальную реабилитацию балкарского народа с территориальными претензиями, обращенными вовне, и это препятствовало решению вопроса. Часть бывшего Курпского района Кабардино-Балкарской АССР 7 марта 1944 года была передана Северной Осетии. Вся территория, отчужденная от Кабардино-Балкарии в связи с выселением балкарцев, была возвращена в 1957 году в соответствии с законодательными актами о возвращении балкарцев в Кабардино-Балкарию и восстановлением прежнего названия Кабардинской АССР — Кабардино-Балкарская АССР. Таким образом, территориальная проблема балкарского народа была связана с внутренним административно-территориальным делением самой республики и не затрагивала интересов других республик и государств.

В августе 1991 года (после неудачных действий ГКЧП) правительственные структуры испытали первый кризис. Как уже было сказано, лидеры кабардинского национального движения решили воспользоваться ситуацией и прийти к власти. В тот момент некоторые лидеры балкарского национального движения выступили под одними лозунгами с лидерами кабардинского национального движения. Для достижения поставленных целей были использованы все доступные методы (митинги и даже голодовки). В этих сложных условиях, чтобы в определенной мере стабилизировать ситуацию, Председа-

тель Верховного Совета и Председатель Совета Министров Кабардино-Балкарии были вынуждены уйти в отставку. Это был удачный маневр, который только разрядил ситуацию при том, что власть к новым лицам не перешла.

27 сентября 1991 года Верховный Совет республики принял Закон «О выборах Президента КБССР» и постановление «Об организационных мерах по обеспечению проведения выборов Президента КБССР». Это решение вновь накалило обстановку в республике.

Балкарское национальное движение увидело в принятии Закона «О выборах Президента» ущемление своих прав, так как учреждение поста президента означало сосредоточение всей полноты власти у представителя кабардинского этноса, или официальное закрепление за одним из «титულных» этносов главенствующей роли в политической области. Деятельность Верховного Совета КБР также не давала балкарскому национальному движению повода для оптимизма. Вопрос о территориальной реабилитации балкарского народа не решался, а созданная для того комиссия не торопилась выносить решение. Ряд депутатов Верховного Совета республики кабардинской национальности и некоторые лидеры кабардинского национального движения выдвинули идею, что требования балкарской стороны о территориальной реабилитации балкарцев есть не что иное, как законодательное оформление территории Балкарии для последующего выхода из состава Кабардино-Балкарии.

16 ноября 1991 года на одном из заседаний Верховного Совета прямое волеизъявление большинства депутатов решать и даже ставить на повестку дня проблемы балкарского народа в рамках Закона «О реабилитации репрессированных народов» вынудило балкарскую часть депутатов в знак протеста покинуть зал заседаний ВС. Прямая трансляция этого заседания еще больше накалила обстановку, и собравшийся 17 ноября 1991 года второй этап первого съезда балкарского народа принял решение о создании Республики Балкарии в составе РФ с выходом из КБР. Верховный Совет КБР признал это решение съезда балкарского народа законным.

В этих сложных политических условиях проходила кампания по избранию первого президента Кабардино-Балкарии. На президентский пост выдвигаются четыре кандидата — все этнические кабардинцы. В первом туре президентских выборов практически все балкарское население бойкотировало выборы. Неоднозначным было и отношение к выборам русского населения республики. Большинство избирателей русской национальности в Прохладненском и Майском районах голосовали против всех кандидатов в президенты. Таким образом, в первом туре выборов президента решающее слово оказалось за кабардинцами. По итогам первого тура определились два кандидата.

Тем временем балкарское национальное движение 29 декабря 1991 года провело во всех балкарских населенных пунктах референдум о провозглашении Республики Балкария. В нем приняло участие около 90% всего балкарского населения, и около 90% поддержало идею создания Республики Балкария. Таким образом, лозунг национального самоопределения получил массовое признание.

5 января 1992 года состоялся второй тур президентских выборов, и на нем был избран первый Президент Кабардино-Балкарии. В отличие от первого тура, избирательные участки во многих балкарских селах оказались открытыми, и определенное число избирателей балкарской национальности голосовали во втором туре президентских выборов.

10 января 1992 года состоявшийся съезд кабардинского народа провозгласил воссозданием Кабардинской Республики. В отличие от балкарского национального движения кабардинское национальное движение избирает курс на сепаратизм, то есть на полную независимость от России. К этому объективно принуждала взятая на вооружение идея кавказской войны и геноцида адыгов. Россия воспринимается как колонизатор, уничтоживший около 90% некогда многочисленного адыгского народа. Эксплуатировалась также идея прошлого величия черкесов (адыгов). Территориальный вопрос ставится нередко так: в границах «Великой Черкессии», которая простиралась от Черного до Каспийского моря, и т.д. Верховный Совет КБР одобрил решение кабардинского съезда о создании своей республики.

Политическая борьба в тот момент развернулась между кабардинским национальным движением и властными структурами. Здесь стоит обратить внимание на один немаловажный факт. Властные структуры своими действиями могут усугубить ситуацию, а могут путем проволочек и разбавления проблемы на части завести оппозицию в тупик и в конечном счете добиться разрешения спорной проблемы. Верховный Совет КБР образует трехстороннюю комиссию по определению территориальных границ между двумя будущими республиками: Кабардинской Республикой и Республикой Балкария. Комиссии приступают к работе. Но тем временем некоторые лидеры кабардинского национального движения демонстрируют, что они не отказываются от планов взять власть любыми путями. Неоднократно делаются попытки перевести бытовые конфликты с уголовной подоплекой в межнациональное противостояние. Властным структурам удалось предотвратить расползание конфликта и удержать ситуацию под контролем. Весь 1992 год прёшел в остром противостоянии между кабардинским национальным движением и властными структурами. Проблемы, связанные с балкарским национальным движением, отступили на второй план.

После провозглашения Республики Балкария и проведения референдума балкарское национальное движение пошло на убыль. Основные его силы были израсходованы на сохранение межнациональной стабильности. Ряд лидеров вышел из состава Национального Совета балкарского народа, и движение переживало внутренний кризис.

Осенью 1992 года кабардинское движение организовало массовый митинг с сепаратистскими лозунгами и требованиями отставки законных органов власти. В отличие от митинга августа—сентября 1991 года митинг сентября 1992 года поддерживался только кабардинским национальным движением. По масштабам КБР кабардинское движение собрало на антиправительственный митинг большое число людей — 10–12 тысяч человек. Ни одно другое национальное движение не принимало участия в этом митинге, наоборот, они все, в том числе и балкарское движение, выступили на стороне президента и правительства КБР. Видя достаточно широкую поддержку в массах и

слабость лидеров митинга, властные структуры выступают с серьезными предупреждениями в адрес его организаторов и участников, вплоть до применения силы. Угроза применения войск вынудила организаторов митинга дистанцироваться от митингующих и заявить о происках некой «третьей силы». Митинг был прекращен.

1993 год в Кабардино-Балкарии прошел относительно спокойно. К этому времени кабардинское и балкарское национальные движения заметно ослабли. Более умеренная их часть пошла на компромисс с властями и была введена во властные структуры. Трехсторонняя же комиссия, созданная для определения границ между Кабардой и Балкарией, не смогла прийти к какому-то взаимоприемлемому решению. Каждая сторона выдвигала свою версию границ и приводила свои доводы. Учитывая тот факт, что проблема границ между Кабардой и Балкарией уже не первый раз стала предметом споров и что единства в этом вопросе никогда не удавалось достичь, нетрудно было предположить, что комиссия создавалась только для смягчения ситуации и для того, чтобы выиграть время.

Острота проблем репрессированного балкарского народа несколько уменьшилась в том смысле, что определенные шаги, хоть и непоследовательные и незавершенные, были сделаны. Под давлением балкарского движения был решен ряд вопросов, в том числе экономических. В 1994 году властные структуры провели опрос о единстве республики среди балкарского населения и получили желаемый для себя ответ, что разделу республики не быть и что необходимо сохранить ее целостность. В октябре 1994 года Парламент КБР закрепил это решение. Власти в 1994 году провели также референдум в ряде балкарских населенных пунктов о восстановлении административно-территориального деления, существовавшего на 8 марта 1944 года. По результатам этого референдума был восстановлен Эльбрусский район, а восстановление Чегемского и Хуламо-Безенгиевского районов в прежних границах было признано нецелесообразным. Черекский район также остался в нынешних границах.

Таким образом, проблема самоопределения и политическая борьба, по внешним признакам, ушли на второй план. Но осенью 1996 года произошло событие, которое вновь заставило вспомнить лозунг самоопределения и те проблемы, которые накопились в республике, — не только в области политики, но и в области экономики. На основе Закона «О реабилитации репрессированных народов» федеральными органами власти была разработана и принята программа экономического и социально-культурного развития балкарского народа, по которой в целевом порядке выделялись весьма солидные денежные суммы. Кстати, значительные средства для балкарского народа были выделены и в 1957–1959 годы. Но не всегда эти деньги использовались и тогда, и теперь по прямому назначению. Кроме того, не было достаточной гласности в том, куда и на какие цели идут выделяемые центром средства. Процесс приватизации также не был достаточно гласным. Определенную роль сыграли и слухи о богатой черкесской диаспоре, которая приложила руку к этим деньгам через различных чиновников, создавших всевозможные совместные предприятия и т.д.

Определенную роль сыграла магия цифр. Прошло пять лет со дня провозглашения Республики Балкария. 17 ноября 1996 года уже четвертый этап

первого съезда балкарского народа подтвердил решение, принятое в 1991 году, о создании Республики Балкария в составе РФ. Это событие вызвало неоднозначную реакцию в республике. Но в этот раз властные структуры не стали заигрывать с национальным движением. Были проведены собрания депутатов местного уровня, балкарской общественности, депутатов всех уровней, и решения четвертого этапа первого съезда были признаны незаконными. Парламент КБР также признал все решения съезда балкарского народа незаконными. С санкции прокурора и с разрешения Парламента КБР деятельность органов балкарского национального движения была приостановлена. В самом балкарском народе решения съезда также не нашли однозначной оценки. Имелись и его сторонники, и противники. Во всяком случае, число противников было большим. На выборах президента КБР, состоявшихся 12 января 1997 года, эти события никак не отразились. С небывалым для нынешней России итогом более 90% голосов был избран нынешний президент КБР. Выдвижение кандидатов на пост президента показало, что в настоящий момент никто в КБР не рассчитывает серьезно составить конкуренцию В.Кокову. Доверие к нему объясняется его высоким авторитетом и нежеланием избирателей менять что-либо: нынешнего президента все хорошо знают, он смог сохранить межнациональный мир и не дал ситуации выйти из-под контроля. Важную роль сыграла и Чечня: идти по этому пути желающих больше нет. Следует отметить, что чеченские события сыграли значительную стабилизирующую роль в Кабардино-Балкарии.

После президентских выборов 1997 года произошли события, в определенной мере ведущие к стабилизации межнациональных отношений. На должность Председателя Кабинета Министров был назначен весьма авторитетный и популярный среди балкарского населения Х.Чеченов. В определенной мере этнический принцип в расстановке кадров по-прежнему учитывается. Президент — кабардинец, вице-президент — русский (учитывая, что русские — второй по численности этнос в КБР), премьер-министр — балкарец. В Кабинете Министров русские имеют три министерских портфеля, балкарцы — четыре, кабардинцы — десять.

Таким образом, на определенном этапе лозунг национального самоопределения сыграл важную роль в политической борьбе в Кабардино-Балкарии. Он еще не исчерпал себя полностью. Для его реанимации есть определенные силы и условия. Возможно, мы еще неоднократно будем свидетелями его использования.

С.РОМАНЕНКО

Национальное самоопределение и «славянская идея»

Распад многонациональных коммунистических государств (СССР, СФРЮ, ЧССР) в начале 90-х годов был обусловлен исторически. В один исторический момент четыре системных кризиса поразили эти государства, базировавшиеся либо в целом, либо во многом на этнической близости славянских

народов, принадлежавшие к разным историко-географическим регионам, но к одной социально-экономической и этнополитической модели.

Идея создания государств по принципу этнического родства разных — в данном случае славянских — народов возникла давно. Концепции общеславянской государственности играли большую роль в идеологии национальных движений славянских народов Австро-Венгрии. Этот принцип стал одним из «расуговых камней Версальской системы» для Средней и Юго-Восточной Европы. После военного поражения и распада Австро-Венгрии под покровительством США, Великобритании и Франции в этих регионах были созданы два полиэтничных славянских государства — Королевство сербов, хорватов и словенцев (с 1929 года — Югославия) и Чехословакия.

Большевики, создавая Союз ССР, также учитывали фактор этнического родства русских, украинцев и белорусов. Без политико-государственного объединения этих трех народов Союз вряд ли был возможен.

И Югославия, и Чехословакия, погибшие под ударами гитлеровской Германии, были восстановлены в 1945 году, но уже под эгидой СССР. Как вспоминал один из руководителей «титовской» Югославии, созданной после второй мировой войны, Милован Джилас, И.В.Сталин говорил: «Если славяне будут проявлять единство и солидарность, никто в будущем не сможет даже шевельнуть пальцем»¹. Предполагалось, что созданные на основе не только социального, но и этнического родства, эти государства просуществуют вечно, а может быть, и объединятся. История, однако, распорядилась по-своему, и они не дожили до своего пятидесятилетия и распались.

О причинах этого распада и исторической возможности сохранения и даже воссоздания этих государств, как и самого Союза ССР, спорят сейчас историки, этнологи, политологи, экономисты, принадлежащие к разным научным школам и исповедующие разные политические взгляды. Что стало главной причиной событий конца 80-х — начала 90-х годов — несостоятельность социально-экономической системы коммунизма или межэтнические и межнациональные противоречия, как квалифицировать произошедшее и происходящее — как отвергаемый всем мировым сообществом сепаратизм или как признаваемый им процесс национального самоопределения? Да и имеют ли право и основания славянские народы, входившие в состав полиэтничных и многонациональных славянских государств, на самоопределение, не должны ли они были превратиться в границах этих государств, утратив свою национальную индивидуальность, в единую этнополитическую общность? Было ли, наконец, случайным, что СССР, Югославия и Чехословакия, одновременно возникнув в результате первой мировой войны, прекратили свое существование так же одновременно — в 1991 году, вместе с крахом коммунистической системы?²

Все эти вопросы носят отнюдь не отвлекающий характер и требуют ответа.

¹ Цит. по: Гиренко Ю.С. Сталин и Тито. М., 1991. С.269.

² Типологии распада СССР и СФРЮ см.: Романенко С. СССР — Югославия: модель распада; Россия — Сербия: модель нового самоопределения // Знамя. 1996. № 11.

История общеславянского сознания и самосознания славянских народов их хронологические, географические и национальные отличия привлекали и будут привлекать исследователей. В настоящее время эта тема обсуждается не только среди специалистов. Значительное место занимает она и в массовом сознании в славянских странах, в особенности в России, на Украине, в Белоруссии, а также в Югославии, Хорватии, Боснии и Герцеговине, Чехии и Словакии. Это связано с новым этапом процесса национального самоопределения и кризисом национального сознания каждого из этих народов после распада многонациональных и полиэтнических государств, основанных во многом или целиком на «славянской идее», с необходимостью переосмысления собственной истории и своего места в ней, с новой этнополитической реальностью — возникновением нескольких новых, тяготеющих к моноэтничности государственных образований, возникновением между ними конфликтных отношений в разных формах и разной степени напряженности.

В соответствии с расселением славянских народов в Восточной, Юго-Восточной и Средней Европе сложилось несколько региональных вариантов (типов) славянской идеи, соответственно, восточно-европейский (российский и русский), балканский (Юго-Восток Европы — болгары, сербы, черногорцы, отчасти хорваты и словенцы) и средневропейский (поляки, чехи, словаки, хорваты и словенцы). Славянская идея у украинцев и белорусов переживает сейчас новый этап развития: генетически принадлежа к российскому типу, она в значительной степени начинает тяготеть к типу средневропейскому.

Поэтому было бы ошибкой искать у всех этих народов какой-то единый подход к «славянской идее»: его не существовало и не могло существовать в истории. У каждого славянского народа, исходя из его истории, положения и обусловленных этим интересов, одни политики уповают на «славянскую идею», другие относятся к ней сугубо отрицательно. Одни видят в ней возможность сохранения если не политических, то культурных связей с Россией, другие, наоборот, стремятся к объединению славянских народов в противовес России, которую в таком случае рассматривают как исключительно русское — славянское и православное — государство.

У «общеславянских» мыслителей почти никогда не было научно обоснованного ответа на вопросы: «Что такое славянство? Что такое славизм?» Попробуя на них ответить, они часто использовали метафоры, а не научную терминологию. Общее понимание таких терминов, как «славянское единство», «славянское братство», «славянская взаимность», «славянская солидарность», «славянский вопрос», у политиков и ученых разных национальностей и научных школ как отсутствовало, так отсутствует и поныне.

Во все времена и у всех славянских народов общеславянское сознание было неотъемлемым компонентом национального сознания. Но, будучи разновидностью этнического национализма, оно входило в конфликт с узким этническим национализмом, далеко не всегда совпадало по направленности с процессом национального самоопределения каждого славянского народа.

Существует несколько уровней общеславянского сознания: идеология и психология, обыденное и научное сознание, его разные формы (этническое, лингвистическое, общекультурное, политическое сознание). В разные ист-

орические периоды у разных народов в разных государствах оно проявляется по-разному и играет совершенно разную роль и в самом национальном сознании, и в политической жизни. В своем большинстве «славянские мыслители» прошлого не отождествляли славянство с православием, хотя и не отрицали большую роль религии вообще и конфессионального самосознания в частности в формировании этнического и национального самосознания.

К компонентам, составляющим структуру «общеславянского сознания», относятся собственно национальное (этническое) сознание, сознание принадлежности к региональной славянской общности (в данном случае — региональной югославянской), общности славян, проживавших в данном государстве (под скипетром монархии Габсбургов или в Югославии), наконец, к славянству вообще.

Общеславянское сознание никогда не было исключительно «прогрессивным фактором», который якобы никогда не приходил в противоречие с этническим самосознанием, интересами каждого отдельно взятого славянского народа и процессом его самоопределения, причем однозначно «прогрессивным» на всех этапах его развития элементом.

К оценке роли общеславянского сознания в процессе национального самоопределения надо подходить исторически. На каждом данном этапе процесса национального самоопределения каждого славянского народа, славянской общности в целом и ее региональных разновидностей, оно либо совпадает с ним по направленности и способствует его реализации, либо противоречит и препятствует его осуществлению. В наши дни мы переживаем такой этап, когда, будучи более архаичным, мифологизированным, основанным на этнических стереотипах, консервативным по своей сути, общеславянское сознание препятствует национальному самоопределению.

Возникший конфликт привел к кризису «славянского сознания» и «славянской идеи», который может быть разрешен «переработкой» национального сознания каждого славянского народа своего «славянского» компонента, находя ему в своей внутренней структуре новое место и придавая новое содержание и звучание.

При этом возникают теории, пытающиеся представить полиэтническую общность как единый субъект государственного права и политических отношений. В данном случае исходят, как правило, из опыта западноевропейской политико-правовой идеологии, основанной на принципе «одна нация — одна территория — одно государство». Отличие трактовки этого принципа государственными деятелями и деятелями национальных движений в Средней и Восточной Европе от трактовки этого принципа в Западной Европе состояло в том, что «нация» понималась не как гражданская политическая полиэтническая общность, а как «национальность-этнос», то есть моноэтническая национально не структурированная и незрелая в гражданском смысле общность, которая является собственником территории и единственным субъектом государственного права.

Точно так же в разных исторических условиях и на различных стадиях этнического, политического и социального развития каждого славянского народа «общеславянское сознание» играло различную роль в отношениях как между самими славянскими народами, так и между славянами и

народами, принадлежащими к иным полиэтническим общностям, в первую очередь германской и угро-финской, будучи то конфликтогенным фактором, то фактором стабильности. Поскольку «славизм» был разновидностью не этнического национализма, хотя и противостоящим узкому этническому национализму, он не мог стать основой долговременного урегулирования межэтнических конфликтов и основой национального самоопределения.

В чем же социально- и этнопсихологические причины относительной распространенности различных вариантов «славянской идеи» в современной России? Сейчас у многих людей при полном крахе прежней идеологии, при отсутствии развитого структурированного гражданского общества, которое не может не быть полиэтническим, понятие имущественного права ассоциируется лишь с принадлежностью к этнической общности, которая якобы одна и может обеспечить эти гарантии, будучи субъектом всех видов права и совпадая с обществом. Вместо прав гражданина, личности — права коллективов, общностей. Именно здесь и находится источник непрерывных конфликтов на Балканах между славянскими народами.

В СССР в начале 90-х годов и в современной России существует и существуют несколько вариантов «славянской идеи». Еще на рубеже 90-х по Москве прошел слух (тогда межэтнические конфликты только набирали силу) о том, что экономистам поручили просчитать вариант сохранения СССР в составе только РСФСР, УССР и БССР. (РСФСР воспринималась, таким образом, как русское национальное государство.) Именно эти три республики и три народа должны были стать политической и этнической основой сохранения коммунизма. Во многом традиция эксплуатации чувства этнического родства во имя политических и социальных целей восходит к послереволюционному периоду и времени образования СССР.

«Славянская идеология» является составной частью русского национального сознания. В то же время «братство всех трудящихся» и «славянское братство» оказываются удивительно схожими как часть сознания людей, не приемлющих «западный» образ жизни. У русских этническое сознание поглощено, раздавлено государственным сознанием, превратившимся потом в имперское.

Частью русского населения крах империи воспринимается как национальная катастрофа, как прекращение истории своего этноса — исчезновение государства, которое они (как и сербы Югославию) считали своим национальным, то есть этническим государством. Ведь многие до сих пор живут в убеждении, что государственные границы должны совпадать с этническими. Но этническая общность не может быть субъектом государственного права и собственником территории. У нас величие национальности отождествляется с величием государства, которое приравнивается к величии территории и военной мощи.

Отсюда и неадекватность представления о месте русских и России в современном мире. Сохранение (теперь — восстановление) государства на основе принципа этнического родства воспринимается как восстановление своего национального моноэтнического, а не полиэтнического и многонационального государства.

Многие люди убеждены по наивности или по незнанию, что раз русские, украинцы и белорусы, и, соответственно, сербы, хорваты и словенцы —

этнически близкие народы, то и жить они должны в одном государстве, или вообще отрицают существование украинцев и белорусов, хорватов и словенцев, думают, что русские и сербы — один народ. Таким образом можно добиться исчезновения чувства одиночества.

Существенным элементом этнического самосознания является осознание принадлежности своего народа к семье других, родственных народов. С особенной силой эти чувства и теории проявляются либо у неполноправных народов полиэтнических государств, либо у бывшей государствообразующей национальности после его распада. Мечты о «великом государстве», которое охватило бы максимально возможную территорию, о господствующем положении своей национальности в этом государстве суть понятные психологические реакции на испытанное унижение.

Славизм, таким образом, в любой его форме, как и другие панэтнические идеологии, это не отрицание национализма, не реальная демократическая альтернатива узкому этническому национализму, а его утонченная форма¹.

Государство и национальное самоопределение

Кризис СССР, Югославии и Чехословакии был обусловлен исторически. Они распались в результате совпадения в один исторический момент общих системных кризисов — распределительной экономики (в форме самоуправленческого социализма), коммунистической идеологии, этнотерриториальной федерации как формы национального самоопределения, тоталитарной политической системы и югославизма — одной из региональных разновидностей «славянской идеи», при отсутствии развитого общегосударственного рынка и полиэтнического гражданского общества. А также под воздействием внешних факторов: система международных отношений Версаль—Потсдам—Хельсинки изжила себя, столкнувшись с противоречием процессов национального самоопределения и необходимостью сохранения существовавших государственных границ. Изжила себя и прежняя система блоков и глобальной противостояния².

При анализе событий конца 1980—начала 1990-х годов необходимо различать три различных явления и стадии конфликта: кризис государства в принципе, кризис его данной исторической формы — этнотерриториальной федерации, ее распад и последовавшую затем (на территории распавшейся СФРЮ) войну между государствами-наследниками и внутри самих этих государств, ставшую одновременно и осуществлением военным путем нацио-

¹ См.: Волков В.К. Основные этапы развития славяно-германских отношений в XIX—XX вв. в свете германской империалистической политики «Дранг нах Остен»: Проблемы и задачи исследования / Исследования по славяно-германским отношениям. М., 1971. С.3—29.

² См., напр.: Балканы между прошлым и будущим // Ред. А. Языкова, Б. Шмелев. М., 1995; Волков В. Трагедия Югославии // Новая и новейшая история. 1994. № 4/5. С.3—32; Зудинов Ю., Кандель П., Романенко С., Цехмистренко С. Россия на Балканах // Carnegie Endowment for International Peace; Московский центр Карнеги. Доклады. № 8. М., 1996. С.9—47; Романенко С.А. Югославия: от «братства и единства» к войне и распаду // Очаги тревоги в Восточной Европе. М., 1994; Bilandzic D. et al. Croatia between war and independence. Zagreb, 1991; Tomac Z. The Struggle for the Croatian State. Zagreb, 1993; Malcolm N. Bosnia: A Short History. London: Papermac, 1994; Kandel P. Huntington's «Clash of Civilisations», Russia and the Balkans // Balkan Forum. Vol.4. No. 1(14). March 1996.

нального самоопределения на данном историческом этапе их социального и этнического развития.

Эти принципиально разные по своей сути явления, к сожалению, часто рассматривают либо как единое явление, либо как с фатальной неизбежностью сменяющие одна другую стадии или формы одного процесса. Но их необходимо четко различать: данный кризис не вел неминуемо к распаду, а принципиальная историческая неизбежность распада не означала историческую неизбежность военного пути обретения национального самоопределения. Возможность избежать войны после распада единого государства существовала. Хотя это вовсе не значит, что эта война не имела причин, коренящихся в далеком и не очень далеком прошлом, не была обусловлена исторически.

В данный исторический момент произошло столкновение двух основных процессов: изменения форм собственности, неизбежного перехода к новой экономической — рыночной — системе (сопровожаемый переделом собственности) с национальным самоопределением. Поскольку ни в СФРЮ, ни в отдельных республиках, превратившихся в независимые государства, не сложилось развитое полиэтничное гражданское общество, передел собственности происходит по этническому признаку, когда этническая общность, а не личность является субъектом государственного, имущественного и прочих видов права.

При полном крахе прежней интернационалистской идеологии, при отсутствии гражданского общества, социальной маргинализации и распаде государства понятие «национальность» отождествляется в массовом сознании с нацией и государством. Понятие имущественного права и социальных гарантий связывается лишь с принадлежностью индивида к этнической общности, которая якобы и может обеспечить эти гарантии, будучи субъектом всех видов права. Но вместо примата права гражданина, индивидуума по-прежнему провозглашается примат права коллективов, общностей — на этот раз этнических. В таких условиях неизбежно и возникновение конфликтов (при отсутствии традиций согласования интересов в политической культуре) и криминализация. В этом смысле война на Балканах одновременно война гражданская, война из-за отсутствия гражданского общества и война, шедшая в процессе его становления.

В этих условиях идет поиск новых форм национального самоопределения каждого югославянского народа. Распад прежних государств не был и не мог быть результатом вмешательства извне — он был обусловлен исторически. Было неизбежным и столкновение интересов и целей национальных движений, принявшее характер конфликта панэтнических и пангосударственных идеологий народов в процессе национального самоопределения. И этот процесс не окончен сегодня и не завтра закончится. Это — перманентный процесс, играющий ключевую роль в развитии европейской цивилизации.

Идея политического самоопределения в сознании каждой этнической общности возникает на этапе, совпадающем исторически с переходом от средневековья к новому времени. Она является отражением процесса самоопределения этнических общностей, начавшегося в конце XVIII века. В этот момент этническая общность становится субъектом политических отношений, внутригосударственного и международного права. Национальное само-

определение (политический лозунг, правовой принцип, стадия в этнополитическом развитии, психологическая самоидентификация) является отражением в сознании синтеза его этнического и политического видов.

Если под понятием «самоопределение» мыслить только политико-правовой акт создания национального независимого государства, то сотрется грань между самоопределением и сепаратизмом. Поэтому национальное самоопределение необходимо рассматривать не только как единовременный политико-правовой акт, но и как имеющий длительную историческую протяженность этнополитический и психологический процесс, находящий свое выражение в политических лозунгах, правовом принципе и психологической самоидентификации и имеющий у разных народов Европы хронологические, национальные и региональные отличия.

Создается впечатление, что самоопределение — некое неизменное, раз и навсегда данное этнической общности право, некий неизменный принцип. Но остается неясным, почему именно этническая общность стала обладать навечной привилегией быть субъектом государственного права. Не доказано, «выгоднее» ли моноэтническое государство, чем полиэтничное с точки зрения экономики, лучше ли оно функционирует, почему для становления рынка при переходе от распределительной к рыночной экономике в современных условиях используются националистические лозунги XIX века при необходимости интеграции в мировую экономику, почему используются старые методы протекционизма и государственного регулирования, а экономическая система увязывается с особенностями этнической и социальной общности.

Вслед за К.Каутским В.Ленин, использовавший, судя по текстам, известное сочинение Сталина и Бухарина, полагал, что образование национальных государств в наибольшей степени отвечает требованиям капитализма и выступает конечной целью всякого национального движения, потому что петрские в национальном отношении государства якобы являются «всегда государствами, внутреннее сложение которых по тем или иным причинам осталось ненормальным или недоразвитым (отсталым)»¹. Полиэтничность населения государства связывается с регрессом, а моноэтничность — с прогрессом, определяемым исключительно экономическим развитием. При этом автор явно имеет в виду не западноевропейскую нацию-государство, а государство-национальность. При такой трактовке полиэтничные и многонациональные государства обречены на распад. А распад, революция — это генеральная идея Ленина и его последователей. Именно поэтому он многократно утверждал, что под самоопределением нации «разумеется государственное отделение от чуженациональных коллективов, разумеется образование самостоятельного национального государства», что именно таким образом это понимается во всей истории международной демократии, особенно с половины XIX века.

Подобная трактовка является обоснованием не демократии, хотя на словах самоопределение отождествляется с демократией, а обоснованием такого этнического национализма в его наиболее агрессивной форме, с

¹ Ленин В.И. О праве наций на самоопределение // Полн. собр. соч. Т.25. С.257–264; Сталин И.В. Марксизм и национальный вопрос // Сочинения. Т.2. М., 1946. С.290–332.

добавлением «социальной» демагогии. Национальность отождествляется с нацией и территорией — вот где корень родства большевизма и национализма, что стало очевидно в 20-е годы, когда сталинское руководство использовало русский национализм и российский империализм для укрепления своей власти, прикрываясь лозунгами «интернационализма» для ассимиляции и борьбы с «сепаратизмом и национализмом», препятствуя реальному самоопределению народов бывшей Российской империи¹.

Самоопределение вовсе не сводится только к факту провозглашения независимости и созданию национального государства, охватывающего территорию компактного проживания этнической общности, составляющей в ней большинство населения. Понятие политического самоопределения объемнее государственного самоопределения. Оно включает в себя не только отделение этнотерриториальной общности от многонационального государства и создание органов государственной и судебной власти, представительных учреждений, но и создание общественных движений, политических партий, национальных движений, электората, формирование сознания. Требование отдельной этнической общностью политического самоопределения далеко не всегда выступает в многонациональном и полиэтничном государстве в роли дезинтегрирующего фактора.

В отечественной науке долгое время было принято полагать, исходя из ленинского понимания национального вопроса, обусловленного лишь целью революционного разрушения существовавших государств, что в таких государствах этнообразующие процессы совпадают по направленности с политическими центробежными тенденциями и даже составляют их основу, а межэтнические интеграционные процессы стимулируют и цементируют, соответственно, центростремительные тенденции. При этом отождествлялись интеграция, этнический унитаризм и государственный централизм, с одной стороны, и партикуляризм, сепаратизм, изоляционизм, автаркия, децентрализация — с другой. Как и самоуправление и автономия. Между тем это совершенно разные по своей природе и сути явления.

Но исторический парадокс состоит в том, и это наглядно показал опыт развития Австро-Венгрии и, в начале 90-х годов XX века, СССР и Югославии, что на определенном этапе или в определенных исторических ситуациях в развитии многонационального государства, в особенности имперского типа, централистская политика вкупе с социальным консерватизмом начинает противоречить интеграционным тенденциям в экономике и межэтническим отношениям, ведет не к сохранению единства государства, а к его развалу, к этнообразующим, разрушительным, на первый взгляд, тенденциям, опирающимся на последовательный демократизм, наоборот, объективно могли создать основу для сохранения единого государства, превращения его из многонационального в полиэтничное при формировании соответствующей экономической базы, гражданского общества, преобразовании его политической системы и национально-государственного устройства.

¹ См.: Романенко С.А. Судьба Югославии в современном сознании россиян // Общественные науки и современность. 1996. № 6.

Национальное самоопределение и «славянская идея»

Славизму, когда он становится государственной идеологией, по формальной логике противостоят «национализм и сепаратизм». В результате процесса самоопределения славянских народов лишь загоняется внутрь и деформируется, что в наши дни и дало о себе знать в таких варварских и агрессивных формах.

Как политическая и правовая концепция «славизм» исчерпал свой относительно прогрессивный потенциал, который был ему присущ в XIX—начале XX века, когда он совпадал с процессом национального самоопределения. Выдохся и патриотический заряд, который вдохновлял людей во время второй мировой войны и лишь частично основывался на «славянской идее», ожившей вновь как противовес пангерманизму и расизму. Впрочем, уже тогда «славизм» стал составной частью сталинской великодержавной политики. Став инструментом государственной политики, «славянская идея» должна была неизбежно совпасть с политической идеей «государствообразующей» нации-национальности, что стало одной из причин кризиса всех «славянских» этнотерриториальных федераций. Это привело к росту великодержавных настроений, с одной стороны, и национальной нетерпимости — с другой. «Славянская идея» в ее политико-правовой форме давала и дает превосходную этнопсихологическую основу политике централизма, унитаризма, денационализации, сохранения больших и малых империй.

Создание полиэтничного государства с этнически родственным составом населения не решает проблем национального самоопределения само по себе, так не делают этого ни полиэтничные империи, ни моноэтнические тоталитарные государства. Наоборот, оно создает на этом пути дополнительные препятствия, создает иллюзию «братства» и равноправия. Полиэтническая, как и моноэтническая, общность не может выступать субъектом государственного права. Груз славянской идеи, в частности югославизма, не выдержали ни централистские авторитарные монархии, ни коммунистические этнотерриториальные федерации. А закономерности этнополитического развития многонациональных и полиэтничных государств с этнически родственным составом населения ничем не отличаются от развития таких государств, в состав которых входят этнически неродственные народы.

Процесс национального, в том числе и политического, самоопределения народов Восточной, Средней и Юго-Восточной Европы продолжается. Каждый народ ищет свои формы самоопределения, что заставляет пересмотреть унаследованные от XIX и начала XX веков представления об этом явлении. Опыт полиэтничных государств, в основу которых был положен принцип этнической близости населявших их народов, предостерегает нас от абсолютизации и принципов национально-политического самоопределения (распознаваемых как одновременный политико-правовой акт) и панидеологий.

Славизм в целом, так же, как и его региональные и национальные варианты, не смог стать долговременной конфликтопримиряющей силой, а превратился в силу конфликтогенную, противоречащую по направленности в данных исторических условиях и процессу национального самоопределения, и процессу становления демократической политической системы.

В нынешней ситуации «славянская идея» не принесет смягчения межэтнических и межгосударственных конфликтов. Наоборот, только усилит их.

Во-первых, внутри полиэтнических государств она только рассорит между собой населяющие их народы — что мы видим и на примере бывшего СССР, и на примере бывшей Югославии. Недаром «славянская идея» пользуется наибольшей популярностью в национально-радикальных кругах, делающих ставку на насилие, которое неизбежно вызовет адекватный и однотипный ответ в виде взрыва национального экстремизма других славянских, да и неславянских народов. Во-вторых, пропаганда «славянской идеи», как и любой другой пан-идеологической концепции, может резко обострить отношения между славянскими и неславянскими народами. В-третьих, попытка возродить «славянскую идею» во внешней политике вызовет отрицательные последствия в отношениях с другими славянскими народами и государствами. Необходимо также учитывать и существование совершенно различных трактовок «славянской идеи» национальными движениями разных славянских народов в зависимости от их принадлежности к разным историко-географическим регионам и группам славянства — восточной, западной или южной. Неславянские государства Европы и Азии увидят в этом попытку возродить прежнюю внешнеполитическую экспансию. Строить же экономические отношения на основе этнической общности не более разумно и экономически обоснованно, чем на принципах «близости общественного строя». Подобная попытка уже была предпринята в начале XX века в рамках движения неославистов, но окончилась безрезультатно¹. В-четвертых, апелляция к «славянской идее» может вызвать неблагоприятную реакцию в других европейских странах, повлечь за собой отошедшие было в прошлое собственные панидеологические концепции.

«Славянская идея» не годится ни для восстановления внешнеполитического влияния России, ни для решения ее внутренних проблем. «Славянская идея» с ее коллективистским подосознанием противоречит решению стоящих перед нами задач создания развитого гражданского полиэтнического общества, основанного на принципах подлинного равноправия и свободы личности. От возрождения «славянской идеи» в любой форме проиграют сами славянские народы, а больше всего — сами его инициаторы.

Можно сослаться хотя бы на опыт С.Милошевича, возбуждавшего национальные чувства у сербов в Хорватии и Боснии и получившего сильного соперника на своем общенациональном пространстве в лице Р.Караджича. Их личное соперничество развернулось именно вокруг проблемы самоопределения бывшей государствообразующей в распавшемся государстве нации — национальности. Это должно послужить предостережением руководителям России. Возможны соперники не только в России, ими могут стать и лидеры среди русских, ставших национальными меньшинствами в странах СНГ и приобретших некую — пусть и ложную с формально-правовой точки зрения,

но реальную — политическую легитимность и значимость не только в СНГ, но и на «общеславянском пространстве». При этом они будут выражать отнюдь не интересы России, а свои личные устремления и интересы представляемых ими государств или общностей.

Над нами витает призрак Югославии. СССР и СФРЮ изжили себя исторически. Это осознается всеми народами распавшейся СФРЮ и их лидерами. Поэтому сейчас никто даже не ставит вопроса о возможности воссоздания Югославии в границах 1990 года.

Но в России опять появились планы реинтеграции на панэтнической почве трех славянских народов и государств. Даже если это на какое-то время удастся, это путь к войне между ними, рано или поздно. Ведь не случайно и Украина, и Белоруссия уже второй раз отделяются от России. Еще раз история может не предоставить возможности мирного отделения. В случае воссоединения Россия и русские неизбежно опять будут играть роль «старшего славянского брата» со всеми вытекающими и уже хорошо известными последствиями. Кроме того, зададим себе вопрос: в состоянии наша собственная страна взять на себя груз государства с распределительной, затратной экономикой? «Величие» государства опять приведет к нищете населения. В этом едином государстве будет расти межэтническая напряженность между славянскими народами.

Сейчас наблюдается парадоксальная картина: в процессе модернизации и в какой-то степени для ее обоснования возрождаются по сути или используются по форме этноплеменное и конфессиональное сознание, свойственное средневековью. В момент, когда необходимо сотрудничество с другими государствами и народами, возрождается именно конфронтационный, конфликтный тип сознания, который служит обоснованием реинтеграционных процессов. При этом часто происходит совершенно неоправданное отождествление племени и этноса с цивилизационной, конфессиональной и политической общностями, что прямо ведет к требованию совпадения государственных границ с этноцивилизационными, что, в свою очередь, рассматривается как обретение «справедливости».

На деле же это приведет к нескончаемым войнам и конфликтам. «Справедливые границы» в истории человечества никогда не существовали. Поэтому единственным выходом при распаде полиэтнических и многонациональных славянских государств является превращение внутригосударственных границ в межгосударственные, признание их в международном праве и недопущение попыток пересмотра таких границ в соответствии с принципом совпадения этнических границ с государственными. Не говоря уже о том, что у авторов подобных планов чисто логически не сходятся концы с концами: с одной стороны, они рассматривают все славянское население распавшегося государства как одну этническую и политическую общность, с другой стороны, требуют расширения государственных границ своей узкой национальности в ущерб «братьям» и «соплеменникам».

Ответ на вопрос: является ли это возрождение следствием реформ или следствием их приостановки и существует ли прямая связь между экономическим и этнополитическим сознанием — требует отдельного рассмотрения. Интересен он и в стадийном плане: являются ли конфликты в распавшихся

¹ См., напр.: Ненашева З.С. Идеино-политическая борьба в Чехии и Словакии в начале XX в. Чехи, словаки и неославизм, 1898–1914. М., 1984; Дьяков В.А., Фрейдзон В.И. Основные этапы развития и идеология в общественно-политической мысли славянских народов в XIX в. // Советское славяноведение. 1984. № 2.

СССР и СФРЮ стадией в развитии процесса самоопределения ее народов, которую уже пережили народы Западной Европы или же переживаемыми особым национальный (или региональный) конфликтный путь национального самоопределения?

Конечно, преувеличение роли этнических общностей и рассмотрение права самоопределения исключительно как права этнических общностей, а не сообщества граждан, несет опасность для государств. Это мы видели на примере и коммунистического (Сербия), и антикоммунистического (Хорватия) этнического национализма. Но столь же опасен с точки зрения возникновения межэтнических и межгосударственных конфликтов и этнический негативизм, распространившийся в некоторых научных и политических кругах как России, так и западных стран. Этнические процессы носят объективный характер, и их необходимо учитывать при принятии не только внутренних и внешнеполитических решений. Ведь этнические процессы уже на разрывали изнутри государства и ломали с таким трудом выстроенную систему межгосударственных отношений.

С этой точки зрения опасны и расширение НАТО, и объединение России и Белоруссии как ответ на это расширение. Что касается последнего, то ставка на союз на этноплеменной и конфессиональной основе невозможна исторически, поскольку входит в противоречие с процессом национального самоопределения как русских, так и белорусов. Более того, союз на такой основе двух отстающих в социальном и экономическом отношении государств против союза развитых национальных государств не имеет никаких перспектив и обречен на поражение и распад.

Расширение НАТО, союз с нынешним руководством Сербии и боснийских сербов, объединение с Белоруссией и этнотерриториальные претензии к Украине, угрозы в адрес государств Средней Европы, в том числе и славянских, — это поражение России, не только ее региональной (в Средней и Юго-Восточной Европе), но и «славянской» политики. Это ведет к ее полной изоляции, к тому, что наши ближайшие соседи, связанные с Россией многочисленными, в том числе и этнокультурными нитями, непременным элементом «демократического сознания» еще долго будут воспринимать антирусские и антироссийские настроения и концепции. Для России это шаг к превращению Средней Европы в Западную, а Восточной — в Среднюю.

Вместо реалистического и прагматичного использования своих действительно немалых реальных возможностей — политика, основанная на мифах, иллюзиях, миражах. Расширение НАТО — это поражение России не в Вашингтоне и Брюсселе, а в Варшаве, Праге, Софии, Загребе, Сараево, Белграде, Будапеште и Бухаресте. К этому перечню можно добавить и Киев, и Минск. До тех пор, пока российская политическая и интеллектуальная элита не преодолеет высокомерно-пренебрежительного отношения к этим странам и народам, пока не будет преодолен «западоцентризм», политика России в славянских странах Юго-Восточной и Средней Европы обречена на поражение.

Но даже если удастся на некоторое время повернуть историю вспять, этот союз будет разрушен объективными процессами национального самоопределения, победить которые не удавалось никому. Не говоря уже о том, что вместо решения насущной задачи формирования в России гражданского

общества, нам вновь предлагают вернуться к этническому сознанию. Создание такого союза неизбежно приведет к обострению отношений и между русскими и белорусами (поскольку приведет к утрате этнической и политической индивидуальности), и между славянским и неславянским населением, которое будет чувствовать свое неполноправие, заложенное в самой идее «славянского государства».

Планы реинтеграции являются отражением несформированности и болезненности нашего исторического и этнического сознания, трудностей в процессе национального самоопределения и формирования общероссийского гражданского сознания. В самом деле, вместо интенсивного развития нам предлагают экстенсивное, вместо частной собственности на землю — присоединение территории, вместо Крыма и Чечни — Белоруссию.

Разговоры о «славянском братстве» означают на деле отрицание этнической и государственной индивидуальности славянских народов, а о «православном единстве» — отрицание существенных различий между церквями и, тем самым, конфессиональной индивидуальности.

Славянские союзы были формой политического существования или мечтой во времена несформировавшихся наций и государств. А нынешние разговоры об этом оскорбительны для каждого славянского народа, они унижают его национальное достоинство и противоречат логике исторического развития.

Процесс самоопределения славянских народов ничем не отличается от процессов самоопределения остальных европейских народов. Многонациональное и полиэтническое государство с этнически родственными национальным составом развивается по тем же законам, что и с этнически чуждым. Иное дело, что в определенных исторических условиях этническая близость может стать дополнительным стабилизирующим государством фактором, а в других — усилить центробежные тенденции.

Ответ на вопрос: возможно ли в Восточной, Центральной и Юго-Восточной Европе образование полиэтнического гражданского общества и демократических государств, поскольку моноэтническое (как и социально однородное) государство по определению не может быть демократическим? — пока не найден.

Ответы на вопросы

Б.Цилевич. Насколько я понял, в вашем докладе прозвучал тезис, что рост националистических движений или, скажем помягче, повышение роли этничности в общественной жизни не обязательно должно привести к распаду полиэтнического государства, а наоборот, может как бы послужить преобразованием его из этнически ориентированного в мультикультурное. Правильно ли я вас понял? Если да, то есть ли какие-то прецеденты и в каких формах это может произойти?

С.Романенко. Вы поняли меня правильно, но это не обязательно должен быть этнический экстремизм. Если это совпадает по направленности с демократизацией общества, то это, наоборот, по-моему, укрепляет его. Такая возможность была в Югославии, может быть, даже (тут я сужу просто не как специалист, а как современник) была и в Советском Союзе. В Югославии она совершенно точно была. Она не реализовалась в силу совершенно других причин. Равно как и не обязательно обретение независимости долж-

но было выливаться в военный конфликт. Долгий разговор. Так уже сложилось.

А.Тавризов. Я бы хотел чуть-чуть углубить предыдущий вопрос. Все-таки во всей Европе только Югославия стала страной, где вспыхнула страшная война всех против всех. Я как-то пару лет назад прочел одну из книг Вука Драшковича и понял, что это, видимо, страна с мифологизированным сознанием, если можно так сказать. То есть есть миф о панславизме, миф о панправославии, если угодно. Это уродливое слово, но я не знаю, как другое подобрать.

Я понимаю, что немножко повторяю предыдущий вопрос, но все-таки лично для меня непонятно, почему именно в Югославии получилось так. Ведь действительно, во все коммунистические годы для нас Югославия была страной послабления. Она не воспринималась как часть коммунистической системы, она воспринималась как одно большое послабление, и именно там реализовался этот кошмарный вариант «все против всех». Почему?

С.Романенко. Я хочу сказать, что мы и сейчас не знаем Югославию, и не знали раньше и не хотели знать. К Югославии или иной стране Средней и Юго-Восточной Европы относились и относятся с пренебрежением. Это одна из проблем нашего сознания. Пока мы не научимся с уважением относиться к нашим непосредственным соседям, нам ни на какие внешнеполитические успехи рассчитывать не приходится.

У сербов очень мифологизировано сознание это одна из характерных их черт. Может, даже более мифологизированное, чем у русских. Кроме того, у сербов так исторически сложилось, что действительно этническая принадлежность отождествляется с принадлежностью религиозной, то есть с принадлежностью к православию. И они, кстати, этим очень гордятся.

Югославия распалась уже второй раз в XX веке. Первый раз она распалась в 1941 году, после поражения от войск оккупантов, там тоже началась война всех против всех. У нас обычно об этом не говорят, говорят, что возникшее тогда независимое государство Хорватия Ante Павелича было фашистским, но ведь были фашисты и в Сербии, были фашисты и среди боснийских мусульман, воевавшие на Восточном фронте, равно, как и там и там были люди, которые сопротивлялись фашизму и воевали среди партизан Тито. Это была война «всех против всех», и мирное население не знало, кого бояться. Придут коммунисты — убьют, реквизируют, мобилизуют, придут четники сербские — то же самое, придут усташи — то же самое. Немцы не мобилизуют, но убьют и ограбят. В сознании всех этих народов живы воспоминания о событиях второй мировой войны.

Дискуссия: Самоопределение, национализм, этнические конфликты

А.Осипов. Мне хотелось еще раз обратить внимания на те моменты выступления Светланы Аккиевой, которые для нас очень важны и которые, как мне кажется, были недостаточно ясно выделены и подчеркнуты.

Ситуация в Кабардино-Балкарии, особенно не нынешняя, а та, какой она была в 1991–1994 годах, — это хороший пример того, как создаются тутики и создаются именно при помощи идеи групповых прав и идеи самоопределения.

Еще раз — последовательность событий. В 1990 и 1991 годах работают две комиссии Верховного Совета Кабардино-Балкарской АССР по проблемам реабилитации балкарского народа. Таковых проблем много, и они очень разные: здесь и то, что люди не получили компенсаций за свое утраченное имущество, и то, что многие не смогли по экономическим причинам вернуться в родные места, и то, что изменилась сетка административного деления и балкарцы стали меньшинством почти во всех районах, и то, что территории традиционного проживания балкарцев экономически слабо развиты. Отдельного разговора требует психологический фактор — травмы людей, которые перенесли депортацию.

Можно, конечно, говорить об одной большой проблеме народа — в данном случае балкарского — и заставлять общество проглотить ее, так сказать, одним куском. А можно разбить ее на множество маленьких пилюль (подслащенных, естественно) и скормить частями. Разумеется, нашлось много желающих идти по первому пути.

Комиссии Верховного Совета работали с участием балкарской интеллигенции, но ничего конкретного сделано не было. Надо сразу сказать, что множество проблем было изначально создано руководством Кабардино-Балкарии и кабардинскими политиками, не отличающимися особой толерантностью к балкарцам и не желавшими идти на уступки. 16 ноября 1991 года состоялось заседание Верховного Совета республики, и на нем обсуждался вопрос о работе последней комиссии. Работа была подвергнута критике, и прозвучало несколько очень резких выступлений против балкарского движения и балкарцев в целом. Шла прямая трансляция этого заседания на всю республику, а как раз в это время собирался Съезд балкарского народа. И тут же, на следующий день, в ответ, под давлением эмоций Съезд принимает решение о выходе балкарских территорий из КБ ССР и провозглашении Республики Балкария. Спустя месяц, в декабре, силами балкарского движения, а точнее, Съезда и его исполнительного органа — Национального Совета, был проведен референдум среди балкарского населения. Около 80% избирателей-балкарцев высказались за самостоятельную РБ.

Что это означало на деле? Предполагалось, по сути, Кабардино-Балкарию поделить пополам и, что особенно занятно, распилить пополам же город Нальчик. Граница, как ее представляло балкарское движение, должна была пройти как раз по улице Советской, посреди города. Такие перекройки, если выражаться дипломатично, сопряжены с большими трудностями (особенно учитывая смешанное расселение). Но это балкарское движение в тот момент не смущало.

Еще один занятный эпизод. Лидеры движения нашли одного умельца, довольно известного специалиста по конституционному праву, профессора Московского юридического института. Он провел юридическую экспертизу и написал в заключении примерно следующее: этническая группа, а не что-то другое — это субъект права на самоопределение, референдум проведен в соответствии со всеми международными юридическими нормами и

народ «самоопределился». Этот текст опубликовали в газете «Тёре» («Балкарский форум»¹), и балкарские лидеры потом радостно им потрясали. Вскоре собрался Съезд кабардинского народа, сформировал исполнительные органы кабардинского движения и принял решение о создании Кабардинской республики. Создалась ситуация не критическая, но чреватая разными коллизиями. Казалось, появились все условия для очень жесткой конфронтации. Представления двух движений о том, как должно проходить деление, решительно не совпадали. И тут надо отдать должное Валерию Кокову (вскоре ставшему президентом КБР) и вообще партии власти, которые сумели провести контрманипуляцию.

Произошла неожиданная вещь. Власти и кабардинское движение раньше чуть ли не плевались, когда слышали о балкарских требованиях. И вдруг Верховный Совет республики одобряет решения двух съездов: «Да, будем делить республику! Давайте создадим комиссию, которая определит, как это все делать». Созвали трехстороннюю комиссию из представителей официальной власти, балкарского и кабардинского движений. Комиссия долго заседала, до ноября 1992 года, и почти все заседания были посвящены спорам о том, где проводить границу между республиками. У кабардинской стороны были свои аргументы — ссылались на какие-то архивные изыскания, на этнографические данные, свои аргументы были и у балкарцев. Они заседали, заседали, заседали — и ни к чему не пришли. И парламент Кабардино-Балкарии уже в июле 1994 года отменил свое решение о поддержке деления республики и постановил, что работа комиссии зашла в тупик и республика не делится, что надо это дело замять, запретить все разговоры о разделе КБР и подтвердить ее единство и неделимость. Казалось, на этом история могла бы и закончиться, но...

Дело в том, что обе этнические партии размахивали лозунгом права народов на самоопределение. Лидеры балкарского движения говорили о том, что, ну вот, народ высказался, мы имеем императивный мандат, мы должны выполнять решение о Балкарской Республике и отступать нам некуда. «Умеренные» деятели Национального Совета, которые были согласны пойти на какие-то уступки, подвергались нападкам со стороны радикалов: «Они предатели, преступники, засланные то ли КГБ, то ли ЦК компартии, чтобы развалить национальное движение!» И умеренным приходилось волей или неволей говорить: «Да, мы с решением народа согласны, но своя республика — это не завтрашняя цель, а задача на долгие десятилетия». Тем самым были заблокированы возможности или, как минимум, созданы достаточно серьезные препятствия для решения многих текущих проблем. Потому что все меры, которые могли бы снять напряженность, воспринимались властью и кабардинским движением как шаги в сторону раздела республики. А все частные решения, предложенные властью, подвергались жесткой критике со стороны балкарских радикалов (надо сказать, отчасти справедливо) как маневры, призванные дезориентировать их движение. А ведь можно было в какой-то мере менять административно-территориальное

деление, избирательные процедуры, можно было проводить изменения в структурах органов власти и т.д. Но кабардинские организации вставали на дыбы и говорили, что это не пройдет, потому что это первый шаг к тому, чтобы поделить республику, а балкарское движение говорило о том же самом — «да, мы все эти меры используем для того, чтобы добиться своего».

Власть не дремала и переманила на свою сторону почти всю балкарскую номенклатуру и «статусную» интеллигенцию. Надо упомянуть, конечно, и про ошибки балкарского движения, которое не сумело работать со своим населением, не создало низовых структур, про дрязги внутри Национального Совета и прочее в таком же духе. В НСБН пришел отставной заместитель командующего Группы российских войск в Закавказье генерал-лейтенант Суфиян Беппаев, который взял в руки всю власть в Совете и вытеснил оттуда всех своих оппонентов. Все это привело к ослаблению балкарского движения. Власть сумела эти обстоятельства использовать и закрепить свою победу тем, что провела второй референдум в 1994 году среди балкарского населения, каковое высказалось за единство КБР столь же единодушно, даже более единодушно, чем в 1991 году за ее раздел.

Последняя попытка провозгласить Республику Балкария и создать органы власти была предпринята в ноябре 1996 года Съездом балкарского народа, но весь пар опять ушел в гудок. Власти тут же провели третью контрманипуляцию — собрали съезд балкарских депутатов всех уровней, и этот съезд осудил решение Национального Совета. Против некоторых особо активных участников Съезда балкарского народа возбудили уголовные дела¹. Генерал Беппаев еще до третьих петухов публично от всего отсекся. Я, к сожалению, не знаю деталей последних событий, но ситуация как будто стабилизировалась благодаря ловкости президента Кокова и его администрации.

Это полезный пример. Хороший пример, во-первых, того, как с помощью логики этих групповых прав происходит буквально навязывание конфронтации. Во-вторых, встает законный вопрос: а где же тут воля народа? Кто ее олицетворяет: Национальный Совет, балкарская номенклатура в органах власти, съезд депутатов всех уровней или еще кто-то? Когда народ выразил свою «истинную волю» — в 1991, 1994 или 1996 году? Есть такое эфемерное понятие, которым можно легко манипулировать, что мы и наблюдали.

С.Червонная. Мне хотелось бы в этой аудитории обратить внимание на то, что происходит сегодня в Балкарии, а именно на массовые нарушения прав человека в Кабардино-Балкарии после 1-го Съезда балкарского народа, проведенного 17 ноября 1996 года. Светлана Аккиева говорила об этом глухо, хотя она, по-моему, отлично знает то, что знаю я. После 17 ноября дом в Нальчике, где размещались балкарские общественные организации, был подвергнут разгрому, проведенному органами внутренних дел Кабардино-Балкарии по прямому указанию Президента республики. Офисы данных общественных организаций, включая и Национальный Совет балкарского

¹ Балкарский форум. 1992. Март. № 15.

¹ Уголовные дела по ст.79 старого УК РСФСР («организация массовых беспорядков») были возбуждены против двадцати участников съезда и прекращены Прокуратурой КБР весной 1997 г. в связи с изменением обстановки. — *Сост.*

народа, и различные молодежные и ветеранские организации балкарцев, были опечатаны, документы изъяты, многие активисты доставлены в отделения милиции для допросов. На лиц, избранных I-м Съездом балкарского народа в Государственный Совет, заведены уголовные дела, им предъявлены обвинения в антиконституционных действиях, в то время как съезд был проведен на законных основаниях и легально, а решения, принятые этим съездом, связанные с восстановлением Балкарской автономии в составе Российской Федерации, соответствуют и праву народов на самоопределение, и закону Российской Федерации о реабилитации репрессированных народов и никак не противоречат ни российской Конституции, ни устоям российской государственности, поскольку Балкария даже не ставит вопрос о ее выходе из Российской Федерации и никаких сепаратистских, сепаратистских тенденций в балкарском национальном движении нет. Балкарцы не хотят оставаться бесправным меньшинством в составе Кабардино-Балкарской республики, свою волю в этом отношении они четко и однозначно выразили на референдуме, проведенном еще в 1991 году, и насилие над этой волей, которое сегодня совершается под прикрытием демагогической завесы, включая разного рода заявления «раскаявшихся» активистов и продиктованные администрацией резолюции собраний, проведенных под контролем силовых и президентских структур, представляется мне грубым попранием и ущемлением права балкарского народа на самоопределение.

Ликвидация нежелательных для правящей администрации последствий I-го Съезда балкарского народа проводилась в Кабардино-Балкарии с прямым нарушением прав человека. Мы располагаем, например, информацией об избиении восьмидесятидвухлетней учительницы при операции по очистке здания, в котором размещались балкарские общественные центры, о незаконном обыске в доме депутата Эльбрусского районного совета Расула Джеппуева (обыск этот был произведен в его отсутствие, без санкции совета, депутатом которого он является) и других подобных фактах.

Меньше всего я хотела бы идеализировать деятельность Национального Совета балкарского народа под руководством генерала Бешпаева, но такого рода советы и их предводители приходят и уходят, а балкарские проблемы в Кабардино-Балкарии остаются. И недостаток школ с обучением на балкарском языке, и ограниченные возможности представительства балкарского народа в органах исполнительной власти, и многие другие социальные и политические проблемы — все это сплетается в тугую узел нарастающей межэтнической напряженности. Развязать этот узел можно очень просто, восстановив самостоятельную Балкарскую автономию, которая уже существовала до депортации балкарского народа. Такое решение соответствует воле балкарского народа, но противоречит интересам правящей администрации.

Не следует при этом преувеличивать сложность территориального размежевания районов с компактным проживанием балкарского и кабардинского населения. Этой мнимой сложностью, якобы неразделимостью территорий манипулируют и запугивают общественность те, кто не желает приложить усилий к разрешению балкарского вопроса. Любая компетентная комиссия на основе серьезного анализа нынешней демографической, этнографической ситуации и исторических данных могла бы дать конструктивные

рекомендации, которые при доброй воле и понимании интересов балкарского народа не так уж сложно было бы реализовать при проведении административных границ между Кабардой и Балкарией. Сам балкарский народ хорошо знает, где начинается его земля, и не претендует ни на какие территории, не относящиеся к исторически сложившейся и уже существовавшей как административная единица до депортации балкарского народа Балкарии. И существование Балкарской республики, Балкарской автономии (разумеется, не моноэтничной, но столь же самостоятельной, как Адыгея, Кабарда, Осетия или Ингушетия) на современном Северном Кавказе, в общих границах Российской Федерации вполне реально и правомерно. И если решению этого вопроса помешать сегодня, он все равно будет возникать вновь и вновь.

Балкарцы — это меньшинство, искусственно созданное меньшинство на своей исторической родине, и мы не можем говорить о создавшемся в Кабардино-Балкарии положении, не думая о необходимости защиты прав национального меньшинства.

С.Аккиева. У меня небольшая реплика. Я очень уважаю Светлану Михайловну и очень признательна ей за все предложения. Но я всегда руководствуюсь одним принципом — «не навреди». В той республике, где я живу, слово ученого, человека, который имеет доступ к информации и образованию, очень много значит. Лозунги Национального Совета балкарского народа и лозунги Кабардинского национального движения много для меня значат, но если завтра эти два народа пойдут один против другого из-за неумной политики не важно какого национального движения, то, мне кажется, возникнут гораздо более серьезные проблемы, чем нынешние трудности отдельного национального движения — кабардинского или балкарского.

Я никогда не забываю, что являюсь представителем балкарского народа, который перенес достаточно много страданий во время депортации. Я ничего этого лично не знаю, я выросла на своей земле, в Кабардино-Балкарии, я не видела всех тех унижений, которые пришлось увидеть моим малолетним родителям. Моей матери было четыре года, а отцу было десять лет, когда их высылали... Но я всегда помню, что любое неверное слово — мое или чужое — может привести к непоправимому. Что же касается права народа на самоопределение или прав человека... Опять же это моя личная точка зрения. А стоят ли эти права человеческих жизней, за них заплаченных? Стоила ли борьба абхазского, чеченского или любого другого народа тех страданий, которые пришлось перенести?

А.Даниэль. Один-единственный «злостный выпад» против Светланы Михайловны. Вы сказали, что народ обычно знает, кому принадлежит определенная территория... Да, народ обычно знает, кому принадлежит некоторая территория, иногда бывает, что два народа знают, кому принадлежит некоторая территория. Иногда эти знания не совпадают, а что из этого получается, всем нам хорошо известно.

С.Романенко. Я хочу сделать несколько замечаний как человек, который занимается в последнее время Югославией. Как я уже говорил, у нас сложилось довольно странное восприятие этого конфликта. Российское общественное мнение, в том числе и сугубо демократическое, находится на

стороне сербов, то есть отдает предпочтение одной стороне, что противоречит, на мой взгляд, вообще самой идее какого-то посредничества и справедливости. Надо очень четко понимать, что в этом конфликте нет «хороших» и «плохих» парней, как говорят американцы, а есть, к сожалению, только преступники и жертвы, причем на каждой стороне.

В той же Боснии все три народа являются коренными, проживают там издревле. И ведь боснийские мусульмане — это славяне, предки которых приняли ислам. Они являются славянами по этническому происхождению и европейцами по многим своим чертам, поэтому позиция: «Защитите славян от мусульман» — она просто смешна. Но надо сказать, что такой же позиции часто придерживается и европейское сообщество, которое рассматривает образование Боснии и Герцеговины как попытку создания мусульманского государства в Европе. Я думаю, что как раз тем самым оно отталкивает руководство Сараево, в котором, конечно, отнюдь не ангелы, от Европы и толкает его в руки действительно наиболее радикальных исламских режимов.

Очень важный момент — несмотря на то, что, казалось бы, хорваты, сербы и боснийские мусульмане принадлежат к трем разным конфессиям, на мой взгляд, война 1991–1995 годов не носила абсолютно никакого религиозного характера. А был этнический и социальный конфликт.

Так называемая Республика Сербская Краина в основном была создана на территории военной границы, но это образование до распада Австро-Венгрии было не этническим хорватским или сербским государственным образованием, а военно-территориальным в рамках Австрийской империи, а затем Австро-Венгрии. И никакого отношения к хорватской и сербской государственности оно не имеет, поэтому исторического обоснования создания этой республики просто не существует.

На мой взгляд, этническая общность не может быть субъектом государственного права и собственником территории, как часто она рассматривается хорватским и сербским политическим сознанием и политической идеологией. Но дело в том, что речь идет о региональной особенности этнического самосознания в Средней и Юго-Восточной Европе, и эта особенность состоит в том, что национальность, или этнос, они всегда отождествляли с нацией, а нация была для них заимствованным понятием из западноевропейского «народ». Эта традиция сохранилась и сейчас. Если мы посмотрим конституции и Союзной Республики Югославии, и Сербии, и Хорватии, то несмотря на то, что многие положения прописаны там в соответствии с, как они сами говорят, высшими стандартами международного права, чувствуется, что полный приоритет отдается этнической общности в ущерб правам индивидуума, правам человека.

Б.Цилевич. Я хотел бы выделить два момента в докладе Сергея Романенко о Югославии. Мне кажется, что тут есть тезис, относительно которого я уже задавал вопросы, что этнонационалистические тенденции могут привести к каким-то позитивным изменениям, если они совпадают с демократическим направлением.

Мне кажется, это очень распространенное заблуждение, очень опасное заблуждение. Речь идет о том, что представляется принципиальным, о раз-

ных системах ценностей. То есть этнонационалистические тенденции никогда не могут совпадать с демократической ориентацией, потому что это совершенно другое направление, совершенно другая базовая система ценностей. То есть, по большому счету, или демократия, или национализм.

Наверное, нужно говорить об определениях. Я говорю об определении национализма в геллнеровском смысле¹: границы этнические должны совпадать с государственными, со всеми вытекающими последствиями. Я не верю в этот положительный, либеральный, демократичный национализм. Для этого есть другие термины. Все это можно свести к индивидуальным правам. Если речь действительно идет о некоторых культурных потребностях и возможностях для их удовлетворения, то для этого не нужна ни националистическая фразеология, ни так называемое этническое предпринимательство, ни национальное движение, в конце концов, потому что национальное движение — это понятие более широкое, чем, например, культурная общность. И задачи другие, и формы другие, и цели другие.

То, что я называю нашим общим мифом и довольно опасным мифом, — это именно это деление: на хороший национализм и плохой национализм. Эта граница исчезает мгновенно: на самом деле и то и другое — это одно и то же. Понимаете, я в некотором смысле прошел этот путь изнутри. Мне никогда не были близки националистические идеи, но с 1988 по 1990 год я был активным членом Народного фронта Латвии, и, в общем, было совершенно понятно с самого начала, что само понятие «национал-демократичное движение» по сути своей противоречиво. В Народном фронте, как и в большинстве национальных движений того времени, присутствовал как националистический, так и демократический компонент.

Я не знаю ни одного примера, когда какое-либо из так называемых национал-демократических движений того периода в итоге трансформировалось в общедемократическое движение, — все они в итоге ушли в чисто националистические движения, в большей или меньше степени радикальные.

А.Осипов. Мне хочется возразить Борису Цилевичу. В идеальной модели оно, конечно, так: идеи прав и свобод личности плохо совместимы с идеей надперсональной «нации», признание «прав» которой будет означать отрицание или умаление прав индивида, особенно если под «нацией» понимается этническая группа. Но дело в том, что либерально-демократический идеал и реальная, историческая демократия — несколько разные вещи. Концепт демократии и концепт национализма исторически связаны друг с другом. И там, и там массовка выступает как критерий истины.

Исторически и либерализм не противостоит национализму, более того, берусь утверждать, что национализм — оборотная сторона либеральных идей. Либералы очень сильно доверяют человеку вообще. Если человек вообще есть свободная и ответственная личность, то, собравшись вместе, эти личности якобы могут вести себя как одна большая ответственная личность.

¹ Имеется в виду определение национализма, предложенное британским социальным антропологом и философом Эрнстом Геллнером (1925–1995); см.: Gellner E. Nations and Nationalism. Oxford: Oxford University Press, 1983; Геллнер Э. Нации и национализм. М.: Прогресс, 1991.

Здесь по меньшей мере три ошибки: не всякий человек есть свободная и ответственная личность, не всякая личность способна на ответственные политические решения, коллективное действие не сводится к сумме индивидуальных действий. Гражданская ответственность не дана от природы, она становится реальностью только в определенном культурном контексте и в стабильных государственных рамках. Вера в человеческий разум — хорошая вещь, но как нравственный ориентир, а не руководство к практическим действиям. После Таджикистана, Боснии и Руанды все разговоры про «свободолюбивые народы» стали просто неприличными.

В либерализме сильна дезинтегрирующая составляющая — идея прав и свобод личности, а интегрирующая составляющая слаба, и ее место заполняют разные формы национализма — идея нации, «супериндивида» со своими «правами», то есть самый примитивный коллективизм. Это сочетание очень наглядно продемонстрировал еще Руссо. Тем хуже для либерализма. В практическом плане связь либерализма и национализма даже в настоящее время очень четко прослеживаются, например, в таком широко распространенном (не только в России) феномене, как «демшиза». Именно либералы охотно поддерживают идеи групповых прав и «позитивной дискриминации», либералы выступают в защиту разных «освободительных движений» «малых народов», не особенно задумываясь, что за всем этим стоит. Расхожее представление о либералах как о «беспочвенных», оторванных от жизни идеалистах, радеющих только об индивидуальных правах и пренебрегающих «национальными чувствами», является в значительной степени мифом. Сложилась парадоксальная ситуация: тех, кто готов последовательно, действительно с либеральных позиций и без двоемыслия противостоять национализму, буквально единицы, а желающих по критиковать либерализм за игнорирование «этнического фактора» и людей, призывающих к уступкам национализму, — толпы.

Э.Зейналов. Здесь столько цитировали классиков марксизма, и я решил вспомнить еще одного — Плеханова, его знаменитую фразу о том, что «не надо было браться за оружие». Логика конфликта заключается в том, что все начинается с маленького ручейка крови. Этот маленький ручеек крови по чьему-то далеко не меткому высказыванию взращивает дерево свободы. Предполагается, что нужно обязательно проливать кровь на «алтарь свободы».

Здесь упоминался Карабах. Я не хочу говорить о том, какие потери понесла азербайджанская сторона, а остановлюсь на том, что дал радикальный подход армянам. Только из Карабаха бежали 54 тысяч армян, еще 350 тысяч из Баку, Гянджи, других районов вне Карабаха. Из-за блокады, из-за войны от 400 до 700 тысяч армян бежали из самой Армении. В общей сложности это составляет около миллиона человек. То есть в восемь раз больше, чем жило армян в Карабахе.

Вот результат такого эгоистического подхода к идее самоопределения, когда страдает на порядок больше своих же людей, и серьезно страдает, даже несмотря на то, что в Карабахе армяне победили. Результат минусовый — разоренное хозяйство когда-то цветущего края. Мне кажется, постановка вопроса, что надо хвататься за оружие, если у тебя не хватает, допустим, учебника, или надпись идет на двух языках, а не на трех, глубоко пагубна.

М.Кораллов. Не хочу и не могу оставаться безучастным. Я считал себя не вправе выступать на этой конференции, потому что занимался проблемой самоопределения наций очень давно, когда погрузился в эстетику и критику начала века, европейскую и русскую. В социал-демократическую, в том числе ортодоксально-большевистскую, ревизионистскую, реформистскую и т.д. И занимался я ею до тех пор, пока, как мне показалось, не уяснил себе проблему. Она проявлялась по мере изучения общей концепции того или другого политика, теоретика. Если, допустим, Роза Люксембург выступала против самоопределения наций применительно к Польше, потому что глубоко верила: грядет всемирная революция, необходимо объединение сил, изоляция польского пролетариата пользы не принесет («Красная Роза» считала, что нельзя разбивать ряды); если, допустим, большевики, начиная с Ленина, были за самоопределение, — то оттого, что видели перед собой четкую цель, сознавали свою практическую задачу. Они упразднили губернии, на которых сегодня настаивает Жириновский, они создали республики, потому что большевикам понадобилась поддержка национальных сил разрушенной империи. А когда новая империя была уже сколочена, причем не столько по ленинскому, сколько по сталинскому проекту, хорошо известно, какая участь постигла эти национальные силы. Присутствующие хорошо знают, к примеру, судьбу Скрыпника на Украине, Мдивани в Грузии и других деятелей, посмеявшихся мечтать о независимости, проявивших малейшую строптивость. И даже не проявивших намека на строптивость, но, на взгляд Сталина, способных на нее намекнуть.

Я совершенно уверен, что все те проблемы, которые мы обсуждаем здесь и за которые яростно сражается XX век, были отмечены и весьма проницательно разработаны на рубеже XIX—XX столетий. На мой взгляд, политологии предвоенной и предреволюционной эпохи Европы — прежде всего Германии и России — было бы справедливо рассматривать сегодня как своего рода «лабораторию идей», которые вскоре пошли в серийное производство, в массы, разумеется, переживая при этом метаморфозы, неизбежно связанные с промышленной эксплуатацией.

Доказывать сейчас эту гипотезу нет ни времени, ни желания и, полагаю, необходимости. Каждому, кто находится в аудитории, со школы известны имена Станиславского, Мейерхольда, Скрыбина, Стравинского, Репина, Серова, Врубеля, Кандинского, Рейнгардта, словом, история театра, изобразительного искусства, музыки, литературы. Едва ли случайно переворот в науке, открытия в физике, в частности теория относительности Эйнштейна, падают на тот же период, когда вырабатывалась социальная программа начавшегося столетия.

Оттого, честно говоря, я несколько скептически отношусь к выступлениям ораторов, которые пытаются на нашей встрече предложить в качестве новаторских те откровения, о которых шли споры век назад. И наоборот, с большим интересом слушал я тех, кто осмысливает опыт наших дней. Мы ведь добрались до конца века. И какого века! Мы собрались в столице, в Москве, когда переживает жесточайший кризис атомно-водородная, выступавшая под флагом социализма держава, чья власть еще недавно распро-

странялась от Дальнего Востока до Европы и чье влияние сказывалось на всех континентах.

Гласность предоставила нам возможность заново и куда точнее, чем прежде, оценивать факторы и взвешивать факты, объясняющие наглядную мощь и скрытые пороки, кровавую трагедию и постыдный фарс, без которых не обходится история России. Мы в состоянии широко обсуждать здесь тенденции, которые не только в бывшей Стране советов, но и на всем пространстве Земли ведут к жесточайшему обострению национального вопроса и, следовательно, к необходимости по-новому ставить, если, к сожалению, не решать, проблему самоопределения.

По-моему, историческая справка, подготовленная просветительской группой по правам человека и скромно озаглавленная «материалы к семинару», дает очень содержательную, очень насыщенную картину упорных поисков умозрительного решения многострадальной проблемы, продолжавшихся со времен Французской революции 1789 года. В брошюре я впервые познакомился с превосходно подобранным букетом извлечений из хартий и деклараций, пактов и резолюций, накопленных человечеством за два века. В букете поистине «сто цветов» — цветов из Версаля, Сингапура и Эритреи, Югославии и Намибии...

Наивно думать, что, увлекаясь абстракциями и состязаясь в эрудиции, мы за два дня сумеем высидеть здесь какие-то свеженькие и небывало точные принципы, какие-то формулы, навсегда исчерпывающие тему. Дело не в формулах. Перед нами реальный живой процесс, которого никто не наблюдал никогда. Процесс уникальный. Потому что никогда не было советской империи, не было атомно-водородной содержавы. Никогда не было такого раскола тоталитарного государства. Никогда не было такого соотношения национальных сил и лагерей, такого расклада религиозных сообществ.

Мне казалось, что главная задача нашей встречи заключается именно в искусстве конкретного социального анализа. И если мы, правозащитники — я в данном случае говорю от имени объединения эзков, поскольку в Правозащитный центр не вхожу, — если мы, правозащитники «Мемориала», всерьез озабочены делом, то наша гражданская задача заключается именно в том, чтобы отточить мастерство этого анализа. В том, чтобы не делать ошибок ни в горячих точках, ни в прохладных. А слушая докладчиков, я не раз ощущал, что за схоластикой терялась, уходила в песок, на мой взгляд, основная задача. Подчеркиваю: задача конкретного социального анализа восьми десятков «горячих точек» и опаснейших очагов, которые, по мнению специалистов, взрывоопасны.

Я понимаю, что мой призыв несколько запоздал. Я говорю под занавес. Разумеется, тактичнее завершить свою реплику благодарностью, а не упреком. Искренне благодарен за то, что мне дали повод, меня заставили вновь размышлять над опытом XX века. Чрезвычайно сложным опытом, потому что на наших глазах справедливость мгновенно превращается в несправедливость, черное — в белое, агрессоры превращаются в тех, кого необходимо защищать. Вроде бы хорошо, что рухнул тоталитарный режим и пришла свобода. Но люди увидели изнанку свободы, ахнули, узнав цену, которую приходится за нее платить. Сегодня сколько угодно впадших в отчаяние и

забывчивых, готовых вернуться назад. Для них права человека — это вчерашние права. Золотой век для них всегда позади.

Перед нами и всей страной стоят задачи огромной трудности. Для их решения необходим конкретный социальный анализ.

А.Осипов. Из поля нашего рассмотрения выпал один очень важный сюжет. Мы в основном говорим про вооруженные конфликты и про деятельность экстремистских движений. Сепаратизм не обязательно достигается путем вооруженного насилия. Сепаратисты могут использовать две стратегии. Одна — откровенно революционная: разрыв с существующим режимом и утверждение своей власти явочным порядком. Другая — «ползучее решение», или движение к цели *step by step*. Известный пример — так называемый «балтийский путь к независимости». Движение начинает действовать в рамках существующих законов и пользуется имеющимися демократическими институтами. Происходит эскалация требований, достигнутое используется как плацдарм для дальнейшего продвижения, на каждом новом рубеже ставятся новые задачи, а в один прекрасный момент правительство теряет контроль над ситуацией и возможности мирными и законными средствами воспрепятствовать дезинтеграции. Подрывное движение оказывается в заведомо выигрышной позиции: оно меняет правила игры на ходу и удерживает инициативу. Не секрет, что Ясир Арафат заключает соглашения с израильским правительством о палестинской автономии и в то же время, выступая перед своими сторонниками, заявляет, что это все тактические уловки, а главная цель — уничтожить Израиль — остается неизменной.

Я знаю людей, которые считают, что главное — чтобы в конфликтных ситуациях обошлось без насилия, а там хоть трава не расти. Полагаю, все не так просто, и не стоит кричать «ура», если какое-то движение использует «ползучее решение», а не берется за оружие. Отсутствие прямого физического насилия — это хорошо, но это еще не все. Во-первых, невооруженный конфликт всегда может стать вооруженным, поскольку в обоих случаях сохраняется одна и та же логика. Во-вторых, успех любого националистического движения действует поощряюще на другие подобные группировки, совсем не обязательно мирные, и деморализующе на международные организации. В-третьих, мирные движения располагают достаточно большим набором средств, позволяющих ограничивать права и социальные возможности оппонентов. У меня не вызывает восторга поощрение «мягких этнических чисток».

В-четвертых, и это главное, «ползучее решение» в сочетании с лозунгом «права на самоопределение» — очень опасное сочетание. Опасное в том смысле, что оно уничтожает, а не создает почву для компромисса, как иногда думают. Когда говорят, что такое-то движение борется за самоопределение, то тем самым заранее назначают победителя: одна партия добивается осуществления некоего, чуть ли не естественного права, а другая злобно пытается этому воспрепятствовать. Лозунг «самоопределения» для той стороны, которая его использует, — это моральная и псевдоюридическая санкция на то, чтобы менять в одностороннем порядке, на ходу правила игры. Договорились, допустим, о территориальной автономии как о компромиссе, а потом одна сторона скажет: «Мы передумали, мы теперь хотим

полной независимости, на всё договоры нам плевать, потому что свой статус мы определяем сами, свободно и без вмешательства извне», — и с формальной точки зрения будет совершенно права. Во многих случаях и во многих странах можно было бы провести глубокие реформы, если бы правительства не приходилось считаться с такой возможностью: умеренное движение радикализуется, перерастает в сепаратистское и получает поддержку своим требованиям извне. Это нависает как кошмар над любым государством, имеющим компактно проживающие меньшинства. Разумеется, все действуют по принципу: «Не буди лихо, пока оно тихо».

Б.Цилевич. Светлана Михайловна сказала, что решающую роль в восстановлении независимости Литвы сыграло то, что литовцы этого хотели. Увы, я участвовал в этом процессе. Литовцы всегда этого хотели, так же, как и латыши всегда этого хотели, и некоторые за это пытались бороться, но незначительное меньшинство. Решающую роль в этом процессе все-таки сыграли те факторы, о которых говорил Эльдар Зейналов, то есть договоренность внешних актеров. Это сильные мира сего приняли решение, что балтийские государства должны стать независимыми. И Горбачев это признал после визита в Литву и внутренне с этим смирился. И все, что произошло потом, — это были уже какие-то флуктуации. Грубо говоря, мы вышли на улицы и на баррикады тогда, когда узнали, что нам за это ничего не будет. Это немножко цинично, но по большому счету это действительно так. Были люди более посвященные в это, а я был молодым, наивным и глупым. Я не знал, будет мне что-то или нет, но считал, что морально я должен быть там.

Теперь, я думаю, что многие мемориальцы, возможно, подобные эмоции испытывают в связи с другими событиями, не будем уточнять, какими. Понимаете, здесь очень важно не легитимировать эти потенциально очень опасные мифы и не снижать уровень требований. Мне очень понравилось, что сказал Александр Даниэль относительно сильного и слабого. То есть важно не пропустить тот момент, когда слабый становится сильным, и сразу начать требовать с него в том объеме, в котором позволяют требовать его сегодняшний статус и сила. Потому что это дитя, пока вырастет, может очень много дров наломать, и исправить это будет потом очень трудно.

С.Червонная. Здесь прозвучало одно очень интересное выступление, которое почему-то не получило отклика. Я имею в виду то, что сказал Марат Михайлович Кораллов и что лежит в русле нашей общей дискуссии.

Мы касались многих вопросов, и каждый из участников дискуссии предлагал свое решение и высказывал свою точку зрения. Вряд ли мы могли прийти к единому знаменателю. Существует право наций на самоопределение или нет, эффективно оно или нет, принцип это или право, с большой или маленькой буквы — все остается сомнительным и спорным. Но одно совершенно очевидно: за этим разговором, за этим правом стоит вопрос о том, выгодно (сui prodest)? Исторический и юридический вопрос.

Если в начале века ответ на него люди находили исходя из своих политических целей, то, наверное, так же это обстоит и сейчас. И это есть та самая конкретность, которая необходима в ходе исторического и политического анализа. В отвлеченном, чисто теоретическом плане на вопро-

сы, связанные с правом народов на самоопределение, может быть дан и положительный, и отрицательный ответ, и трудно сказать, какая из логических конструкций окажется более убедительной и прочной. Но мне кажется, что при решении этих вопросов мы должны прежде всего исходить из тех конкретных исторических условий, в которых произошел развал СССР и в которых оказалась современная Россия. И если встать на эту конкретную почву, сразу прояснится, кто и за что, собственно, ратует. Те, кому выгодно сохранение режима, сохранение того, что я упорно и убежденно называю империей, естественно, будут против права народов на самоопределение, и в соответствии с собственными политическими целями и позициями они будут искать все возможные юридические аргументы и исторические аналогии, чтобы показать ущербность этого «права», его несостоятельность, фиктивность и тому подобное. А все дело в том, что им невыгоден и даже крайне опасен такой сценарий ближайшего будущего российской государственности, по которому народы России, вслед за чеченским народом, вспомнят о своем праве на самоопределение. Для этих людей право наций на самоопределение, как красная тряпка для быка, это нож острый, это развал той государственной системы, которой они служат и которая их кормит, это конец их благополучия, это опаснейший принцип «домино», призванный разрушить федеративное устройство России, от которой одна за другой отпадут входящие в ее состав республики и автономии. Они заинтересованы в государственном «status quo» или даже в предшествующем созданию Чеченской республики Ичкерия «status quo ante», и в соответствии с этой установкой, с этой политической выгодой будут подбираться все аргументы и выдаваться социальные заказы теоретикам и научным институтам, обслуживающим правящий клан.

Для тех же, кто считает, что не было в истории нашего Отечества ничего страшнее и ужаснее (и для русских, и для других народов, оказавшихся в орбите российской экспансии), чем этот монстр — многонациональная империя от моря до моря, от Кенигсберга до Курильских островов, чем этот режим насилия и угнетения, — для таких партий, политических сил, граждан «право наций на самоопределение» — это важнейший инструмент разрушения прежней имперской системы, определявшей устройство не только царской России, но и Советского Союза, а в какой-то мере — и современной Российской Федерации. Поэтому каждый выбирает для себя то, во что верит, чему служит. Те, кому нужно сохранение режима, который ведет войну против своих же народов, разумеется, скажут, что право наций на самоопределение опасно, неразумно, что нам от него нужно отказаться. Они найдут или придумают тысячи признаков и доказательств его несовершенства, потому что оно им не выгодно. А тем, кому страшно продолжение данной истории, тем нужно этим правом воспользоваться, потому что оно им выгодно.

Может быть, это несколько цинично звучит, но вот такой прагматический вывод я сделала.

А.Черкасов. Сейчас был снова задан основной вопрос философии. Но как говорят, не так страшен национальный вопрос, как ответ на него. Что может быть страшнее того, советского государства? Его крушение. Нам уже показали это на примере Югославии. А у нас опять режут империю по

границам губерний, военных округов, чего угодно, называют это самостоятельными государствами. Полковники становятся лидерами, президентами. И опять все по новой, к новой интеграции, к новым войнам. И опять к новому развалу. Как говаривал товарищ Сталин, отвечая на вопрос, какой из двух уклонов хуже, — да оба хуже. Мы же не говорим, что лучше: это государство, в котором угнетались народы, или развал этого государства, где народы режут друг друга по мере сил. Времена не выбирают.

Время говорить о праве народов на самоопределение было, когда было это государство. Сейчас мы видим нечто другое, и сейчас болит другое. Вот некий несинхрон в этом вопросе — мода и несинхрон. Что хуже? Хуже то, что есть. С другой стороны, «армянское радио» спросили, когда же будет лучше? «Армянское радио» ответило: «Лучше уже было». Поэтому я призываю вас, господа, дай Бог, чтобы мы оставались в рамках дискуссии о праве, дискуссии о международном праве, дискуссии о правах личности, не перемещаясь в область права вооруженного конфликта, ибо там основное право — это право солдата на убийство. Давайте строить в дальнейшем то ли законы, то ли что-то еще так, чтобы это право не нужно было реализовывать.

А.КУХИАНИДЗЕ

Национальные меньшинства Восточной и Южной Грузии

Двусмысленное толкование «права наций на самоопределение» не везде привело на Кавказе к продолжительным кровавым столкновениям. Вооруженных конфликтов удалось избежать в восточных и южных районах Грузии.

Есть несколько регионов Грузии с компактным проживанием азербайджанского и армянского меньшинств. Согласно переписи населения 1989 года, азербайджанцев в Грузии 307 556 (5,7% всего населения). Они расселяются в основном в восточных районах страны: Марнеульском, Гардабанском, Болнисском, Дманисском — в регионе Квемо Картли, граничащем с Азербайджаном. Армян, по той же переписи, насчитывается 437 211 (8,1%), и в основном они проживают в южных районах страны в регионе Месхет-Джавахети, преимущественно в Джавахетской его части, главными населенными пунктами которой являются Ахалкалаки (крупнейший населенный пункт Джавахети) и Ниноцминда (бывшая Богдановка) и которая имеет общую границу с Арменией. Кроме этого, армяне составляют значительный процент населения Абхазии (14,6%). В 1989 году в Тбилиси с населением в 1 246 936 человек проживало 824 412 (66,1%) грузин, 150 138 (12,0%) армян и 17 986 (1,4%) азербайджанцев¹. Азербайджанцы Квемо Картли и армяне Джавахети не владеют грузинским языком. Тбилисские азербайджанцы и армяне, имея свои школы и театры, вместе с тем хорошо говорят и пишут по-грузински.

¹ Заря Востока. 1990. 10 марта.

Несмотря на осторожную политику Грузии в отношении армянского и азербайджанского меньшинств, в 1989 году были грузино-азербайджанские столкновения, связанные с требованиями азербайджанцев Марнеульского, Болнисского и Дманисского районов о создании так называемой Борчалинской автономии, которые натолкнулись на сопротивление большинства этнических грузин. С одной стороны, в то время грузинское общественное мнение считало, что автономные образования советского образца не выражали интересов и не защищали права национальных меньшинств. Эти федеральные образования рассматривались как мины замедленного действия, расставленные Кремлем и готовые по команде оттуда взорваться в нужный момент, а сами национальные меньшинства этих автономий — как своего рода заложники для выполнения функций «пятой колонны». Поэтому создание новых автономных единиц воспринималось грузинским населением как открытие пути для новых сепаратистских движений. С другой стороны, в конце 1980-х годов национальные меньшинства в условиях быстрого роста национализма и взаимного недоверия среди всех этнических групп не просто старались использовать «автономистские» требования для того, чтобы гарантировать свои права во вновь образующихся государствах, а пытались оказаться вне этих государств — или с родственными (обычно соседствующими) нациями, или же в составе России. Тень сепаратизма всегда сопровождала «автономистские» требования. Иными словами, в условиях наступавшего разброда при переходе от советского к постсоветскому этапу и недостатка демократичности с обеих сторон страсти относительно автономных республик и областей были страстями по перераспределению территорий. Можно предположить, что по мере приближения этого перераспределения к завершению и по мере того, как Россия будет ослаблять поддержку сепаратистских движений, проблема прав национальных меньшинств будет приближаться к своему нормальному состоянию и приобретать более «цивилизованные» формы разрешения (включая возможность федерализма).

С самого начала «автономистские» устремления азербайджанского меньшинства в Грузии не получили какой-либо поддержки из Баку, так как Азербайджан с 1988 года был втянут в войну в Нагорном Карабахе и также выступал против федеральных институтов на своей территории. В то же время распад Советского Союза и образование новых международных границ между Грузией и Азербайджаном показали, что сепаратизм для азербайджанского меньшинства в Грузии был бы связан с серьезными практическими трудностями. Марнеульский и другие азербайджанские районы Грузии производят главным образом сельскохозяйственную продукцию для продажи в близлежащей столице — Тбилиси. Новая граница между этими районами и грузинской столицей имела бы негативные последствия для их торговли. Экономическая интегрированность этих районов в экономику Грузии является одной из причин отсутствия здесь сепаратистских тенденций.

На части территории Азербайджана, которая до большевистского вторжения в 1921 году принадлежала Грузии (Закатала), компактно проживает грузинское население. Поэтому обе эти республики имеют примерно равную заинтересованность в защите прав своих национальных меньшинств.

Хотя отношения между Грузией и Арменией оказались более сложными и напряженными, чем отношения между Грузией и Азербайджаном, они ни разу не переходили в форму открытого конфликта. Ввиду соответствующих геополитических позиций и в вопросе о праве наций на самоопределение Грузия более близка к Азербайджану, чем к Армении. Столкнувшись с абхазским и осетинским сепаратизмом, Грузия с опаской и осторожностью поглядывала на свои южные районы с армянским населением, российскими войсками и общей границей с Арменией.

Полное нарушение государственного порядка в Грузии в 1992–1993 годах привело к усилению центробежных тенденций в ее армянских районах. В отличие от Марнеульского района, где азербайджанцы составляют более чем две трети населения и где всегда осуществлялась юрисдикция центральных властей, Ахалкалакский район, в котором армянское население составляет 91,3%¹, сопротивлялся власти Тбилиси. Историки из Грузии и Армении уже спорили по поводу исторической принадлежности Джавахети (или по-армянски Джавахк). Такая полемика могла, как это уже произошло в случае с дебатами историков по поводу исторических границ и происхождения Карабаха, Абхазии, Южной Осетии, привести к открытому политическому и даже военному конфликту². Трудно было предсказать, привели бы или нет «потенциальные требования» в случае с Ахалкалакским районом к «латентным требованиям», а затем к «открытым публичным требованиям»³.

После обретения Грузией независимости этот населенный армянами район находился практически вне юрисдикции ее центральных властей. В период правления Звиада Гамсахурдиа он отказался принять префекта, назначенного туда центральными властями, а при Эдуарде Шеварднадзе местные руководители выразили категорическое недоверие его уполномоченному в Месхет-Джавахетском регионе. Тяжелая криминальная, экономическая и политическая обстановка в Джавахетском регионе в 1992–1994 годах и грабежи на дорогах способствовали его изоляции от остальной страны. Грузинские власти, опасаясь получить еще один Карабах или Абхазию, не осмеливались приступить к разоружению действующих здесь незаконных вооруженных формирований.

К началу 1995 года, вместе с общей консолидацией центральной власти, положение дел в Джавахети начало стабилизироваться. «Если несколько лет назад, — писала армянская газета «Республика Армения» 14 июля 1995 года, цитируя слова члена парламента С.Алексаняна, представлявшего Ахалкалакский район в Парламенте Грузии в 1992–1995 годах, — и существовала напряженность, вызванная общей ситуацией в республике, были опасения, что пожар конфликтов может разгореться и у нас, то сегодня все спокойно. Мы не делаем никакого различия между армянами и грузинами, джавахетцами и тбилисцами. Главное, что все являются гражданами Грузии»⁴. Правда,

¹ Эри. 1991. 10 апр. (На груз. яз.).

² Там же.

³ Петров Н. Что такое полиэтнизм? : Территориально-этнические притязания и конфликты на территории бывшего СССР // Политические исследования. 1993. № 6. С.9–10.

⁴ Республика Армения. 1995. 14 июля.

это мнение не звучало в унисон с попытками более радикальных сил региона завести дискуссию о его статусе, воспользовавшись обсуждением в 1995 году новой Конституции Грузии. Федерализм тогда рассматривался в качестве возможного решения проблемы Абхазии и Южной Осетии. Некоторые политические силы предлагали федеральное устройство также и для других регионов Грузии. Летом 1995 года Координационный совет социально-политических организаций и движений Джавахети обратился к Главе государства и Парламенту Республики Грузия с просьбой наделить их регион «конституционным правом политического самоуправления в составе единой Федеративной Республики Грузия». Совет утверждал, что эта просьба получила поддержку всего армянского населения региона¹.

Заявление это было проигнорировано центральными властями, а местная администрация поставила под вопрос утверждение Совета о том, что его просьба основывается на полном консенсусе населения. Заявление это не повлекло за собой дальнейших политических осложнений, однако нетрудно представить его возможные последствия в условиях, когда грузинское население, перенесшее тяготы войны в Абхазии, весьма болезненно воспринимает перспективу получения еще одной автономной республики с последующей реализацией ею «права нации на самоопределение» по примеру Нагорного Карабаха. Центральные грузинские власти отказались обсуждать федеральный статус региона, однако после приобретения опыта в Абхазии понимают, что не могут предпринимать резких действий в регионе с многочисленным национальным меньшинством, если желают избежать обвинений в подавлении этого национального меньшинства и эскалации политического конфликта в открытые этнические столкновения.

Центральные власти Армении также не заинтересованы в открытой поддержке сепаратизма в Джавахети, так как это может привести к новому конфликту с соседней Грузией и полной блокаде наземных коммуникаций с Россией — ее главным патроном. Кроме того, это могло бы поставить в очень трудное положение сотни тысяч армян, проживающих в Грузии. Весной 1996 года ереванский суд запретил на три месяца выход ежедневной армянской газеты «Драгир» за публикацию в нескольких номерах статьи, призывающей к аннексии Арменией регионов южной Грузии, населенных в основном армянами².

В течение всего периода войны в Нагорном Карабахе Грузия смогла сохранить полный нейтралитет и не допустить столкновений между армянским и азербайджанским населением на своей собственной территории. Однако правительство Грузии не смогло быть посредником в урегулировании армяно-азербайджанского конфликта, хотя на неофициальном уровне на территории Грузии часто проводятся встречи представителей трех закавказских республик. Это может рассматриваться как позитивная сторона будущей роли Грузии в качестве стабилизирующей державы в Закавказье.

¹ Свободная Грузия. 1995. 1 авг.

² OMRI Daily Digest. No 63. Part I. 1996. 28 March.

Самоопределение элит

Я начну с темы, которую мы здесь немножко затрагивали, — о взаимовлиянии того, что происходит с самоопределением и его, скажем так, легальным или, точнее, квазилегальным оформлением, и того, что связано напрямую с элитами. Я, к несчастью, не могу согласиться со Светланой Михайловной, что элиты сами по себе, а народы сами по себе, поскольку на самом деле прав Александр Сергеевич Пушкин, утверждавший, что народы можно резать или стричь, а самостоятельная активность их, не оформленная и тем самым не монополизированная элитами, настолько разрознена, что с ней справляется любой сколь угодно бездарный политический режим.

Значит, необходимым условием является выявление интересов тех самых элит и все разговоры о самоопределении — суть разговоры о самоопределении элит и о мобилизации элитами самоопределенческой, этнической и т.д. терминологии. Ничего другого, к сожалению, во всем этом нет.

Признав этот факт, мы начинаем понимать еще две очень важные вещи:

1. Один раз отобилизовав общественное сознание, потому что без его поддержки элита естественным образом провалится, она окажется заложницей тех самых лозунгов, под которыми она его один раз отобилизовала. Отсюда идет эскалация националистической, сепаратистской, классовой, какой хотите риторики. Уже давным-давно, скажем так, возможные цели, которые могли быть каким-то образом оправданы, достигнуты, уже давным-давно эта элита пришла к власти, уже самой элите мешает, напрямую мешает эта самая риторика, но механизм запущен — остановить его уже нельзя.

Самое страшное наступает на следующем этапе, когда эта самая риторика оказывается отлита в правовые нормы. Будь то законы о гражданстве в Эстонии и Латвии (причем большая часть исполнительной элиты понимает, что эти законы чудовищно плохи, и изыскивает любые варианты, чтобы в порядке исключения, ни в коем случае, конечно, не отменив закон, потому что это потеря политического лица, за счет которого она и существует, его обойти), ничто не может снять новую, порожденную проблему, причем проблема порождается заведомо, потому что в этнически чистых государствах, за исключением радикального случая, когда вы походя осуществили полноценный геноцид и довели себя до этнически чистого состояния, не бывает.

Соответственно возникают меньшинства, которые у вас заведомо, радикально ущемлены, просто потому, что вы, самоопределяясь, ну, например, бедного колонизатора немножко решили «прижать». Я понимаю — откатная реакция и все что угодно. Но весь вопрос в том, что уже он оказался тем самым несчастным меньшинством, которому пора самоопределиться вплоть до отделения.

И логика эта раскручивается по спирали. Мы хорошо знаем, к чему эта логика приводит в Африке, где это превращается в бесконечные трайбалистские войны вроде бурундийской. И это первый аспект того, о чем я хотел бы сказать.

Когда мы говорим о праве на самоопределение, забывая, что на самом деле это не право народов, а право элит, узурпировавших и монополизировавших легитимацию символического насилия от имени этих народов, мы просто подменяем понятия.

2. Теперь следующий вопрос, который прямо с этим связан. Это вопрос о коллективных интересах и коллективных правах. Ясно, что мои индивидуальные интересы я никому узурпировать не дам. Ясно, что мой индивидуальный интерес я никому не дам манифестировать от своего имени, если кого-то на это напрямую не уполномочу. В тот момент, когда возникает риторика, представление о коллективных правах и коллективной идентичности, от имени которой кто-то должен ее манифестировать, автоматически появляется желающий и появляется возможность это дело узурпировать. И это второй аспект того же самого.

Я не буду останавливаться на том, что совершенно очевидно: идея, будто этнос может иметь какие-либо права как этнос, просто с юридической точки зрения выглядит безумной, потому что там невозможно определить субъект. Потому что определить этнос, по головам пересчитать, нельзя. Это вещь, связанная с самоидентификацией. Есть огромное число людей, имеющих множественную самоидентификацию. Я, например, могу числить себя за шестью этносами, по языку, культуре, самоидентификации и т.д., это зависит от положения. Предполагаю, что у коллеги Цилевича ситуация еще страшнее. Лучше? Но ты систематически живешь в трех культурах. К какому этносу принадлежит коллега Цилевич? Он с кем самоопределяется? С русскими, с латышами или с евреями? Или он самоопределяется с ними со всеми? Или он себя режет на три части, чтобы каждая из них самоопределялась с кем-то отдельно?

Дальше возникает очень сложный момент, связанный с идентичностью. Вообще, этничность — это вещь, которая обычно спит. И именно это мы хорошо видим на примере советского народа. До тех пор, пока был Советский Союз, советский народ был мифом. В тот момент, когда Советского Союза не стало, советский народ стал этническим идентификатором. Люди с советской культурой, с советским языком (потому что наш сегодняшний русский далек от языка Тургенева, считающегося нормой русского литературного языка) определяют себя как советские: у них родина Советский Союз, у них родственники советские люди и т.д. По всем параметрам это этническая общность. Причем такая «маленькая» этническая общность — миллионы на десять. По самой минимальной оценке.

Что, советский народ должен самоопределяться? Вперед! Он уже один раз попробовал это сделать. Больше, наверное, не стоит.

И, наконец, еще одно. Во-первых, я вынужден оспорить тезис, что мультикультуральное сообщество существовать не может. Прямой пример — Западная Украина, причем не просто Украина, а Закарпатье, где среднее число языков, на каком говорит человек, — 4,5. Румынский, украинский, венгерский, словацкий, русский. Это как бы в разных комбинациях, еще довольно часто с добавками немецкого или польского. На всех этих языках люди спокойно общаются, и, как правило, ребенок в семье владеет, как минимум, двумя языками. Это в семье, в младенчестве. Мама над колыбелью

поет на одном языке, а папа рассказывает сказку или порет (я прошу прощения, потому что культура порки это тоже, грубо говоря, культура раннего детства, этнически очень идентифицирующая) на другом.

Это говорит о том, что мультикультуральность — вещь, как бы сказать, столь же идеальная, как коммунизм (я боюсь, не совсем корректное сравнение). Тем более если приводить в пример национальные государства вроде Франции. Здесь возникают разные проблемы, связанные с тем, что случилось с бедными провансальцами и бедным провансальским языком. И не является ли такая форма этноцида, как та, которая осуществлялась во Франции, в том числе и геноцида, довольно страшной по меркам XX века? Это хорошо было делать в первой половине XIX века или в его середине.

Соответственно, идея национального государства — это абсолютная нивелировка и полное игнорирование любых меньшинств. Именно поэтому сегодня во Франции человек, относящийся не к сексуальному, а к культурному меньшинству, есть человек общественно опасный, и скандалы по этому поводу разгораются по всей Франции и дестабилизируют общественную жизнь на месяцы. Девочка, пришедшая в школу даже не в чадре, а в платке, вызывает сначала на уровне министерства запрет на ношение соответствующих головных уборов в школе, а потом общенациональную школьную забастовку и необходимость прибегать к помощи полиции. Все есть. Это общенациональное государство. Это государство, ориентированное на то, что есть одна территория, один язык, одна культура.

До тех пор, пока такой подход имеет право на легитимацию в риторике, мы обречены на то, что а) не будет никаких гарантий прав лиц, принадлежащих к меньшинству и б) будет систематическая узурпация элитами политического пространства и тем самым систематическое разрушение пространства демократии как самоуправления, а не как охлократического выбора.

Ответы на вопросы

Н.Калинкин. Как бы вы разделили право на самоопределение элит и право народов на самоопределение и разделили ли бы?

А.Кузьмин. Мне очень трудно мыслить категориями типа «народ». Я полностью понимаю, что нахожусь глубоко внутри гнусной европоцентричной парадигмы по поводу того, что первична личность, а не социальная общность. На самом деле я понимаю, что на Востоке меня не поймут, китайцы меня не поймут, но, мысля в европейской парадигме, я не понимаю, что такое народ. Народ — это совокупность личностей. Самоопределяется личность. Если у нее есть препятствия для личностного самоопределения, она имеет право, объединившись с другими личностями, но добровольно объединившись, никому ничего не делегируя и т.д., не объявляя себя народом, сказать, что вот мы, Иванов, Сидоров, Цилевич, Кузьмин, Новикова, Осипов, Черепова и т.д., вот мы объединились и мы говорим: это правительство гнусное, оно гнусное, потому что ущемляет такие-то наши права, и мы самоопределяемся, мы это правительство в рамках этой территории послали туда-то, а у себя правительство установили такое-то. Пожалуйста, это я понимаю. Но в ситуации, когда мне говорят: наш великий крымско-татарский, армянский, украинский, русский, финский, еще какой-нибудь народ,

будь то этнос, будь то население этой территории, хочет, мол, этого и поэтому и мы самоопределяемся, это бессубъектно, во-первых, и смертельно опасно, во-вторых. Потому что права личности обеспечены государством. При самоопределении «народа» это государство разрушается, и начинаются этнические чистки и войны, дискриминация, толпы беженцев. И я не вижу оснований поощрять этот беспредел даже в риторике. И граница для меня именно в наличии межсубъектной ассоциации — или в «народе» как бессубъектном объекте узурпации.

У меня есть внятное ощущение, что практика применения права на самоопределение есть систематическая практика порождения дополнительных механизмов дискриминации. Вот как бы самая жесткая формула. Я понимаю, что выступаю адвокатом дьявола, но лучше выступать адвокатом дьявола, чем, извините, адвокатом идиотства.

В.КУЧЕРИНЕНКО

О парадигме национального самоопределения

Здравомыслящие люди согласились с тем, что права человека превыше всего. Выше прав любой группы, коллектива, народа, нации. Между тем в двух известных, дополняющих Всеобщую декларацию прав человека, Международных пактах 1966–1976 годов, лежащих в основе современных представлений о демократии и цивилизации, первым пунктом первой статьи является утверждение, что все народы имеют право на самоопределение. При этом вряд ли кто-либо возразит, что большинством национальных лидеров понятие «самоопределение» реально воспринимается как выделение своего этноса в собственное отдельное национальное государство. Далее говорится, что все государства, присоединившиеся к пакту, обязаны поощрять осуществление этого права. Поэтому у каждого, кто знакомится с пактами, может сложиться мнение о самоопределении как о главном, первоочередном моральном принципе нашего времени. Понятно, все это было сформулировано в эпоху деколонизации, национально-освободительных войн. Но времена меняются. И в принятой позднее (в 1993 году) Венской декларации это право все-таки «сдвинуто» на одну ступень: первым по очередности и, соответственно, по значимости пунктом записаны права человека, а право народа на самоопределение — вторым. Но декларация пакты не отменяет, лишь дополняет, предоставляя любому вполне демократическую возможность выбора сообразно личному (или групповому) вкусу.

Не только международное законодательство, но и реальные события заставляют признать, что к концу XX века сложилась некая парадигма, в соответствии с которой, хотели того ее конструкторы или нет, каждый этнос фактически подталкивается к обособлению и созданию своего этнического государства. Можно пофантазировать и представить себе к середине грядущего века территорию Земли, нарезанную на мелкие кусочки всеми, кто того пожелает. Только вот мирное их сосуществование представляется с большим трудом. Очевидно, что самоопределение, реализованное подобным образом, в действительности не уменьшает, а увеличивает число этнических

меньшинств, еще более недовольных своей жизнью и соседями. Национальная нетерпимость не гаснет, а наоборот, разгорается.

Парадигма поддерживает, пусть явно это и не декларируя, такое окончательное сложившееся к 10–20-м годам нашего века понятие, как *исключительное право этноса на территорию*. Рассмотрим два аспекта этого «права». Разумеется, и это очень важно, что речь идет не о старых, сложившихся веками государствах, каждому из которых в свое время пришлось пройти к демократии через немыслимые ныне нарушения человеческих прав. Похоже, что лидеры многих новых государств готовы такой путь повторить. Так что же, мировое сообщество будет их в этом поддерживать?

Итак, в самом лучшем случае, в мирной спокойной ситуации отделяется новое государство, в котором декларируется так называемый титульный этнос, являющийся хозяином территории. Аргументы при этом приводятся в основном исторические. Остальные этносы, в соответствии с демократическими традициями, приравниваются в своих правах к титульному. Внешне все в полном порядке.

Но, господа! Сама постановка вопроса унижительна. В любом случае *субъектами* права остаются лишь представители титульного этноса, все остальные жители страны — лишь *объекты*, которым милостиво даруются права, в действительности принадлежащие каждому человеку от рождения. Какое уж тут равенство! Тем более, что практически ни в одном новом государстве эти дарованные права реально не соблюдаются: все хоть сколько-нибудь значимые государственные должности заняты в подавляющем большинстве представителями титульного этноса. Национальным неравенством, образно выражаясь, пропитан воздух, которым дышат жители нового государства. И это, повторюсь, в лучшем случае.

А в худшем — два исключительных права на территорию, две неоспоримо подтвержденные национальными историками «истины в последней инстанции» сталкиваются в межевом споре, в претензиях на владение округом, краем, областью, республикой... Моя здесь территория, я здесь коренной, а не ты. Конфронтация, война, кровь, смерть. Карабах, Абхазия, Босния, Южная Осетия, Пригородный район... И грядущие парады суверенитетов по всему земному шару.

Проблема эта в рамках существующей парадигмы неразрешима. Для того, чтобы найти способ ее решения, нужно, как говорят математики, перейти к другой системе координат, к другой парадигме. Ее ключевыми словами станут, наряду с правами человека, такие понятия, как полиэтничность, многонациональность, интеграция. Сущность новой парадигмы заключатся в сохранении и развитии национальных культур, языков, традиций и т.п. в полиэтничных, полинациональных государствах, сообществах, союзах государств. К этому, собственно, и должно сводиться произвольно трактуемое ныне понятие самоопределения народов.

Маастрихтские соглашения заложили основу будущей парадигмы. Правда, первые попытки ее реализации касаются опять-таки лишь старых государств Европы. Главное теперь — «завлечь» на этот путь новообразующиеся государства, определив главный нравственный стержень и главную задачу собственно государственных органов: создание приемлемых условий жизни для всех людей,

волею судьбы попавших в новое государство, — демократических свобод, соблюдения прав человека, использования государственных и официальных языков, привычных и удобных большинству жителей страны, и т.д.

Развитие же национальных культур, поддержка национальных особенностей, традиций, обрядов, собственно этническая самоидентификация и «самосохранение» при всей безусловной их важности являются вторичными по отношению к упомянутым выше первоочередным условиям нормальной человеческой жизни. Вторые вытекают из первых, являясь их неизбежным следствием, и должны быть прерогативой не столько государственных органов, сколько инициативных граждан и общественных объединений. Задачей государства в этом случае является всяческая поддержка таких инициатив, естественно, без каких бы то ни было приоритетов. Сами термины «титульная нация» и «национальные меньшинства» выводятся из обихода, оставаясь лишь в узкопрофессиональном словаре этнографов.

Но вот о «любезном сердцу» исключительном праве этноса на территорию умолчать будет нельзя. Специальным международным соглашением это понятие должно быть декларировано как опаснейший для цивилизации атавизм. Исповедующие его лидеры лишаются поддержки международного сообщества. Должны поощряться такие институты, как, например, двойное гражданство, наличие двух-трех государственных языков, то есть все, что делает жизнь людей удобнее, комфортнее. Что и должно быть главной заботой государства.

Таковы самые общие черты предлагаемой трактовки понятия самоопределения народов. Для того, чтобы они стали основой будущих международных пактов, соглашений, деклараций, необходим соответствующий поворот общественного мнения, квинтэссенцией которого и являются основные международные документы. Понятно, что в нашу эпоху торжества этнонационализма до такого поворота еще далеко. Это задача на весь XXI век. Но начинать, возбуждать движение против течения нужно уже сейчас.

Как убедить мировое сообщество в пользу, в целесообразности развития этносов, наций в условиях полиэтничности? Кто сможет это сделать?

У каждого народа есть своя интеллектуальная элита, мыслители, мудрецы. И есть квазиэлита, «образованцы» (по Солженицыну). Именно вторые ратуют за изоляцию в моноэтническое государство как за единственный способ сохранения и развития национальной культуры и этноса как такового. А первые понимают, что подобная изоляция приводит в конечном счете не к развитию, а к деградации. Хотя бы потому, что допускает к власти в стране людей совершенно определенного типа, не нужно объяснять, какого. Не перечислить пагубных последствий изоляционизма.

Выступать против собственных националистов сейчас трудно. Для этого нужно обладать прямо-таки неимоверным мужеством. Сразу же начинается травля, обвинения в антипатриотизме, во враждебном отношении к своему народу. За выступлениями СМИ следуют «санкции», как властные, так и низовые, «народно-патриотические». Но эти люди, мыслители и мудрецы, живут. На родине или в эмиграции. И никому, кроме них, не дано со всей ясностью и глубиной распознать, как на фоне законного долгожданного

национального возрождения «распускаются «цветы зла» — национализма, ксенофобии, нетерпимости к «инородцам».

Нужно находить этих людей, поддерживать гонимых, вселять мужество и волю в испуганно молчащих, дать им возможность высказаться. И создавать с их помощью ауру грядущего века, ауру полиэтничности.

Разумеется, движение это должно быть вне политики, иначе оно не будет достаточно авторитетным. Его сторонники объединяются в негосударственные, неполитические общественные организации, выступающие не «против», а «за». Не против самоопределения народов, не против этнического самосознания и самоутверждения, а за многообразие этносов в правовом государстве, взаимопомощь и терпимость, за поддержку национально-культурных автономий. За поддержку национальных лидеров, которые всю свою жизнь, знания, энергию и ум направили не на отделение от соседей пограничными столбами, перетянутыми колючей проволокой, а на развитие культуры своего народа.

Дискуссия: Самоопределение, национальное государство, мультикультурализм

Б.Цилевич. С идеей самоопределения очень тесно связано понятие национального государства. Я сейчас не буду его разбирать, я просто хочу констатировать, что национальное государство — это любое государство, которое имеет границы и имеет общность граждан. Это уже национальное государство, это не этническое государство. Но, к сожалению, и на уровне (я уж не говорю массового сознания), на уровне специалистов и актеров политической сцены понятие национального государства как государства в первую очередь этнического очень широко распространено, с этим постоянно приходится сталкиваться. Мне кажется, что обязанность правозащитников как-то пропагандировать альтернативную точку зрения.

Хочу вернуться к тому, что определение нации и определение этнической группы очень трудно строго разделить, и я вижу путь решения этой проблематики (это достаточно тривиальный вывод, но ничего другого здесь, наверное, придумать невозможно) не в пересмотре границ, не в переделе мира, а именно в расширении индивидуальных прав через права меньшинств.

То есть, я не уверен в том, что права меньшинств следует называть групповыми правами. По сути дела, чтобы учить детей украинскому языку, — да, я должен как член общества найти группу единомышленников; если нас достаточно много, то мы либо сами платим за это, либо требуем, чтобы государство удовлетворило эту нашу как налогоплательщиков культурную потребность. Все это теоретически может решаться в рамках существующего государства, это зависит от того, насколько это государство демократическое.

Существует известная концепция «affirmative action», позитивной дискриминации. Не думаю, что это путь перспективный. Мне представляется, что для решения этих проблем наиболее, может быть, многообещающей выглядит политика так называемого мультикультурализма, которая широко

сейчас развивается, скажем, в Канаде, в некоторых других иммиграционных государствах, и не только в иммиграционных: Канада сейчас очень активно пропагандирует свой опыт мультикультурной политики. И мне кажется, что перспектива, может быть, в достаточно отдаленном будущем, именно в этом направлении, а не в переделе карты мира таким образом, чтобы каждое меньшинство имело свой маленький кусочек земли и чтобы представитель каждой этнической группы осознал историческую вину своих предков и взял на себя ответственность за их правление.

С.Червоная. В выступлении Виктора Кучериненко была высказана прекрасная идея государственного устройства в виде свободных полиэтничных сообществ, в которых всем гражданам гарантированы равные права и нет никаких «этнических лидеров» и никаких национальных приоритетов. Эта идея так же стара и так же великолепна, как идея коммунизма, всеобщего социального равенства и братства. И, к сожалению, так же утопична. Нас однажды уже пытались железной рукой вогнать в такое счастливое интернациональное сообщество, нам уже предложили модель «сюрэтнической общности» в виде советского народа. Нас уже пытались воспитывать в духе «пролетарского интернационализма», как людей без нации, без исторической памяти, без своей национальной культуры и своего языка. Ничего хорошего из этого эксперимента не получилось, и современный яростный всплеск национализма во многих этнических регионах отчасти является реакцией протеста на такую искусственную интеграцию, на попытку построить «полиэтническое сообщество без национальных квартир».

И когда я слышу пламенные речи в защиту полиэтничного сообщества без национальных приоритетов, мне всегда хочется задать, наверное, чисто риторический вопрос: а на каком языке будут общаться граждане этого полиэтничного сообщества, этого идеального футуристического государства, которое, как я понимаю, вы хотите построить в наших конкретно-исторических условиях, на российской территории, в постсоветском пространстве? Если в этом «полиэтническом сообществе» вы вновь предложите всем его гражданам говорить по-русски, как это уже было и в Российской империи, и в советской стране, учить своих детей в русских школах (ибо инных национальных школ было мало и обучение в них было социально неперспективно), слушать с утра до вечера русское радио и телевидение, если вы построите школьные программы литературы на русской классике, а преподавание истории — на русской и русоцентристской оптике, так что история нашего Отечества превратится в историю русского народа и только его победы будут составлять «национальную славу», то от вашего идеального полиэтничного сообщества останется обыкновенная Советская Россия. А как в ней жилось нерусским народам — спросите у них самих. И прислушайтесь хотя бы к далекому эху чеченской войны, кавказских потрясений, тувинских волнений, к императивным требованиям татарских, башкирских, якутских и многих других национальных движений и партий, и вы поймете, что из вашего идеального полиэтничного сообщества люди ищут иной выход, не устраивает их эта модель. А строить и навязывать людям модели, даже теоретически безупречные, — дело бесперспективное да и с правозащитной точки зрения не особенно гуманное. И я так скажу: ничего лучше,

чем так называемое национальное государство (название чисто условное, непонятное по контрасту с «полиэтническим сообществом»), человечество не придумало. В этом стремлении народов к своей национальной государственности как к оптимальной политической форме, максимально благоприятной для развития их этнической культуры и идентичности, заложена, если хотите, логика естественноисторического процесса. Это нечто, данное самой природой, вытекающее из такого же естественного стремления народов к самоопределению, к поиску экологической ниши, как естественно стремление отдельного человека жить своим домом, своей семьей, в оградительных рамках собственного жилища, а не в разрушительной системе полигамии и не на открытом полигоне этнологических экспериментов по скрещиванию, интеграции и интернационализации этносов. Поэтому мы просто не можем сбросить, игнорировать, исключить из современного этнополитического процесса настоячивые и упорные стремления многих народов к созданию своих больших или малых «национальных государств», разумеется, с равными правами для людей всех рас и наций, желающих в этих государствах жить.

Вы можете объявить принцип «национальной государственности» анархичным, несовершенным, вы можете как угодно иронизировать по поводу этносов, объявивших себя «хозяевами» или «лидерами» и, видите ли, спускаясь «разрешающих» представителям других этнических групп оставаться на этой территории то ли в качестве «гостей», то ли не совсем полноправных мигрантов. И я могу согласиться с тем, что принцип «национальной государственности» — не идеальный, что перспектива бесконечного дробления территорий на множество государств — вплоть до совсем нереального и нереального множества, соответствующего числу всех этносов и карликовых этнических групп, далеко не радужная ни в экономическом плане, ни с точки зрения иных прагматичных расчетов. Но еще раз скажу: с этим просто ничего нельзя поделать, если сами народы к этому стремятся, если иного — при нормальном естественноисторическом процессе — просто не дано. Ибо иное — это насилие, это империи, это сверхдержавы, это нивелировка живых этнических различий и особенностей в «интернациональных сообществах» типа Российской империи или советского государства. Это так же, как с демократией: такое политическое устройство вовсе не совершенно, но ничего лучше человечество не придумало.

Разумеется, еще раз подчеркну, что «национальное государство» — это вовсе не моноэтническое государство. В итоге длительного цивилизационного процесса, многократного перемещения людских масс, новых интенсивных миграционных потоков ни одно «национальное государство» не может быть моноэтническим. В современной Европе, кажется, только Словения приближается к типу моноэтнического государства, там словенцы составляют едва ли не 97% населения¹, но и там есть свои иноэтнические вкрапления — общины хорватов, венгров, итальянцев, австрийцев, цыган; в других же «национальных государствах» наличие этнических компонентов, не ассоциирующихся

¹ В Словении 87% словенцев, но только итальянское и венгерское меньшинства, составляющие около 1% жителей, имеют особый статус и особые права, признаваемые Конституцией. — *Сост.*

себя с «титულიй нацией», выражено еще более рельефно. Ни одно «национальное государство», даже самое гомогенное, не существует и не развивается без своих внутренних «инонациональных» меньшинств, и чрезвычайно важно, чтобы этим меньшинствам и их представителям были обеспечены все соответствующие демократическим нормам права.

Право каждого человека «остаться» на той земле, где создается новое «национальное государство», получить — при условии личной гражданской лояльности к этому государству, к его законам и конституции — полноправное гражданство, наконец, выбрать для себя, для своей нынешней жизни, для будущего, для своих детей ту страну, где он чувствует себя наиболее комфортно, ту землю, которую он считает своей родиной, исходя из места собственного рождения или происхождения своих предков, своего рода, никак не должно ущемляться. Для этого должно быть обеспечено право человека на свободное передвижение, право выбора места жительства и все другие гражданские права. Но все это не может изменить природу, характер «национальных государств», и, скажем, в Польше украинцы, евреи, татары, русские, литовцы, немцы и представители любых других национальных меньшинств смогут жить, сохраняя свою этничность, свой язык, свою культуру, но в то же время признавая господство (или, если мягче сказать, — лидерство) в этом государстве польского языка, польской культуры, граждане Польши будут ассоциировать себя с поляками (как граждане Германии ассоциируют себя с немцами, в официальном паспорте ФРГ есть даже запись: «предъявитель данного документа — немец», и ставится такая запись в паспортах граждан ФРГ любой этнической и расовой принадлежности). Ничего общего с «полиэтническим сообществом», где неизвестно какая доминирует культура, такое «национальное государство», конечно, не имеет. И изменить природу национальных государств, превратить человечество, смешав народы и расы, в нечто «приятно смуглявое» и построить мир по моделям суперэтнических и полиэтнических сообществ — это коммунистическая утопия.

Да, интеграция идет во всем мире, интеграция экономическая, политическая, культурная, но она идет со стартовой площадки «национальных государств», а это совсем не то же самое, что интеграция внутри полиэтнических сообществ, сконструированных на основе многонациональных империй. Здесь, используя известное словесное клише, можно сказать: прежде чем объединяться, надо окончательно и решительно размежеваться. Вы понимаете, что современная добровольная интеграция независимых государств в рамках Европейского содружества — это одно дело, а насильственное удержание в рамках единого государства поработанных, завоеванных народов и их аннексированных территорий — это совсем другая ситуация и картина, и никакими разговорами о закономерной интеграции, никакими ссылками на европейский пример, никакими уговорами нельзя сегодня заставить хорватов жить в единой Югославии или литовцев войти в новый политический союз с Москвой. Это почти так же дико, как дико было бы вести речь об общей европейской интеграции, скажем, пятьдесят пять лет назад, когда оккупационные войска гитлеровского рейха стояли в Варшаве и в Париже. Представьте себе, что ответили бы французы или поляки какому-нибудь энтузиасту «интеграционных процессов», который в 1942 году стал бы

агитировать их за «единую Европу», управляемую из столицы германской рейха, и убеждать их в том, что Европа, «разделенная на национальные квартиры-государства», не имеет исторического будущего. В известном отношении Гитлер был самым последовательным идеологом интеграции: единый порядок, единая Европа, в конце концов, единый мир без государственных границ и национальных перегородок. Известно, однако, как ответили народы мира и народы Европы на столь заманчивое предложение.

От такого единого мира, основанного на колониальной экспансии, аннексиях, завоеваниях и порабощении «чужих народов», человечество со времен Александра Македонского упорно и «неблагодарно» отказывается. Какие бы аргументы ни приводились в пользу такой «интеграции», таких «политических сообществ», основанных на насилии, никоим образом такая перспектива не увлекает (кроме, разумеется, носителей имперской идеи, порою весьма успешно подключающих к ее полю массовое сознание мажоритарной нации). Поэтому еще раз скажу, что возникающие на развалинах мировых политических империй «национальные государства», конечно, не совершенны по многим параметрам, но ничего лучшего люди не придумали. Во всяком случае мы должны пройти это как историческую стадию. Мы — это народы бывшего СССР. Мы не хотим, нам хватит той интеграции, которую мы испили полной чашей в советских, российских, имперских — каких угодно рамках. Дайте нам возможность самоопределиваться, поверьте нашей элите, которую мы сами избираем, не убеждайте нас в том, что лидеры наших национальных движений и председатели наших партий — это «этнические предприниматели», манипулирующие нашими чувствами и обидами. Мы сами разберемся в том, кому мы доверяем выражать и отстаивать наши национальные интересы. Позвольте нам самим решить свою судьбу и не пугайте нас маленькими государствами, в которых мы якобы не сможем существовать. Мы этого не боимся, мы боимся великих государственных монстров, империй старого и нового образца.

Я.Рачинский. Есть повод для выступления, но я хочу ограничиться только одним вопросом. Светлане Михайловне ясно, какую историю будут преподавать в Словении, где всего 3% инородцев. Так сколько процентов должно остаться инородцев? Почему при 3% уже не имеет значения, какую историю преподают и будут ли при этом обеспечены интересы венгров или итальянцев, а при большем количестве инородцев это становится такой принципиально неразрешимой проблемой? Какова процентная норма?

С.Червонная: Я не говорила ничего подобного ни о каких «процентных нормах», этот вопрос не ко мне адресован. Я говорила совершенно о другом. И еще раз скажу, что сколько бы процентов нерусского населения в наше многонациональное государство ни «замешали», как бы его ни называли, но если это будет та же имперская система, в которой мы жили со времен падения Казанского ханства, то у нас будет господствовать русский язык, русская оптика при рассмотрении всех вопросов современности, всех перспектив прошлого и будущего, в наших школах будут преподавать русскую историю, в нашей Государственной думе будут заседать преимущественно русские депутаты, а другим народам останутся лишь крохи с барского стола. И если такая система функционирует в рамках «национального госу-

дарства», отказавшегося от аннексированных территорий, не удерживающего под своей властью целые народы, то все связанные с такой системой (далеко не совершенной, не идеальной системой) проблемы будут все же только частными проблемами лиц, вольных выбрать свое гражданство и свое отечество. Но если такая система функционирует в многонациональном этнополитическом пространстве, каким являлась прошлая и остается современная Россия, то это связано уже с неизбежным массовым нарушением прав многих народов и этнических групп. И эта система будет неизбежно порождать антирусскую ксенофобию, русофобию, совершенно не заслуженную русским народом с его великой культурой. Дайте каждому народу в рамках автономии, независимости, чего угодно, что выберет он сам, определить статус своей территории, создать свое суверенное государство, если такова будет его воля, предоставьте любому человеку гостеприимную возможность жить там, где ему лучше живется, и быть гражданином той страны, которую он считает своей родиной, и свободно развивайте свою культуру, учите детей русской истории, русской литературе и русскому языку в России, но не на Украине, не в Литве, не в Крыму, не в Чечне. Я просто не понимаю, при чем здесь какие-то проценты.

В.Кучериненко. Светлана Михайловна, самый тривиальный пример, чтобы было понятно, — США. Они говорят на едином языке не потому, что им навязали, а потому, что им удобнее. Насчет русского языка. В России так сложилось, что тот, кто знает русский язык, он на нем и говорит — зачем ему другой? Государственное устройство полиэтнического государства предполагает наличие двух или трех государственных языков обязательно, потому что так удобно говорить людям, когда есть такое государство, так как зачастую национальные меньшинства, входящие в состав многонационального государства, не знают своего языка и поэтому необходимо наличие двух или трех языков.

С.Червонная. Самый главный принцип правозащитного движения — не говорить за другого, не решать за другого, не навязывать никому своей правды и своей воли. Вот, например, крымским татарам очень трудно сегодня вернуться к родному языку, но они хотят этого. Они делают огромные усилия, чтобы свои курултай — национальные съезды проводить на крымско-татарском языке, чтобы создавать крымско-татарские школы, выбивать у администрации каждый час радиовещания на крымско-татарском языке. Не говорите нам, что нам «удобнее» говорить по-русски. Может быть, действительно, удобнее, потому что нас от родного языка десятилетиями отлучали и насильственно отлучали, и далось это «удобство» за счет таких утрат национальных богатств и национального культурного наследия, что сердце переполняется горечью. И вы меня простите, но не со стороны, не нам — русскому человеку — говорить, каким языком «удобнее» пользоваться, к примеру, тому же крымскому татарину. Подождите, когда он так решит, и он сам скажет, что ему удобнее перейти на русский язык и перевести на русский язык национальную печать, школу, театр, литературу и т.д. Но только вы этого никогда не дождетесь.

О.Орлов. Сколько должно в России жить татар, чтобы можно было преподавать именно русскую историю, понятно, именно русским, с русской точки зрения и при этом не нарушать права татар?

С.Червонная. Я не понимаю, почему вы говорите в таком сослагательном наклонении. В России уже давно (и сегодня тоже) преподают русскую историю с точки зрения «русских интересов», «русской выгоды», «русской славы», убеждая учащихся, к примеру, в справедливости завоевания Казани Иваном Грозным и в прогрессивности «присоединения» Закавказья и Северного Кавказа к России, и ни с какими процентами проживающих в России татар или азербайджанцев, и с их национальным достоинством при этом никак не считаются.

О.Орлов. Это плохо!

С.Червонная. Конечно, плохо, я и стараюсь это сказать. В одной только Москве проживает 300 тысяч татар, но в официальной пропаганде до сих пор господствуют штампы, утверждающие, что Москва — это твердыня православия, русский и только русский город. Правда, надо отдать должное нашему мэру, который все же старается поддержать мусульман, помогает в создании в Москве мусульманских мечетей и культурных центров, хотя все это обесценивается в сопоставлении с кошмаром официально санкционированных рыночных погромов и массовых облав на лиц «кавказской национальности». Хорошего тут мало, и даже если бы Россия была не многонациональной федерацией, а почти гомогенным национальным государством с минимальным представительством «национальных меньшинств», с территорией в границах Среднерусской возвышенности, где сформировалась русская народность и нация, не включала бы в себя ни Татарстана, ни Башкортостана, ни Сибирь, ни Кавказ, никакие нарушения прав человека и прав национальных меньшинств нельзя было бы оправдать и считать чем-то нормальным. Но я хочу подчеркнуть, что это большая разница — настаивать на русском облике столицы, на русской версии государственной истории, строить политику исходя из русских интересов в многонациональном государстве, в федерации, включающей в себя не только Россию, не только русский народ и исконные русские земли, или вести такую же политику (да, не совершенную, не идеальную) в рамках «национального государства», не удерживающего в своей структуре целые народы и суверенные республики.

Если бы Россия не претендовала на роль многонациональной федерации, не простирала бы свои владения на территории бывших имперских аннексий и колоний, мы тоже могли бы сказать представителям любых национальных меньшинств: хотите жить в России, пожалуйста, приезжайте, но знайте, что какой бы вы ни составили здесь процент населения, максимальный или минимальный, вы будете жить на русской земле, по российским законам и порядкам, с обязательным знанием русского языка, с приобщением к русской культуре и истории. Если вам это не нравится, как не нравится сегодня это очень многим, никто вас насильно не держит, вы можете уехать в другие страны и вы можете на той территории, которая является вашей исторической родиной, вашей страной (будь то Татарстан, Чечня, Саха/Якутия и т.д.), создать свое суверенное государство, и как бы оно ни называлось и каким бы ни было процентное соотношение живущих там людей — неважно, попавших туда до войны, после войны или неизвестно когда, это будет ваше национальное государство с четкими доминантами той лидирующей силы, той культуры, того языка, тех интересов, которые имеют вашу этническую

окраску. Но все дело в том, что именно такой свободы народы Российской Федерации не имеют.

Процесс, который, как сказал бы Михаил Сергеевич Горбачев, «пошел» при распаде СССР, был искусственно остановлен и заморожен в России. Создание украинской государственности на Украине, литовской в Литве, эстонской в Эстонии и т.д. — все это происходит на наших глазах; это не чьи-то фантазии, это реальный и закономерный исторический процесс конца XX века. Сегодня мы имеем, к примеру, на Украине украинскую ведущую, лидирующую культуру и украинский государственный язык, и уже никому не приходит в голову убеждать украинцев в том, что им «удобнее» говорить по-русски. Но признав это право за одними народами (титовыми нациями бывших союзных республик), мы почему-то остановились на полпути, на том пороге, за которым естественно начинается самоопределение народов Российской Федерации, имеющих на это самоопределение такие же права, как реализованные в 1991 году права народов Прибалтики, Закавказья или Средней Азии. Я просто не понимаю, почему возможен суверенный, независимый Азербайджан, но недопустим суверенный, независимый Татарстан, почему возможна независимая Молдова, но невозможна независимая Чечня. Почему мы снова поделили народы на имеющие право на самоопределение и не имеющие такого права, и почему мы все время стараемся навязать другим народам наши правила: как им жить и к каким формам самоопределения стремиться.

А.Тавризов. Виктор Кучериненко здесь говорил о принципе полиэтничности. Я так понял его выступление, что вовсе не следует стремиться к какому-то «плавному котлу», в котором все очутившиеся в нем этносы переплавляются, и в результате получается нечто; гораздо предпочтительнее принцип «салатницы», провозглашенный и проводимый в последнее время Соединенными Штатами: все перемешано, но каждый компонент, каждая вещь, как бы ее мало ни было в общем «салате», сама по себе: каждая этнокультурная община сохраняет свою «самость», самобытность.

Вот пятьсот лет назад открыли Америку. Хотя что значит «открыли», если коренному населению она была известна с незапамятных времен? Открыли европейцы для себя. А в общем-то, ближе к истине было бы говорить не об открытии, а о встрече двух половин мира. Помните, у Лема в «Солярисе»: «Мы понапридумывали названия всем звездам и планетам, а может, у них уже были свои имена?» И вот облик другой половины человечества оказался настолько непохожим, настолько непонятным и, по непонятности этой, настолько враждебным (по первому впечатлению, наверное), что образованнейшие люди, вовсе не глупее нас с вами, на полном серьезе спорили: а люди ли это? Да, я говорю об индейцах: считать ли их людьми или, быть может, это такие животные? Потом, правда, установили, что это, очевидно, все же люди. Ну как бы по результату: поскольку их начали крестить; животных-то обращать в веру Христову было бы невозможно.

Люди очень разные. Я не помню, кто это сказал (кажется, Махатма Ганди): «Все человеческие пороки проистекают от невежества». То есть: нет зла, нет добра, нет ненависти, нет ничего, а есть только невежество и знание. Я от такой радикальной мысли далек, потому что думаю, не одним только невежеством все объясняется, но и невежеством тоже! Любить всех

людей невозможно, дружить с ними со всеми тоже невозможно: как я могу любить того, кто так непохож на меня? Как я могу дружить с настолько на меня непохожим, что мне приходится постоянно самому себе напоминать, он тоже человек, он мой брат?! Это же естественная человеческая реакция — искать себе друзей по образу своему и подобию, так уж мы устроены... Но вот не любить, не дружить, но просто в чем-то элементарном знать тех, кто «не такие», это то, что доступно каждому. Знание это вовсе не дружба и не любовь, — просто это то, из чего никогда не вырастает огульная ненависть «к ним всем».

Я приведу такую иллюстрацию. Пришлось мне пару месяцев назад спорить с одним моим родственником на такие вот щекотливые темы, а конкретным поводом послужило, как это у нас водится последние два года, Чечня. И вот образованный, интеллигентный человек, далеко не юнец, открытым текстом изрекает: «Все беды в современном мире от ислама и мусульман». Нравится вам? Мнение-то, кстати, довольно расхожее: ислам, как и его последователи, жесток, антагонистичен по отношению к цивилизации и т.д. Я отвечаю: «Пусть так, но вспомните, что в исламских странах практически нет детских домов. Просто по причине того, что они не нужны: если ребенок остался без родителей, то всегда найдется родственник, который возьмет его к себе и будет кормить, поить, одевать и воспитывать наравне со своими детьми; нет родственников или не нашелся такой, найдется чужой человек, который сделает то же самое. Так что мы, Россия, с нашим-то обилием брошенных детей, никем кроме варваров в глазах мусульман выглядеть не можем, и вполне заслуженно, по-моему». И собеседник мой моментально сбавил тон: он же знал это, он просто забыл, праведная ненависть память отшибла... «Да, конечно, не одно только плохое в них есть...».

Я думаю, что знать вот такие моменты, за что заслуживает уважения даже самый «непохожий» (за что заслуживает ненависти, мы, как правило, уже знаем, и знаем очень хорошо), это тот самый минимум, который не предполагает какого-то нравственного подвига, который доступен каждому. И это то самое, из чего тотальная и огульная ненависть ко всем, кто не такой, как я, не такой, как мы, произтекает уже не может.

Вот, собственно, и все. Виктор тут говорил, если я правильно понял, об организациях и структурах, которым предстоит работать в направлении полиэтничности. Мне же кажется, что дело не только и не столько в организациях, сколько в таком вот, самом элементарном просветительстве.

Б.Цилевич. По сути я все-таки согласен с Виктором, я тоже полагаю, что выход, наверное, в полиэтничности или поликультурности государства. То есть принцип — «один народ — одно государство» — не работает. Есть множество сомнений и масса претензий к этому принципу. Мне кажется, что в выступлении Светланы Михайловны есть еще одна серьезная ошибка, Алексей Кузьмин об этом говорил. То есть не то, чтобы ошибка, а некое умолчание: один индивид — одна культура. Это уже устарело.

Алексей уже привел меня в пример — как именно такого человека. Да, это действительно мой сознательный выбор и мое право. Наверное, при большом желании я мог бы сказать: нет, я русский, плевать, что у меня, к примеру, дед был резником, вот я стал русским. Многие так поступают. Или

я бы сказал, неважно, что мой первый язык русский, вот я еврей, я себя ощущаю евреем и буду носить кипу, пейсы и все прочее. Или сказать, да в общем-то, все равно, я родился в Латвии, мне латышская культура очень близка, я становлюсь латышом, вот такая сознательная самоассимиляция. Есть примеры и одной, и другой, и третьей линии, их достаточно много. Но я сделал иной выбор: да, все эти культуры для меня не чужие, и я не хочу выбирать одну из них, отказываться от остальных в пользу какой-то одной.

Мне кажется, что в современном мире, тем более для человека, претендующего на высокое звание интеллигента, это нормальная и естественная модель поведения. Есть государства, в которых если не большинство, то очень значительная часть населения сознательно выбирает эту модель. Я не буду подробнее на этом останавливаться. В частности, русские в Латвии сегодня совсем не то, что русские в Москве или русские в Средней Азии, то есть русские в Латвии по сути своей уже представляют собой поликультурное общество. Латыши тоже представляют собой не одноязычное, а поликультурное общество.

Если возьмем любую европейскую небольшую страну, то практически с английским языком там спокойно можно выжить, любой школьник или древняя бабушка всегда по-английски ответит на твой вопрос, то есть это по сути тоже не монокультурное общество. Поэтому мне кажется, что магистральный путь развития отрицает в конечном счете идею монокультурного государства. Я не уверен, что эта стадия неизбежна, может быть, когда-нибудь мы от нее вовсе откажемся. Я не уверен в том, что сегодня эту идею монокультурности надо популяризировать, поскольку тут происходит то, что регулярно происходит с нашим микрофоном, — эффект самовозбуждения. Реально ведь идеологи национальных движений, хотя используют и чисто манипуляционные методы, в конечном счете опираются на некую идеологию, которая легитимируется высокоуважаемыми и признанными учеными авторитетами. Конечно, они извращают эти идеи, конечно, приспособливают под свои нужды. Но тем не менее, лучше стараться не давать им такой возможности.

А.Осипов. Возможна ли полиэтничная и мультикультурная гражданская нация? Давайте сведем воедино то, что большинство из нас, кажется, готовы признать более или менее бесспорным. 1. Модернизация и создание представительной демократии были наиболее успешными в культурно однородных обществах. 2. Исторически национализм (в разных формах) был спутником модернизации и демократизации (это не значит, что причиной), по крайней мере, в Европе. 3. Общество, имеющее единую «высокую» культуру и литературный язык, доступные всем его членам, более устойчиво, чем то, в котором возможна конкуренция языков и культур. 4. Создание полностью моноэтничного и культурно однородного общества — утопия. 5. Создание общества, где не было бы сегрегации и где, одновременно, разные языки и культуры занимали бы одинаковые позиции, — тоже утопия. 6. Идеи этно-национализма, то есть представления о том, что «хозяином» территории и государственности является/должна быть определенная этническая группа, провоцируют конфликты, явно не способствующие созданию гражданского общества. 7. Какую бы роль ни играл национализм в Европе в XIX веке и

какие бы формы ни принимал, трудно согласиться с тем, что современные этнические движения и новые националистические режимы с их криминальными или тоталитарно-номенклатурными традициями могут заложить основы либеральной демократии и правового государства.

Можно ли вывести из всего этого некий результирующий вектор? Полагаю, что да. Нет логических оснований считать обязательной связку между наличием в стране одной «высокой» культуры и общедоступного языка, с одной стороны, и этнонационалистической риторикой правящей элиты — с другой. Предлагаю определение: гражданская нация (*civic nation*) — это та, в которой этнонационалистический дискурс отсутствует или занимает маргинальные позиции, будучи удерживаем на периферии общественного внимания. Возникает парадокс — больше всего шансов попасть в категорию «гражданских наций» имеют общества с наиболее этнически однородным населением, там, где «национальные проблемы» мало кого волнуют. Но не только такие общества. Вполне можно представить себе страну, где есть одна доминирующая культура и доминирующий язык, где прочие языки и культуры находятся в маргинальном (или недоминирующем) положении, но люди, желающие их поддерживать и развивать, встречают полную поддержку государства, где последовательно проводится политика недопущения этнической дискриминации, где ведущие политические силы избегают риторики, построенной на концептах «коллективных прав», «этнического развития» или «этнических интересов», где этого же избегает школа, где националисты (выступающие от имени большинства или меньшинства) не влияют на политический процесс и на общественное мнение или где по вопросам, связанным с этничностью, сохраняется большое разнообразие мнений. Это вполне жизнеспособная модель, и она вполне может быть (пока еще может быть) использована в России.

Так же можно, хотя это сложнее, представить себе «гражданскую» (то есть «не-националистическую») нацию в стране с этнически очень дробным населением (типа Филиппин, Индии или Индонезии), там, где никакая этническая партия из-за малочисленности своих сторонников не может доминировать. Сложнее со странами, где несколько языков и культур могут конкурировать или являются самодостаточными. Там можно, конечно, убеждать людей в том, что права и общественное положение человека не должны зависеть от его происхождения, что не надо объединяться по этническому признаку и пр. Всегда появятся лидеры, которые станут утверждать обратное и будут при этом пользоваться успехом.

Стабильны такие государства или нет, есть у них внутренние проблемы или нет, но эти государства существуют, и их, кстати, большинство. Никто не доказал, что они обречены на распад. Цена перехода от многонационального государства к куче мелких «национальных» (и тоже полиэтничных с новыми меньшинствами и новыми проблемами) — огромна, как показывает опыт той же Югославии. Мне трудно согласиться с Виталием Пономаревым, что ход исторического процесса фатально запрограммирован некими «объективными» закономерностями. Всегда есть возможность выбора. Есть силы, которые борются за распад этих государств, есть силы, которые выступают против. Все зависит от их соотношения в конкретной ситуации, а

оно не в последнюю очередь определяется внешним влиянием. Думаю, что в любой ситуации с точки зрения нашей, правозащитной, если угодно, системы ценностей наиболее перспективны проекты, не связанные с идеей групповых прав, то есть те, где никто никого не подбивает делить физическое и социальное пространство по этническому принципу.

Дискуссия: Самоопределение и права человека

А.Черкасов. Почти никто из выступавших, кажется, не заглядывал за грань этого самого процесса самоопределения. Взывали предотвратить использование гуманитарного права, то есть права поля боя. Но это «поле боя» оказывается неизбежной и обязательной стадией процесса национального самоопределения.

XX век — это век революций и утопий: религиозных, национальных, социальных. Доктор Червонная радостно провозглашала утопию национальную. Когда-то точно так же восторженно провозглашали утопию коммунистическую. Она действительно очень хорошо смотрелась в свое время на этапе теоретической разработки. Всем известно, что революцию задумывают гении, реализуют фанатики, а ее плодами пользуются негодяи. Причем негодяи то и дело проявляются даже в очень хороших фанатиках и на самых ранних стадиях. Вот первая из таких национальных революций на территории Советского Союза — карабахская. Возьмем армянское национальное движение в Карабахе на благородном этапе в 1991 году, когда армяны жали и дожимали. Уже тогда были видны отвратительные свойства партизанской войны. Как вам понравится местный лидер, местный командир, который не выпускает из села жителей, потому что если жители уйдут, то неясно, как же защищать село и поддерживать боевой дух? Нет, жители убежать не должны. С пистолетом он их и загонял обратно на моих глазах, есть еще свидетели, и они здесь присутствуют. Это, подчеркиваю, еще тот этап, когда армяны жали и дожимали к горам.

В Чечне тоже можно найти хорошие примеры, когда полевые командиры способствовали обстрелу сел. Известно, что село обстреливают потому, что федеральные войска считают, будто там засели боевики, а боевики оттуда уже ушли, но скрывают, что ушли. Ничего-ничего, пускай стреляют, если кто-то погибнет, то к нам потом придет больше людей. Вполне сознательные рассуждения не массы, но командиров. Безобразие партизанской войны, безобразие вот этого процесса национального самоопределения на этом не заканчивается. Ведь есть еще сегодня такие понятия, как этническая чистка и геноцид. Без этого тоже нигде не обошлось начиная с юго-осетинского конфликта. «Защищены» были целые районы, целые деревни, а в них жили десятки тысяч человек.

Этнографы здесь говорили о лабораторной модели. Лабораторная модель может быть на столе или на изолированном острове. Но она лишена такого важного параметра, как время. А если мы рассмотрим во времени, то каждый народ может выбрать себе то прекрасное время, в котором можно нарисовать себе наилучшие границы и от этого начинать отсчет. Можно

провести какие-то еще границы по договоренности. Но мы забыли, что этнография и история у каждого народа почему-то появляются свои, образу живающие свою национальную элиту или как там она у нас называется. Каждый рисует свои карты. А дальше выясняется, что вот та этническая карта, которую мы имеем сейчас, образовалась за много тысяч лет путем пролития огромного количества крови. И чтобы ее перекроить до идеального состояния, приблизительно столько же нужно пролить еще. Это те издержки, которые остались за гранью теоретического обсуждения.

Мы эту грань всегда перескакиваем, всегда оказываемся в стадии войны, когда приходится работать уже на этапе применения Второго Дополнительного протокола к Женевским конвенциям, то есть на этапе внутреннего вооруженного конфликта. Сопротивление бывает очень симпатичным, но тут возникает правовой вопрос: а кто у нас является субъектом и с кем можно говорить? Имеет место партизанская война, со всеми ее типичными отвратительными чертами. Если там и есть демократия, то это демократия какого-то первобытно-общинного, рабовладельческого и т.п. периодов: резкая деградация социальных структур, социальных механизмов, которые потом, после этой войны, даже победившему народу не очень помогают демократически самоопределиваться на своей отвоеванной земле.

Наиболее симпатичные из тех, кто участвовал в чеченской войне, оценивают ее для себя как два потерянных года, несмотря на победу. Наверное, для общества, самоопределившегося таким образом, это скорее шаг назад, чем вперед. Другое дело, что эта проблема неразрешима — сопротивляться или не сопротивляться. На примере села Самашки мы знаем, что сопротивляться иногда нужно и необходимо. В 1995 году там погибло в три-четыре раза больше гражданского населения, чем в 1996-м. В 1995-м не сопротивлялись, в 1996-м сопротивлялись.

Как народ может реализовать свое право в рамках права? Неизвестно. Как правило, это не удавалось. Дай, Русь, ответ — не дает Русь ответа.

Э.Зейналов. Я бы хотел коснуться соотношения групповых и индивидуальных прав, потому что это действительно очень большой вопрос. По моим наблюдениям, индивидуальные права обычно используются для критики режима или правительства, в то время как групповые права — для обоснования правительством своей правоты, для самозащиты. Когда приоритет отдается групповым правам, как ни странно, эти самые группы больше всего и страдают. Я хотел бы это продемонстрировать — не на конкретном примере, а чисто умозрительно.

Население самоопределившихся или самопровозглашенных государств, как правило, мультиэтнично. И для того, чтобы избавиться от «внутренних агентов», самоопределившиеся государства проводят этнические чистки. В таком случае это самопровозглашенное государство только потому и может успешно отделиться, что оно гораздо более последовательно осуществляет нарушения прав человека — те самые, за которые оно вначале предъявляло претензии к государству-«мачехе». То есть режим, который приходит на смену угнетающему режиму, не менее одиозен и, как правило, тоталитарен в меньшей степени...

И что касается свободы в таких государствах, то это тоже эфемерное понятие. Мы видим, как псевдогосударства-карлики победили гораздо более крупные государства, как, допустим, Азербайджан, Грузию, Молдову. Понятно, что без внешней поддержки это не могло произойти. В результате, освободившись от, допустим, азербайджанской зависимости, Карабах попал в зависимость к другому государству. То же самое — и Абхазия. Чечня в данном случае не пример, потому что в Чечне столкнулись интересы самих внутренних российских групп. Без российской поддержки Чечня, как ни парадоксально, не могла бы победить.

Военно-промышленные комплексы, которые для нас долго были, так сказать, западным явлением, — они у нас существуют на самом деле. Постоянно всплывают факты незаконных поставок оружия в горячие точки, и естественно, что у ВПК есть свой интерес в поддержании этих конфликтов.

А в результате движения за свободу и независимость появляются зависимые и несвободные государства, в которых права человека самым грубым образом нарушаются. Мириться с этим, мне кажется, никак нельзя.

Теперь о том, является ли самоопределение народов правом или принципом. Это очень интересный вопрос, потому что у нас обычно эти дефиниции из чисто академических дискуссий переходят в орудие каких-то махинаций. В частности, я могу вспомнить недавний Лиссабонский саммит, вокруг которого вроде бы разгорелись дискуссии — говорили о том, что, вот мол, есть принцип территориальной целостности, а есть право на самоопределение, а право — это выше, чем принцип, и т.д., и т.п. Все это пахнет кровью. Если мы не будем ставить во главу этих дискуссий, во главу этих движений принцип соблюдения индивидуальных прав, мы ни к чему не придем. Будем желать, как лучше, а получится, как всегда.

С.Романенко. Хочу сказать несколько слов о правозащитной деятельности. Надо иметь в виду, что современные Югославия, Хорватия, Босния — это наследницы традиций Австро-Венгрии, межвоенной Югославии и титовской Югославии. Поэтому и президент Хорватии Туджман, и президент Сербии Милошевич, и президент Боснии и Герцеговины Изетбегович — они все лидеры одного типа. Все они принадлежат к тоталитарной политической культуре.

Теперь что касается непосредственно правозащитников в этих странах. Естественно, они находятся в загнанном состоянии, как и в целом либерально-демократическое, в подлинном смысле этого слова, крыло. Они просто очень слабы, это одно из последствий и режима Тито, и предшествующего развития Югославии и Австро-Венгрии, которое отнюдь не было демократическим. Очень часто и официальные средства массовой информации и просто люди называют их агентами американского империализма. И, кстати, в этом едины и Милошевич, и Туджман. Достаточно напомнить, что в конце прошлого года оба они выступили целенаправленно против Фонда Сороса.

Основная форма их активности — это, естественно, антивоенная деятельность и установление нормальных отношений между тремя народами уже в рамках Дейтонского процесса. Надо сказать, что они не находят никакого отклика не только у властей, что совершенно понятно, но и у оппозиционных политических партий. В их положении в Союзной Республике Югославии, и в Хорватии есть какие-то общие черты, есть и отличия. В

чем-то более свободно в Сербии. Там, например, недавно вышла книжка, которая называется «Сербская сторона войны» и которая совершенно с нормальных, объективных и действительно либеральных позиций оценивает произошедшее в Сербии и Югославии за это время. Мне кажется, что в Хорватии выход такой книги в нынешних условиях был бы почти невозможен. С другой стороны, в каких-то моментах в Хорватии присутствует больше плюрализма, чем в Сербии.

Но это, в общем, предмет особого разговора. В целом правозащитники находятся, к сожалению, в роли городских сумасшедших, как принято говорить. И никаким влиянием в обществе не пользуются. Но они стремятся к налаживанию тесных связей с российской демократической оппозицией, с российским демократическим движением, и мне кажется, что мы могли бы установить с ними необходимый всем сторонам контакт.

Возможно, это нужно не только им, но и российскому обществу. Потому что здесь совершенно отсутствует объективная информация. Это относится и к «объективистским» или либеральным СМИ. Часто корреспонденты, приезжающие в СРЮ, Боснию или Хорватию, не знают хорватского и сербского языков и попадают в зависимость от определенных людей, которые совершенно однозначно их ориентируют, и получается так, что для России есть только сербы, но нет ни хорватов, ни босняков-мусульман. Кстати, у нас ничего не известно о судьбе сербов, которые проживают в Хорватии. В прошлом году мне там удалось побывать и побеседовать с некоторыми сербскими деятелями. Когда я пытался опубликовать это в наших газетах, к сожалению, из этого ничего не получилось. А дело в том, что, конечно, эти операции хорватской армии сопровождались массовыми нарушениями прав человека — это признано всеми, но лучше ли поступала с ними сербская сторона?

У нас практически об этом ничего не писали, но на границе Боснии и Сербии отцов отделяли от семей. Дети и жены должны были идти в Сербию, где их, как правило, селили в Косово, а я не думаю, что нужно объяснять, насколько там взрывоопасный в этническом отношении район, и неизвестно, чем еще кончится для Сербии косовская проблема... А отцы должны были идти воевать в армию боснийских сербов. Об этом у нас ничего не сообщалось. Нам необходимо налаживать нормальные связи с нормальными людьми — это очень важно. Причем не только в Югославии.

Б.Цилевич. Вы сказали, что слабость нынешнего правозащитного движения в бывшей Югославии определяется ее тоталитарным прошлым. Это как-то не убеждает. Советский Союз тоже не был очень демократическим государством, и тем не менее в России, скажем, правозащитное движение очень сильно. Может быть, слабость правозащитного движения именно связана с ориентацией в первую очередь на этнические ценности? Играет ли это какую-то роль?

С.Романенко. Я думаю, что, наверное, и вы правы, и я прав. Нужно учитывать сознание югославов, которое во многом отличалось от нашего. Они свободнее могли ездить по миру, создавалась какая-то иллюзия свободы. Я помню, мы читали югославские газеты почти как западные. Это было совершенно непривычно. Динар был конвертируемой валютой, поэтому у нас до сих пор ходит миф, что титовская Югославия была капиталистической страной.

Но в целом там, понимаете, действительно либерально-демократическое движение очень слабо. Если взять коалицию «Заедно», то в ней, строго говоря, только одна партия может быть отнесена к либеральной демократии. Это партия Весны Пешич. В России Вука Драшковича стали изображать демократом. Но дело в том, что в его сознании силен сербский этнический национализм. И Вук Драшкович несет прямую ответственность за развитие событий 1989–1991 годов: он был одним из создателей экстремистской националистической идеологии, которая привела к распаду Югославии. Это подтверждает и анализ его нынешней программы и выступлений. Джинджич известен своими связями с руководством боснийских сербов. Я считаю, что уступки экстремистскому национализму, даже если продиктованы, как кажется на первый взгляд, тактическими соображениями, обязательно аукнутся и обязательно окажут воздействие на развитие политических партий, которые делают такие уступки.

Б.Цилевич. Светлана Михайловна сделала одно очень важное наблюдение и высказала один очень важный тезис, который остался не отмечен, и мне кажется важным упомянуть его в этом контексте, в связи с тем, что отрицание права на самоопределение балкарского народа привело к массовым нарушениям прав человека, а конкретно — балкарцев. Думаю, это является прямым следствием ориентации на самоопределение, а не на общедемократические ценности и не на права человека.

Нет никаких оснований ожидать, что в случае самоопределения балкарского народа, в случае создания балкарской автономии или даже независимого балкарского государства режим в этом государстве будет более демократическим, чем в нынешней Кабардино-Балкарии. Вот сегодня господин Пономарев уже говорил, что стремление к свободе совершенно естественно. Да, но свобода — это не синоним независимости. Свобода не определяется государственным статусом территории, она определяется другими вещами: политическим режимом и политическим устройством этой территории. Мне представляется, что если бы действительно в Кабардино-Балкарии не было такого размежевания и противостояния по этническому признаку, а существовали бы сильные правозащитные организации, то вот здесь для них было бы поле деятельности. Идеальный вариант, если бы, скажем, кабардинские правозащитные организации выступали в защиту балкарцев, права которых нарушаются. Вот это путь к демократии. Как, скажем, московские правозащитные организации, русские правозащитные организации выступают в защиту прав чеченцев, которые нарушаются федеральными властями. Вот это то, к чему мы пытаемся прийти в Латвии.

У нас до сих пор сохраняется ситуация, когда есть латышские правозащитные организации и русские правозащитные организации. Когда к нам обращаются люди с Запада, то начинают так: «Вы известны как человек, защищающий права русских». Я всегда спокойно и твердо отвергаю эту претензию и всегда пишу, что тот, кто защищает права по этническому принципу, не может считать себя правозащитником. Именно в этой проблематике — права человека и право на самоопределение, права человека и национализм — содержится очень важный аспект проблемы.

Другое дело, что в силу объективных обстоятельств в Латвии больше проблем с правами человека сегодня у русских. Это не значит, что Латвийский комитет по правам человека отказывает латышам, которые туда обращаются. Меня радует, что у нас получается все больше и больше общих точек и совместных акций, когда латышские и русские правозащитные организации сотрудничают между собой и проводят какие-то совместные акции, по крайней мере находят общий язык. Хотя еще далеко до идеала в этом отношении, но представляется, что это и есть стратегический путь.

Поэтому мне кажется, что пора отказаться от иллюзий и попыток совместить хороший национализм с соблюдением прав человека. Принципиально это невозможно.

А.Черкасов. Очень хорошо замаскированный рассказ о России, сделанный господином Романенко, прошу всех осмыслить. Действительно, все, что он говорил о Балканах, об этнических коллективах, включая их границы, применимо и к бывшему СССР.

Алексей Тавризлов не совсем прав, у нас есть своя Югославия — Северный Кавказ. Даже в экономическом плане это была наиболее отязанная часть Советского Союза, где капитализм, присущий Советскому Союзу в форме хищений в особо крупных размерах, процветал намного раньше, чем в России, в северных широтах.

Аналогия полная. И в этом смысле рассуждения господина Романенко и просил бы осмыслить поподробнее. Кто такие городские сумасшедшие, о которых говорилось? Правозащитники. Предлагать объединение палат № 6 — хороший призыв, но может ли это дать какой-то прок? Если мы возьмем национальные движения на территории Советского Союза, не будем говорить о союзных республиках, а возьмем движения небольших народов, то у нас есть не совсем положительный, но обнадеживающий пример — крымские татары. С письменной культурой, петициями, обращениями и прочей бюрократией, которая была даже воспринята московскими правозащитниками. Этот стиль — стремление более к перу, чем к автомату, — прослеживается даже сейчас, в 90-е годы. И пока движение сохраняет этот стиль, хотя приходит молодежь с совершенно другими ориентирами, то какие-то обнадеживающие перспективы есть. У других народов, у которых такой школы не было, путь к автомату — путь самый короткий. Палата № 6 бывает неплохой терапией.

А.Даниэль. Маленькая реплика относительно традиций правозащитной идеологии в разных национальных движениях бывшего Советского Союза. Все не так просто, как полагает Александр Владимирович. Действительно, в течение примерно двадцати лет очень многие национальные, национально-религиозные, национально-культурные движения в бывшем Советском Союзе пользовались в своей деятельности правозащитным инструментарием, правозащитной методикой, провозглашали и поддерживали правозащитные идеалы. И, в общем, не выходили за рамки правозащитной деятельности. Но изменились общественно-политические условия в стране. И вспомните, как быстро — еще даже до достижения Украиной своей независимости — Украинская Хельсинкская группа преобразовалась в Украинскую республиканскую партию, которая придерживается достаточно жесткой национальной,

если не националистической ориентации. Вспомните, что лидером Хельсинкского движения в Литве был не кто иной, как Антанас Терляцкас; а уровень национального радикализма Антанаса Терляцкаса не нужно никому объяснять и доказывать. А Звиад Гамсахурдия, бывший Президент Грузии, человек, чьи взгляды граничили иногда с расизмом, был в диссидентскую эпоху основателем и лидером Грузинской Хельсинкской группы. Подобных примеров — тьма. На самом деле, диссидентское движение представляло собой сложную совокупность разнонаправленных движений, очень часто защищавших не права человека, как таковые, а апеллирующих к правам человека с целью защиты определенных коллективных интересов. Интересов, а не прав. Действительно, методы правозащитного движения, возникшего в конце 1960-х годов в Москве и в других крупных городах страны, на самом деле — очень малочисленного, были взяты на вооружение всей совокупностью диссидентских движений, диссентом в целом. Но диссент в целом никогда не был тождествен этому правозащитному движению. Что и показали процессы, начавшиеся с 1987 года. До некоторой степени это проявлялось и раньше.

С.Червонная. Я сегодня испытываю сложные чувства, связанные с тем, что, как мне кажется, я нахожусь в этой аудитории среди своих единомышленников и в то же время порою их не понимаю, и они не понимают меня.

Сейчас я просто в отчаяние пришла, услышав реплику Бориса, который сказал примерно следующее: вот посмотрите, в Балкарии подняли вопрос о самоопределении и получили избиения и погромы. Ведь это что такое? Ведь это логика непотворения злу, покорного подчинения: сидите спокойно, сидите тихо, не протестуйте, не боритесь и ничего плохого с вами не случится, бить вас не будем, арестовывать вас не будем. Получается примерно так. Но мне просто страшно, что такого рода установок будут взяты на вооружение демократическим правозащитным движением.

Сегодня, когда речь шла о событиях на Балканском полуострове, о судьбе бывшей Югославии, я с огромным удовлетворением воспринимала все, что явно отличается от стандартных подходов, оправдывающих сербскую агрессию против народов, стремящихся к самоопределению. Именно там, на Балканах, в Хорватии, проходила недавно международная конференция «Солидарность жертв». И лейтмотивом многих докладов и выступлений на этой конференции была мысль о том, что за общим разговором о правах человека мы не должны забыть об ответственности агрессора, мы не имеем права ставить как бы на одну доску палача и его жертву. Война — это жестокая вещь, и во время югославской войны жестокость проявлялась с разных сторон, и страдали от этой жестокости и сербы, и хорваты, и словенцы, и мусульмане. Но из этого вовсе не следует, будто нет в этой войне ни правых, ни виноватых. На любом поле битвы остаются убитые и с той, и с другой стороны. Но я не думаю, что можно относиться с равным сочувствием и к тем, кто принес на это поле войну, выступив в роли агрессора, и к тем, кто защищал в этой войне свою родину, свой дом, свою честь, кому выпала роль жертвы.

Давайте мысленно обострим ситуацию и представим себе на минуту, что исход второй мировой войны был бы другим, представим, что гитлеровские оккупанты остались бы в Париже, Варшаве и Киеве, что продолжалось бы

истребление евреев, цыган, славян и всех, кого еще объявил бы «недочеловеками» безумный фюрер. И, естественно, представим также, что продолжалось бы сопротивление этому оккупационному режиму, то есть и деятельность подполья, неизбежно связанная с террористическими акциями, и партизанская война. Разве можно в такой экстремальной ситуации одинаково заботиться о соблюдении прав человека, прежде всего права на жизнь, и по отношению к оккупанту-поработителю, и по отношению к тем, кто стал жертвами фашистской агрессии, и по отношению к врагу твоего Отечества, и по отношению к тем, кто защищает его, а защищая, и стреляет, и убивает, и уничтожает врагов? Нельзя вне конкретного исторического анализа ситуации, вне моральных категорий «прав» или «виноват» отвлеченно, абстрактно говорить о правах человека.

У народов, которые ведут борьбу за свое национальное освобождение, есть своя логика борьбы, и никакими ссылками на абстрактные права человека нельзя остановить руку народного мстителя и даже нельзя осудить его за самое грубое нарушение «прав человека», если этот человек — агрессор, оккупант, враг.

Нарочно заостряя вопрос, я не хочу сказать, что в Советском Союзе была ситуация, аналогичная той, что в оккупированной Польше или Франции в годы второй мировой войны. Каждая конкретно-историческая ситуация требует своего подхода и детального анализа. Но сам по себе принцип права на сопротивление, принцип исторической справедливости национально-освободительной борьбы непременно должен учитываться, включаться в общее правозащитное поле, может быть, даже приниматься во внимание как некий коэффициент полезного действия прав человека.

Каждый человек имеет право на жизнь, и никто не вправе отнять у него эту жизнь. Но оккупанта, который пришел на твою землю с оружием в руках и принес смерть и страдания твоим соотечественникам, ты убить вправе. Пусть это крайний, резкий, самый очевидный пример. Но за ним открывается бесконечная перспектива более сложных, требующих более тонкого анализа ситуаций, и мне кажется, такой анализ невозможен без учета фактора исторической справедливости, исторической ответственности и вины, которая не всегда имеет личностный характер, но может распространяться на ту или иную социальную группу. В экстремальных ситуациях войны это особенно очевидно. Для того, чтобы убить оккупанта, не нужны доказательства его личной, персональной вины. Не все и не сразу меняется в мирное время, остается след в исторической народной памяти, остаются причины, вызывающие движение сопротивления. И когда сегодня много говорят о нарушении прав русскоязычного населения в Латвии, я не могу не вспомнить о том, что еще в конце 1980-х годов активисты Народного фронта Латвии говорили: «Для нас вторая мировая война еще не кончена». Конечно, с восстановлением латвийской независимости, ликвидированной в 1940 году по преступному сговору Сталина и Гитлера, положение принципиально изменилось, но и сегодня любой абстрактный, отвлеченный разговор о правах человека в Латвии, без учета конкретного исторического фактора, по-моему, бесперспективен.

Это влияние исторического фактора на национальное, правозащитное движение, на положение с правами человека в регионе можно проследить и на примере Крыма, откуда я недавно вернулась, и крымско-татарского национального движения, с эволюцией которого я хорошо знакома. Сегодня Мустафа Джемилев — лидер крымско-татарского национального движения, хорошо известный в правозащитных кругах и прославившийся своей верностью принципам ненасильственного, демократического движения, — говорит вещи, которые могут показаться несовместимыми с абстрактными, отвлеченными гуманистическими представлениями о правах человека. Он говорит, что терпение крымских татар не безгранично, и если власти Крыма не могут или не желают защитить репатриантов от произвола, от издевательств, от террора мафиозно-криминальных структур, крымские татары сумеют сами постоять за себя. Фактически он одобряет создание радикальной партии «Адалет», возглавленной Сервером Керимовым, которая, — не будем закрывать на это глаза, — располагает хорошо организованными военизированными дружинами. Драматические события в Восточном Крыму летом 1995 года показали, что только такие дружины способны защитить интересы крымских татар, оказавшихся под двойным ударом — произволом местной администрации и террором со стороны организованной преступности. Если действия крымских татар, вынужденных идти на «самозахваты» (земельных участков, квартир), на решительные выступления, подобные «штурму» здания Верховного Совета в Симферополе в октябре 1992 года, на формирование собственных отрядов («аскеров»), требующих «вернуть награбленное», рассматривать отвлеченно — с позиций права, в свете конституционных положений или гуманистических принципов правозащитного ненасильственного движения, — возможно, окажется, что в этих действиях есть расхождение с правовыми нормами, да и «права человека», если иметь в виду бандитские кланы, поощряемые коррумпированной администрацией, могут пострадать от вооруженного отпора крымских татар. Это может нравиться нам или нет, но таковы реальная жизнь и эволюция крымско-татарского национального движения, и нельзя судить обо всем этом абстрактно, вне конкретного исторического анализа того отчаянного положения, в котором оказался после депортации, длительной ссылки и нынешней незавершенной репатриации крымско-татарский народ.

О. Орлов. Для меня абсолютно очевидно, что в условиях войны, даже во время второй мировой, а не чеченской, защищать надо индивидуальные права. Индивидуальные права того еврея, которого уничтожают в гетто, индивидуальные права того немца, которого депортируют с его родины в Германию, осуждать надо бомбардировку Хиросимы, уничтожение городов немцами в России, уничтожение союзниками Дрездена. Все это одинаковые преступления против человечества. Нельзя нам ставить во главе угла либо право победителя, либо двойной стандарт. Для нас должны быть одинаковы индивидуальные права всех угнетаемых людей, чьи права нарушаются.

А. Черкасов. Важное разграничение: когда этих оккупантов можно убивать, а когда нельзя. Каждого и подряд — нельзя. Если он в форме — стреляйте в него, если на танке — взрывайте его, а если строителей похищают и после этого они под пытками погибают, это у нас даже не партизан-

ская война, а это у нас военные преступления. Когда говорится, что национально-освободительное движение может вести войну со всеми «оккупантами», не разбираясь, мы уже переходим в область военных преступлений. Здесь мы уже оказываемся в другой области права — в гуманитарном праве, в праве поля боя. Так что задача семинара — все-таки как-то разобраться, есть ли способы избежать при самоопределении необходимость применения этого права поля боя.

А.Даниэль. Я очень понимаю этический пафос Светланы Михайловны. На самом деле, в основе этого лежит сочувствие к слабому. Это естественно, и разумно, и правильно. Но дело в том, что в нашем очень динамичном мире вчерашний слабый очень быстро становится сильным и находит себе другого слабого. Какую фору мы готовы дать вчерашнему слабому, который стал сильным? Сколько времени он может говорить: «Но я же столько лет был слабым. Дайте мне немножко поугнетать нынешнего слабого, а потом я цивилизуюсь. Постепенно»? Это вопрос. Я вовсе не хочу сказать, что не надо никакого гандикапа. Тяжелое положение русскоязычного населения в Латвии, наверное, действительно уходит корнями в тот период, когда Латвия была насильственно лишена независимости, оккупирована, когда сознательно изменялись демографические параметры, подавлялись латышская культура, национальное самосознание латышей и т.д. Но понимать — не значит оправдывать, не значит соглашаться. Традиционное правозащитное движение в России до перестроечного периода всегда сочувствовало национальным движениям, всегда их поддерживало — и в Прибалтике, и на Украине или на Кавказе, или в любом другом регионе. Но при этом правозащитное движение не говорило: мы солидаризуемся с литовцами в их требовании национальной независимости Литвы. Никогда этого не было. Было другое. Мы солидаризуемся с теми литовцами, которых сажают и гноят в лагерях за то, что они гласно и открыто, законными способами требуют независимости Литвы. А они имеют право требовать. Они имеют право свободно выражать свое мнение, и они осуществляют это право. Вот что было в основе солидарности правозащитников с многочисленными национальными движениями в бывшем Советском Союзе. Кто-то мог сочувствовать этому требованию самоопределения и независимости, кто-то мог совершенно не сочувствовать, но все точно знали, что нельзя сажать людей в тюрьму за то, что они чего-то требуют законными путями: словом, пером, на митинге и т.д. Вот и все. Тогда, перед подавляющей мощью государства, эти люди были слабы; их надо было защищать. Но почему из этого следует, что их нужно продолжать поддерживать теперь, когда они в своих странах и регионах стали силой, когда их уже не сажают, а, наоборот, как бы не они вот-вот начнут сажать других? Раньше мы воздерживались от споров об их идеалах и их целях, потому что их за эти идеалы сажали. Но почему мы должны сегодня полностью соглашаться с их идеалами и их целями? Может быть, в тот день, когда наши друзья становятся сильными, надо искать новых слабых и начинать поддерживать их? Тут говорилось о немцах: как, мол, можно было бы за них заступаться сразу после второй мировой войны? А очень просто. Когда немцы угнетали пол-Европы, жгли евреев и цыган, тогда, конечно, с ними можно было только бороться. Но когда несчастные

судетские беженцы лишаются домов и имущества и в одночасье отправляются толпами, пешком по дорогам, в чужую им Германию — то, если бы тогда было развито правозащитное движение, оно, конечно же, должно было сказать свое слово по этому поводу.

Н.Новикова. Мне кажется, в нашей стране, если обращаться к практике, важно учитывать то, что у нас есть разные общества, очень разные общества, и есть разные представления о том, что такое права человека и право на самоопределение. Не случайно есть такой документ — проект Декларации прав коренных народов, который не принят (может быть, он никогда не будет принят, но он важен как прецедент) и там самоопределение в значительной степени рассматривается как самоуправление. Может быть, это связано с тем, что представителей этих народов мало и они не навязывают никогда свою волю кому-то, — они хотят самоопределяться внутри себя. И, соответственно, пользоваться самоуправлением.

Я хочу вам просто напомнить одну мысль Ю. Домбровского, которая произвела на меня сильное впечатление. Герой в «Факультете ненужных вещей» увидел, как следователь подделал факты, чтобы доказать вину уголовного, и понял, что если тот пользуется нечистыми методами по отношению к уголовнику, то может проявить это и по отношению к любому другому человеку и к нему самому. И так же каждый из нас, когда он думает о самоопределении, он, мне кажется, должен подумать, хочет ли он сам и может ли воспользоваться этим правом? Вот вы сказали, что вы — украинец, живущий в России. У вас есть возможность учить ваших детей, если вы хотите, украинскому языку в школе? Вероятно, нет. Хорошо, вас это не волнует — вы хотите, чтобы они знали только русский язык. Но если человека это волнует и он хочет, чтобы его сын и внук стали оленеводами, — есть ли у него такая возможность в нашей стране? И не является ли это нарушением прав человека, если какие-то люди, которые заняли здесь государственные должности, за него это решают?

О.Белгородцев. Я хотел бы продолжить тему, затронутую предыдущими ораторами, — как использует политическая властная олигархия национальные движения, стремление народа к самоопределению.

Когда мы говорим вообще о самоопределении народа, на мой взгляд, это хорошо согласуется с процессами где-то в Квебеке, в Шотландии, но как только мы переходим на среднерусскую полосу, на Поволжье, конкретно на мой Татарстан, то здесь речь скорее пойдет о самоопределении властной элиты — бывших секретарей обкомов. О том, как они добиваются бесконтрольности своего существования на основании использования национальных движений.

Есть ли в Татарстане национальные движения татарские в чистом виде? Да, есть! Может быть, они захватывают не весь татарский народ целиком. Татар в Татарстане 52% населения, 44% — русских. Не все татары желают самоопределения в крайних формах выхода из России, но часть политической татарской элиты действительно к этому стремится.

В 1991 году в Татарстане был проведен референдум, на котором жителям Татарстана было предложено ответить на вопрос: «Согласны ли вы, что Татарстан суверенное государство, субъект международного права, ассоции-

рованное с Россией». Большинство татарстанцев, где-то около 52%, ответили, что да, мы согласны с этой формулировкой. В крупных городах, где проводился контроль за референдумом, большинство высказались против.

Результаты референдума позволили политической элите Татарстана, а конкретно Минтемеру Шаймиеву и его окружению, использовать максимально все выгоды от сложившейся в тот момент ситуации, и прежде всего для укрепления собственной власти. Татарстан в 1991–1992 годах практически перестал платить налоги России. Вышел указ Шаймиева о том, чтобы продукты Татарстана не вывозились за пределы республики. В то же время из России шли деньги на пенсии, учебные заведения и прочее. Благодаря этому жизнь в Татарстане стала просто прекрасной: продукты стали в три-четыре раза дешевле, чем в Москве, я сам возил в то время сыр и масло в Москву своим друзьям.

В Татарстане началась приватизация совершенно по другой схеме, чем в России. Контрольный пакет всех акций оставался в руках государства. Если по закону России государство имеет право только 40% оставить у себя, то у нас так получилось, что все 60% акций остались в руках государства.

Депутатский корпус должен был стать совершенно послушным, чтобы он не задавал вопросов, как это было в 1990 году, когда на волне демократизации все-таки в Верховный Совет Татарстана прошло около 10% противников Шаймиева, в том числе Фавзия Байрамова и «так называемые», как их уже привыкли называть, демократы.

Власти нужно было их выгнать из депутатского корпуса. Поэтому в 1995 году, когда проводились новые выборы в Государственный Совет республики (Верховный Совет стал называться Госсоветом Республики Татарстан), произошли крупные нарушения избирательных процедур, такие, что даже Государственная дума РФ приняла специальное решение о фактах грубейшего нарушения российского законодательства на выборах в Татарстане, а заодно и в Башкортостане.

Сейчас в Госсовете Татарстана из 130 депутатов у 125 должности называются так — генеральный директор, глава администрации, в лучшем случае просто директор или главврач. В парламенте есть только один представитель национального движения, один представитель демократического движения и один представитель коммунистов.

Национальная культура благодаря политике Шаймиева действительно развивается. Развивается татарский язык. Может быть, не столько естественным, сколько несколько насильственным образом.

Сейчас в Татарстане идет процесс мягкого вхождения в тоталитаризм. Все демократические нормы и законы, которые были раньше, сейчас ликвидируются. Новый закон о гражданстве запрещает быть гражданами РТ всем тем, кто выступает против суверенитета Татарстана. Сейчас проходит через Госсовет новый закон о референдуме, который, в сущности, не позволяет контролировать результаты волеизъявления.

Единственная надежда у меня на то, что президент Шаймиев и председатель Госсовета Татарстана Василий Лихачев все-таки стремятся в глазах мирового сообщества выглядеть цивилизованными людьми. И именно поэтому они сохраняют внешние рамки приличия, необходимые для демократического государства.

О.Орлов. Маленькая реплика. Вы говорили о режиме Шаймиева, но абсолютно аналогичные режимы, с аналогичной моделью поведения мы видим в массе других субъектов федерации, во вполне русских областях. Наздратенко — лучший пример. И в данном случае надо говорить не о процессе, обусловленном национальным самоопределением, а, скорее, об общей тенденции, проявляющейся в разных регионах, но приобретающей в республиках внешнюю «национальную» окраску.

О.Косорез. Я юрист, но занимаюсь не вопросами общества как организации, а целиком занята, с моей точки зрения, правозащитной деятельностью, правда, не являясь членом правозащитной группы, — я занимаюсь конкретной защитой конкретных прав конкретных людей, работаю в единственном числе по собственной концепции, то есть — кошка, гуляющая сама по себе.

Здесь уже много противопоставлялись общественное, общее, коллективное право и личное право. Некоторыми выступающими выдвигалась мысль, что для защиты коллективного права или общего права на самоопределение надо сначала защитить личные права, а чтобы защитить личные права каждого человека, надо, чтобы этот каждый человек знал свои права, а вот это-то в постсоветском обществе полностью отсутствует.

Ни на миг нельзя забывать, что в советском (читай — коммунистическом) обществе, по известному выражению «отца народов», все граждане были лишь «винтиками», не государство служило своим гражданам, а наоборот. С этой целью долгие годы главной политикой в отношении живых людей была политика нивелирования, превращения всех в послушных, не умеющих самостоятельно думать и практически слепых людей. Отношение любого представителя власти, государственной или компартийной (что идентично), отвечало формуле: я начальник, ты дурак! И в результате страх за свою жизнь, страх попасть в лагерь или психушку, если «высунуться», начать «качать права», глубоко укоренившийся в душах советских людей, не прошел. В этом меня убедила работа с людьми начиная с 1989 года и по сей день.

Убеждена, что кровавая бойня «за государственную целостность России», «за восстановление конституционного порядка» и пр. могла начаться именно потому, что рядовые граждане нашей страны еще не знают своих естественных прав, таких, как право на жизнь, — в первую очередь, не знают своих прав, которые перечислены даже в имеющейся Конституции и ею должны охраняться. Не знают, что каждый не только имеет право думать и принимать решения, но и обязан это делать. И надо всегда помнить, что сейчас на всех уровнях власти, как представительной, так и исполнительной и судебной, за единичными исключениями стоят большей частью лишь перекрашенные в демократов, но не изменившие своим коммунистическим приверженностям бывшие номенклатурщики. Все это дало и продолжает давать возможность по-прежнему фальсифицировать любые итоги любых выборов, референдумов, голосований, ссылаться на мнение «коллективов трудящихся» и пр. Мы, если и начали строить демократическое государство, то стоим еще у самого начала этого строительства, в начале первого цикла.

Именно поэтому я убеждена, что достижение любых демократических преобразований, будь то признание права отдельных сообществ на самоопределение и его реализация или просто постепенная демократизация всего государст-

венного строя, всего общества, невозможно без предварительного «хождения к народу», то есть без широкой пропаганды, широкого ознакомления всех граждан, всего населения и каждого рядового гражданина с его естественными правами и правами, провозглашенными и защищаемыми Конституцией.

Из всех принятых за последние годы законов я считаю только один более или менее демократическим. Это Закон «Об обжаловании в суд действий и решений, нарушающих права и свободы граждан», на основании которого любой гражданин может обжаловать в суд любое конкретное действие или бездействие любого должностного лица, учреждения или организации любого уровня, нарушившего право гражданина. Закон вступил в силу с мая 1993 года, дополнения и изменения в него внесены в декабре 1995 года, он опубликован в «Ведомостях Съезда народных депутатов РФ и Верховного Совета РФ» за 1993 год (№ 19, ст.685) и в «Собрании законодательства РФ» за 1995 год (№ 51, ст.4970). Этот закон работает и позволяет любому гражданину защитить себя от произвола, но практически никто его не знает, как не знает и своих прав.

Я рада, что здесь много представителей отдаленных регионов России и бывших советских республик. Они, возможно, имеют меньше информации, чем «западники», и хочу, чтобы все восприняли мою идею необходимости налаживания широкой пропаганды и работы с конкретными людьми, чтобы каждый знал свои человеческие и гражданские права и обязанности. Под последним имею в виду восстановить нормальную человеческую способность самостоятельно мыслить, принимать решения и добиваться их реализации не как стадо, а как цивилизованное общество, при этом не забывая, что «моя свобода кончается там, где она вступает в конфликт со свободой соседа» — это тоже закон общественного бытия, который у нас вступает в конфликт с эйфорией от самого слова «свобода».

И когда каждый гражданин будет знать свои права и как их защищать цивилизованно, настанет время так же цивилизованно, то есть без кровавых «разборок», ставить и решать вопросы коллективного права, которые возникают и будут обоснованы учеными-специалистами. Они от своей науки не должны уходить, но основная масса правозащитников должна сначала начать защищать и научиться защищать конкретных людей.

Я также убеждена, что прекратить гражданскую войну в Чечне (а иначе я не могу назвать эту бойню) удалось не потому, что этого захотели те, кто ее начал, а потому, что наконец громко и активно зазвучал действительно массовый общественный протест всех тех, кто осознал свои естественные и гражданские права и обязанности.

А.ОСИПОВ

Заключительное слово

За эти два дня мы выслушали несколько очень интересных докладов и провели весьма содержательную дискуссию. Особенно радует то, что все мы старались дискутировать, оставаясь по крайней мере в рамках одной систе-

мы ценностей и общей системы понятий. Кажется, нам это неплохо удалось. Между нами обнаружилось значительное расхождение во мнениях, но это и ожидалось. Эти расхождения касаются главным образом вопроса о вкладе национализма и национальных движений в ситуацию с правами человека. Хочу пожелать, чтобы ответ на этот вопрос добывался только в теоретических дебатах, а не в ходе практических экспериментов, цена которых, как замечено, бывает непомерно высокой.

Я не могу отделаться от легкого чувства досады. Политики и, особенно, деятели национальных движений навязывают нам обсуждение проблем, в том числе пресловутых «прав народов», «групповых прав», которые не имеют прямого отношения к жизни так называемых простых людей и к защите прав человека, если речь не идет о гуманитарном праве вооруженного конфликта. Мы вынуждены реагировать на вызов извне, но при этом упускаем важнейшие для нашего общества сюжеты, прежде всего проблемы этнической, религиозной, расовой и языковой дискриминации и вопросы обеспечения эффективного равноправия. У нас огромная страна с очень сложным по составу населением, но реальная проблема дискриминации до сих пор остается не только не осмысленной, но даже не заслужившей минимального внимания общества. Государству это, разумеется, неинтересно, а со стороны академического сообщества доносится только фарисейский лепет об «оптимизации межнациональных отношений» и о «создании условий для свободного развития всех народов». Надеюсь, поняв логику и язык идеи групповых прав и самоопределения, мы можем с более ясной головой отделять реальные проблемы от надуманных и заниматься только первыми.

Хочу злоупотребить правами руководителя проекта и в завершение сказать еще одну вещь, которая мне кажется чрезвычайно важной именно для правозащитников, намного более важной, чем теоретический спор вокруг содержания идеи «права народов на самоопределение».

Нравится нам это или нет, сложился определенный язык, возникла определенная терминология, и определенные идеи нашли воплощение в документах, принятых международными организациями. Эти документы декларируют право народов на самоопределение и некоторые другие групповые права. Эти идеи интерпретируются на практике таким образом, что возникают конфликты и создаются неправовые ситуации, хочется это профессиональному сообществу юристов или нет.

Очень важно, чтобы смысл дискуссий, подобных нашей, — «за самоопределение» или «против самоопределения» — был правильно понят. Есть мнение (неважно, несущее положительную или отрицательную оценку), что противники идеи самоопределения всего-навсего трясутся из-за пресловутой территориальной целостности. Конечно, есть люди, живущие по принципу «была бы страна большая», но проблема заключается не в сепаратизме, а в использовании принципа революционной целесообразности и в нарушениях прав человека во имя этого принципа. С другой стороны, стремление занять такую позицию, которая не означала бы поддержку национальных движений, воспринимается многими как вмешательство в политику или, конкретнее, как шаг в сторону политизации правозащитного движения. Думаю, это неверно. Нужно считаться с тем, что идея «права на самоопределение»

вошла в единый пакет международных документов, описывающих права человека. Ее применение есть чистая политика — этнические конфликты, борьба за власть и вмешательство извне в дела независимого государства — но прикрывающаяся правозащитной фразеологией. И приходится думать о том, как противодействовать этому.

Правозащитное движение в России уже заработало себе сомнительную репутацию, и я бы не стал высокомерно от этого отмахиваться и говорить в том духе, что, вот, дескать, какой темный у нас народ. Не в последнюю очередь это случилось потому, что правозащитники в глазах многих отождествляются с «демшизой» и воспринимаются как ближайшие друзья «периферийных» националистов. Отмежеваться от «демшизы» — важная задача и, в частности, одна из задач этого семинара. Но возникает одна очень серьезная проблема.

В основе правозащитного движения в России и в бывшем Советском Союзе лежит один миф. Миф о том, что есть такой институт, как международное право, которое представляет собой некий моральный и юридический абсолют, наивысший и непререкаемый авторитет. Этот миф живет едва ли не с 60-х годов, а в конце 80-х, с началом перестройки и курсом на «общечеловеческие ценности» он получил еще и широкое распространение в массах. Тогда самые разные силы звали к «опыту цивилизованных стран» и к «международным стандартам», а крупным авторитетом считался любой заезжий иностранец.

Все это совершенно понятно и естественно, потому что действительно нужна не зависящая от определенной религии, от политической идеологии, от государства, от любой конъюнктуры абсолютная референтная система, система ценностей и ориентиров, к которой можно было бы апеллировать в разных сложных ситуациях.

Постсоветское общество не имеет ясных ориентиров. Государства, в которых мы живем, не правовые, в них часто не соблюдаются законы и нарушаются права человека. В известной мере проще жить и работать в тех странах (Латвии, России, Украине, Грузии), где уже есть какие-то демократические институты и заметна какая-то, пусть медленная эволюция, скажем, к стандартам, принятым в западных странах, кои мы именуем цивилизованными. Гораздо сложнее правозащитникам, живущим в государствах, где сложились авторитарные и диктаторские режимы. И люди, для которых понятия «законность», «право», «права и достоинство личности» не пустой звук, не находят опоры ни внутри системы власти, ни в обществе. В похожем положении оказывались и оказываются те, кому приходилось и приходится противостоять диктатурам в странах «третьего мира» и кто не хочет при этом брать за оружие.

Приходится искать поддержку во внешнем мире, прежде всего моральную и идеологическую. Возникает потребность в системе ценностей, стоящей вне критики и над идеологиями. В такой роли выступает международное право и те его разделы, которые посвящены правам человека. Но мы прекрасно понимаем, что документы международных организаций разрабатывали и принимали не божества, а люди, и делали это в конкретной политической обстановке, под давлением политической и какой угодно кон-

ъюнктуры. Их мышление зависело от культурного контекста, устоявшейся системы понятий, от идеологических традиций и пр.

В пакете международных норм и рекомендаций, относящихся к правам человека, оказались самые разные идеи, и многие из них, если их рассматривать как инструмент защиты индивидов, выглядят несовершенно и уязвимыми для критики, а некоторые, с этой же точки зрения, играют просто деструктивную роль. Я имею в виду, конечно, идеи групповых прав, в том числе «право на самоопределение», идею «специальных прав» «коренных» народов и лиц, к ним относящихся, прав, признаваемых именно в силу давности проживания определенных этнических групп на определенной территории в отличие от других коллективов, живущих на ней же (именно так можно трактовать Ст.1 Конвенции 169 МОТ). Конвенция 169 не затрагивает политические вопросы и содержит оговорку, что понятие «народы» в ее контексте является условным и не влекущим соответствующих международных-правовых последствий, но ведь сдвиг в сторону этнонационалистической трактовки отношений между «коренным» и «некоренным» населением является совершенно очевидным.

Что делать? Правозащитный пакет един. Заявить о том, что мы относимся к разным положениям избирательно? Что-то признаем, что-то не признаем? Это выглядит не очень солидно: если не признавать по каким-то соображениям одну часть этих деклараций, то почему, собственно, надо признавать другие, и какие можно предъявлять претензии к властям, которые тоже по своим соображениям заявляют о нецелесообразности применения тех или иных норм на своей территории? Выступать за пересмотр каких-то положений? Это рискованно, такой процесс можно начать, но неясно, куда он покатится в результате.

Что получается: есть миф, который опасно и разрушать, и охранять. Не обращать внимания тоже невозможно, потому что жизнь не стоит на месте, декларируются и внедряются в сознание все новые идеи, и совсем не безобидные. Идея «права на самоопределение» получает все более широкое толкование. Вслед за уже упомянутой Конвенцией 169 МОТ готовится проект Декларации ООН о правах коренных народов, пронизанный самой настоящей этнонационалистической риторикой. Там, как и в Конвенции 169, приводится такое определение коренного населения, под которое можно подвести очень и очень разные культурно-отличительные группы, совсем не обязательно тех, кто пасет оленей или собирает червячков. При определенном желании этим документом можно оправдать действия, направленные на дискриминацию какой-то части населения и на создание политического режима, правящего от имени меньшинства.

Как быть? Я, например, пока не вижу ответа на этот вопрос. Думаю, здесь остается большое пространство для дальнейших дискуссий.

ПРИЛОЖЕНИЯ

ИЗВЛЕЧЕНИЯ ИЗ ДОКУМЕНТОВ ОРГАНИЗАЦИИ ОБЪЕДИНЕННЫХ НАЦИЙ И МЕЖДУНАРОДНОЙ ОРГАНИЗАЦИИ ТРУДА

УСТАВ ОРГАНИЗАЦИИ ОБЪЕДИНЕННЫХ НАЦИЙ¹

Глава I. ЦЕЛИ И ПРИНЦИПЫ

Статья 1. Организация Объединенных Наций преследует цели:

1. Поддерживать международный мир и безопасность и с этой целью принимать эффективные коллективные меры для предотвращения и устранения угрозы миру и подавления актов агрессии или других нарушений мира и проводить мирными средствами, в согласии с принципами справедливости и международного права, улаживание или разрешение международных споров или ситуаций, которые могут привести к нарушению мира;

2. Развивать дружественные отношения между нациями на основе уважения принципа равноправия и самоопределения народов, а также принимать другие соответствующие меры для укрепления всеобщего мира;

3. Осуществлять международное сотрудничество в разрешении международных проблем экономического, социального, культурного и гуманитарного характера и в поощрении и развитии уважения к правам человека и основным свободам для всех, без различия расы, пола, языка и религии;

4. Быть центром для согласования действий наций в достижении общих целей. <...>

Глава IX. МЕЖДУНАРОДНОЕ ЭКОНОМИЧЕСКОЕ И СОЦИАЛЬНОЕ СОТРУДНИЧЕСТВО

Статья 55. С целью создания условий стабильности и благополучия, необходимых для мирных и дружественных отношений между нациями, основанных на уважении принципа равноправия и самоопределения народов, Организация Объединенных Наций содействует:

а) повышению уровня жизни, полной занятости населения и условиям экономического и социального прогресса и развития;

б) разрешению международных проблем в области экономической, социальной, здравоохранения и подобных проблем; международному сотрудничеству в области культуры и образования;

с) всеобщему уважению и соблюдению прав человека и основных свобод для всех, без различия расы, пола, языка и религии.

Глава XI. ДЕКЛАРАЦИЯ В ОТНОШЕНИИ НЕСАМОУПРАВЛЯЮЩИХСЯ ТЕРРИТОРИЙ

Статья 73. Члены Организации Объединенных Наций, которые несут или принимают на себя ответственность за управление территориями, народы которых не

¹ Принят в 1945 году.

достигли еще полного самоуправления, признают тот принцип, что интересы населения этих территорий являются первостепенными, и, как священный долг, принимают обязательство максимально способствовать благополучию населения этих территорий в рамках системы международного мира и безопасности, установленной настоящим Уставом, и с этой целью:

а) обеспечивать, соблюдая должное уважение к культуре указанных народов, их политический, экономический и социальный прогресс, прогресс в области образования, справедливое обращение с ними и защиту их от злоупотреблений;

б) развивать самоуправление, учитывать должным образом политические стремления этих народов и помогать им в прогрессивном развитии их свободных политических институтов в соответствии со специфическими обстоятельствами, присущими каждой территории и ее народам, и с их разными ступенями развития;

с) укреплять международный мир и безопасность;

д) способствовать развитию созидательных мероприятий, поощрять исследования и сотрудничать друг с другом и, где и когда это уместно, со специализированными международными организациями ради практического достижения изложенных в настоящей статье социальных, экономических и научных целей <...>

Глава XII. МЕЖДУНАРОДНАЯ СИСТЕМА ОПЕКИ

Статья 75. Организация Объединенных Наций создает под своим руководством международную систему опеки для управления теми территориями, которые могут быть включены в нее последующими индивидуальными соглашениями, и для наблюдения за этими территориями.

МЕЖДУНАРОДНЫЙ ПАКТ ОБ ЭКОНОМИЧЕСКИХ, СОЦИАЛЬНЫХ И КУЛЬТУРНЫХ ПРАВАХ¹

ЧАСТЬ 1

Статья 1.

1. Все народы имеют право на самоопределение. В силу этого права они свободно устанавливают свой политический статус и свободно обеспечивают свое экономическое, социальное и культурное развитие.

2. Все народы для достижения своих целей могут свободно распоряжаться своими естественными богатствами и ресурсами без ущерба для каких-либо обязательств, вытекающих из международного экономического сотрудничества, основанного на принципе взаимной выгоды, и из международного права. Ни один народ ни в коем случае не может быть лишен принадлежащих ему средств существования.

3. Все участвующие в настоящем Пакте государства, в том числе те, которые несут ответственность за управление несамоуправляющимися и подопечными территориями, должны в соответствии с положениями Устава

¹ Принят в 1966 году. Международный Пакт о политических и гражданских правах содержит ту же формулировку Ст.1.

Организации Объединенных Наций поощрять осуществление права на самоопределение и уважать это право.

ЧАСТЬ 2

Статья 2. <...>

2. Участвующие в настоящем Пакте государства обязуются гарантировать, что права, провозглашенные в настоящем Пакте, будут осуществляться без какой бы то ни было дискриминации, как-то: в отношении расы, цвета кожи, пола, языка, религии, политических или иных убеждений, национального или социального происхождения, имущественного положения, рождения или иного обстоятельства.

КОНВЕНЦИЯ МЕЖДУНАРОДНОЙ ОРГАНИЗАЦИИ ТРУДА № 169 О КОРЕННЫХ НАРОДАХ И НАРОДАХ, ВЕДУЩИХ ПЛЕМЕННОЙ ОБРАЗ ЖИЗНИ, В НЕЗАВИСИМЫХ СТРАНАХ¹

Раздел I. ОБЩАЯ ПОЛИТИКА

Статья 1.

1. Настоящая Конвенция применяется:

а) к народам, ведущим племенной образ жизни, в независимых странах, социальные, культурные и экономические условия которых отличают их от других групп национального сообщества и развитие которых регулируется полностью или частично их собственными обычаями или традициями, или специальным законодательством;

б) к народам в независимых странах, которые рассматриваются как коренные ввиду того, что они являются потомками тех, кто населял страну или географическую область, частью которой является данная страна, во времена ее завоевания или колонизации или установления существующих государственных границ, которые, независимо от своего правового статуса, сохраняют некоторые или все свои социальные, экономические, культурные и политические институты.

2. Сознание своей принадлежности к коренным или ведущим племенной образ жизни народам рассматривается как основополагающий критерий для определения групп, к которым применяются положения настоящей Конвенции.

3. Использование термина «народы» в настоящей Конвенции не рассматривается как несущее какой-либо смысл в отношении прав, могущих заключаться в этом термине по условиям других международных правовых актов <...>

Статья 3.

1. Коренные и ведущие племенной образ жизни народы в полной мере беспрепятственно и без дискриминации пользуются правами человека и основными свободами <...>

2. Никакие формы применения силы или принуждения не используются в нарушение прав человека и основных свобод соответствующих народов <...>

¹ Принята МОТ в 1989 году.

Статья 4.

1. В случае необходимости применяются специальные меры для охраны лиц, институтов, собственности, труда, культуры и окружающей среды соответствующих народов.

2. Такие специальные меры не противоречат свободно выраженной воле соответствующих народов.

3. Такие специальные меры никоим образом не наносят ущерба пользованию без дискриминации основными правами гражданина. <...>

Статья 7.

1. Соответствующие народы имеют право решать вопрос выбора собственных приоритетов для процесса развития, поскольку он затрагивает их жизнь, убеждения, территории, учреждения и духовное благополучие, и осуществлять контроль, по мере возможности, за собственным экономическим, социальным и культурным развитием. Кроме того, они участвуют в подготовке, осуществлении и оценке планов и программ национального и регионального развития, которые могут затрагивать их непосредственно.

Статья 8.

2. Эти народы имеют право сохранять собственные обычаи и институты, если они не противоречат основным правам, как они определены национальной юридической системой, и признанным на международном уровне правам человека. При необходимости устанавливаются процедуры для разрешения конфликтов, могущих возникнуть при применении данного принципа.

ДЕКЛАРАЦИЯ О ПРЕДОСТАВЛЕНИИ НЕЗАВИСИМОСТИ КОЛОНИАЛЬНЫМ СТРАНАМ И НАРОДАМ¹

1. Подчинение народов иностранному игу и господству и их эксплуатация являются отрицанием основных прав человека, противоречат Уставу Организации Объединенных Наций и препятствуют развитию сотрудничества и установлению мира во всем мире;

2. Все народы имеют право на самоопределение; в силу этого права они свободно устанавливают свой политический статус и осуществляют свое экономическое, социальное и культурное развитие;

3. Недостаточная политическая, экономическая и социальная подготовленность или недостаточная подготовленность в области образования никогда не должны использоваться как предлог для достижения независимости;

4. Любые военные действия или репрессивные меры какого бы то ни было характера, направленные против зависимых народов, должны быть прекращены с тем, чтобы предоставить им возможность осуществить в условиях мира и свободы свое право на полную независимость; а целостность их национальных территорий должна уважаться;

5. В подопечных и самоуправляющихся территориях, а также во всех других территориях, еще не достигших независимости, должны быть незамедлительно приняты меры для передачи всей власти народам этих территорий, в соответствии со свободно выраженной ими волей и желанием, без

¹ Резолюция Генеральной Ассамблеи ООН 1514 (XV), принята 14 декабря 1960 года.

каких бы то ни было условий или оговорок и независимо от расы, религии или цвета кожи с тем, чтобы предоставить им возможность пользоваться полной независимостью и свободой;

6. Всякая попытка, направленная на то, чтобы частично или полностью разрушить национальное единство и территориальную целостность страны, несовместима с целями и принципами Устава Организации Объединенных Наций;

7. Все государства должны строго и добросовестно соблюдать положения Устава Организации Объединенных Наций, Всеобщей декларации прав человека и настоящей Декларации на основе равенства, невмешательства во внутренние дела всех государств, уважения суверенных прав всех народов и территориальной целостности их государств.

ДЕКЛАРАЦИЯ О НЕДОПУСТИМОСТИ ВМЕШАТЕЛЬСТВА ВО ВНУТРЕННИЕ ДЕЛА ГОСУДАРСТВ, ОБ ОГРАЖДЕНИИ ИХ НЕЗАВИСИМОСТИ И СУВЕРЕНИТЕТА¹

<...> все государства должны уважать право народов и наций на самоопределение и независимость, и это право должно осуществляться свободно и без какого-либо внешнего давления и при полном соблюдении прав человека и основных свобод.

ДЕКЛАРАЦИЯ СОЦИАЛЬНОГО ПРОГРЕССА И РАЗВИТИЯ²

Часть 1. ПРИНЦИПЫ

Статья 1. Все народы и все люди, независимо от расы, цвета кожи, пола, языка, вероисповедания, национальности, этнического происхождения <...> имеют право жить в достойных условиях и в условиях свободы и пользоваться плодами социального прогресса и должны со своей стороны способствовать ему.

Статья 2. Социальный прогресс и развитие основываются на уважении достоинства и ценности человеческой личности и обеспечивают развитие прав человека и социальной справедливости, что требует:

а) незамедлительной и окончательной ликвидации всех форм неравенства, эксплуатации народов и отдельных лиц, колониализма, расизма, включая нацизм и апартеид, и всякой иной политики и идеологии, противоречащих целям и принципам Организации Объединенных Наций;

б) признания и эффективного осуществления гражданских и политических прав, а также экономических, социальных и культурных прав без всякой дискриминации.

Статья 3. Основными условиями социального прогресса и развития считаются:

а) национальная независимость, основанная на праве народов на самоопределение;

б) принцип невмешательства во внутренние дела государств;

с) уважение суверенитета и территориальной целостности государств;

¹ Резолюция Генеральной Ассамблеи ООН 2131 (XX), принята 21 декабря 1965 года.

² Резолюция Генеральной Ассамблеи ООН 2542 (XXIV), принята 11 декабря 1969 года.

д) неотъемлемый суверенитет каждого государства над своими природными богатствами и ресурсами;

е) право и ответственность каждого государства и в той степени, в какой это касается каждой нации и народа, свободно определять свои собственные цели социального развития, устанавливать свой порядок очередности и определять, в соответствии с принципами Устава Организации Объединенных Наций, средства и методы их достижений без всякого вмешательства извне;

ф) мирное сосуществование, мир, дружественные отношения и сотрудничество государств независимо от различий между их социальными, экономическими и политическими системами.

ОСНОВНЫЕ ПРИНЦИПЫ ПРАВОВОГО РЕЖИМА КОМБАТАНТОВ, БОРЮЩИХСЯ ПРОТИВ КОЛОНИАЛЬНОГО И ИНОСТРАННОГО ГОСПОДСТВА И РАСИСТСКИХ РЕЖИМОВ¹

1. <...> борьба народов, находящихся под колониальным и иностранным господством и игом расистских режимов, за осуществление своего права на самоопределение и независимость является законной и полностью соответствует принципам международного права.

2. <...> любые попытки подавить борьбу против колониального и иностранного господства расистских режимов несовместимы с Уставом Организации Объединенных Наций, Декларацией о принципах международного права, касающихся дружественных отношений и сотрудничества между государствами в соответствии с Уставом ООН, Всеобщей декларацией прав человека и Декларацией о предоставлении независимости колониальным странам и народам и представляют собой угрозу международному миру и безопасности.

ДЕКЛАРАЦИЯ О ПРИНЦИПАХ МЕЖДУНАРОДНОГО ПРАВА, КАСАЮЩИХСЯ ДРУЖЕСТВЕННЫХ ОТНОШЕНИЙ И СОТРУДНИЧЕСТВА МЕЖДУ ГОСУДАРСТВАМИ В СООТВЕТСТВИИ С УСТАВОМ ОРГАНИЗАЦИИ ОБЪЕДИНЕННЫХ НАЦИЙ²

ПРИНЦИП РАВНОПРАВИА И САМООПРЕДЕЛЕНИЯ НАРОДОВ

<...> все народы имеют право свободно определять без вмешательства извне свой политический статус и осуществлять свое экономическое, социальное и культурное развитие, и каждое государство обязано уважать это право <...>

Каждое государство обязано содействовать с помощью совместных и самостоятельных действий осуществлению принципа равноправия и самоопределения народов в соответствии с положениями Устава и оказывать помощь Организации Объединенных Наций в выполнении обязанностей, возложенных на нее Уставом в отношении осуществления данного принципа с тем, чтобы:

¹ Резолюция Генеральной Ассамблеи ООН 3103 (XXVIII), принята 12 декабря 1973 года.

² Резолюция Генеральной Ассамблеи ООН 2625 (XXV), принята 24 октября 1970 года.

а) способствовать дружественным отношениям и сотрудничеству между государствами;

и

б) незамедлительно положить конец колониализму, проявляя должное уважение к свободно выраженной воле заинтересованных народов, а также имея в виду, что подчинение народов иностранному игу, господству и эксплуатации является нарушением настоящего принципа, равно как и отказом в основных правах человека, и противоречит Уставу Организации Объединенных Наций. <...>

Создание суверенного и независимого государства, свободное присоединение к независимому государству или объединение с ним, или установление любого другого политического статуса, свободно определенного народом, являются способами осуществления этим народом права на самоопределение.

Каждое государство обязано воздерживаться от любых насильственных действий, лишающих народы <...> их права на самоопределение, свободу и независимость. В своих действиях против таких насильственных мер и в сопротивлении им эти народы, добиваясь осуществления своего права на самоопределение, вправе испрашивать и получать поддержку в соответствии с целями и принципами Устава Объединенных Наций <...>

ХАРТИЯ ЭКОНОМИЧЕСКИХ ПРАВ И ОБЯЗАННОСТЕЙ ГОСУДАРСТВ¹

Глава 1. ОСНОВЫ ЭКОНОМИЧЕСКИХ ОТНОШЕНИЙ

Экономические, а также политические и другие отношения между государствами будут регулироваться, среди прочего, следующими принципами:

- а) суверенитет, территориальная целостность и политическая независимость государств;
- б) суверенное равенство всех государств;
- в) ненападение;
- г) невмешательство;
- д) взаимная и справедливая выгода;
- е) мирное сосуществование;
- ж) равноправие и самоопределение народов;
- з) мирное урегулирование споров;
- и) устранение несправедливостей, возникающих в результате применения силы, которые лишают какую-либо нацию естественных средств, необходимых для ее нормального развития;
- й) добровольное выполнение международных обязательств;
- к) уважение прав человека и основных свобод;
- л) отсутствие стремления к гегемонии и сферам влияния;
- м) содействие международной социальной справедливости;
- н) международное сотрудничество в целях развития <...>

¹ Резолюция Генеральной Ассамблеи ООН 2925 (XXIV), принята 12 декабря 1974 года.

ДЕКЛАРАЦИЯ О ВОСПИТАНИИ НАРОДОВ В ДУХЕ МИРА¹

I

1. Все народы и все люди, независимо от расы, убеждений, языка и пола, обладают неотъемлемым правом на жизнь в мире. Уважение этого права, а также других прав человека отвечает общим интересам всего человечества и является неотъемлемым условием развития всех народов, больших и малых, во всех областях; <...>

5. Каждое государство обязано соблюдать право всех народов на самоопределение, независимость, равенство, суверенитет, территориальную целостность государств и на неприкосновенность их границ, включая право на определение собственного пути развития без какого-либо вмешательства в их внутренние дела; <...>

7. Каждое государство обязано пресекать любые проявления и практику колониализма, а также расизма, расовой дискриминации и апартеида как противоречащих праву народов на самоопределение и другим правам человека и основным свободам;

8. Каждое государство обязано пресекать пропаганду ненависти и предвзятого отношения к другим народам как противоречащую принципам мирного сосуществования и дружественного сотрудничества.

ДЕКЛАРАЦИЯ О ПРАВЕ НА РАЗВИТИЕ²

Статья 1.

1. Право на развитие является неотъемлемым правом человека, в силу которого каждый человек и все народы имеют право участвовать в таком экономическом, социальном, культурном и политическом развитии, при котором могут быть полностью осуществлены все права человека и основные свободы, а также содействовать ему и пользоваться его благами.

2. Право человека на развитие предполагает также осуществление в полной мере права народов на самоопределение, которое включает, согласно соответствующим положениям обоих Международных пактов о правах человека, осуществление их неотъемлемого права на полный суверенитет над всеми своими природными богатствами и ресурсами.

Статья 2. <...>

2. Все люди несут ответственность за развитие в индивидуальном и коллективном плане с учетом необходимости полного уважения прав человека и основных свобод, а также своих обязанностей перед обществом, которое только и может обеспечить свободное и полное развитие человеческой личности, и поэтому они должны поощрять и защищать соответствующий политический, социальный и экономический порядок, необходимый для развития. <...>

¹ Резолюция Генеральной Ассамблеи ООН 33/73, принята 15 декабря 1978 года.

² Резолюция Генеральной Ассамблеи ООН 41/128, принята 4 декабря 1985 года.

Статья 5.

Государства должны принимать решительные меры, направленные на ликвидацию массовых и грубых нарушений прав человека, народов и лиц, затрагиваемых такими ситуациями, которые являются результатом апартеида, всех форм расизма и расовой дискриминации, колониализма, иностранного господства и оккупации, агрессии, иностранного вмешательства и угроз национальному суверенитету, национальному единству и территориальной целостности, угрозы войны и отказа признать основополагающее право народов на самоопределение.

Статья 6. <...>

3. Государства должны принимать меры в целях ликвидации препятствий на пути развития, возникающих в результате несоблюдения гражданских и политических прав, а также экономических, социальных и культурных прав.

ВЕНСКАЯ ДЕКЛАРАЦИЯ И ПРОГРАММА ДЕЙСТВИЙ¹

I

1. Всемирная конференция по правам человека подтверждает торжественные обязательства всех государств выполнять их обязанности, содействовать всеобщему уважению и соблюдению, и защите всех прав человека и основных свобод для всех, в соответствии с Хартией Объединенных Наций, другими документами, имеющими отношение к правам человека, международному законодательству. Универсальный характер этих прав и свобод является бесспорным.

Права человека и основные свободы являются первичными во всем человеческом существовании; их защита и поощрение есть первая обязанность правительств.

2. Все народы имеют право на самоопределение. В силу этого права они свободно определяют свой политический статус и свободно следуют по своему пути экономического, социального и культурного развития.

Принимая в расчет особую ситуацию народов, находящихся под колониальной или другими формами господства, Международная конференция по правам человека признает право людей применять любое законное средство в соответствии с Хартией Объединенных Наций, чтобы реализовать их неотъемлемое право на самоопределение. Международная конференция по правам человека рассматривает отказ от права на самоопределение как нарушение прав человека и подчеркивает важность эффективной реализации этого права.

<...> это не должно истолковываться как оправдание или поощрение любого действия, которое сможет расчлнить или ослабить, полностью или частично, территориальную целостность или политическое единство суверенных и независимых государств, исходя из принципа равноправия и самоопределения народов. <...>

5. Все права человека являются универсальными, неделимыми и взаимозависимыми и взаимосвязанными. <...>

¹ Принята Всемирной конференцией по правам человека 25 июня 1993 года.

15. <...> Быстрое и всестороннее искоренение всех форм расизма, расовой дискриминации, ксенофобии и связанной с ними нетерпимости, является первоочередной задачей для международного сообщества <...>

ИЗВЛЕЧЕНИЯ ИЗ РЕГИОНАЛЬНЫХ АКТОВ

ЗАКЛЮЧИТЕЛЬНЫЙ АКТ СОВЕЩАНИЯ ПО БЕЗОПАСНОСТИ И СОТРУДНИЧЕСТВУ В ЕВРОПЕ¹

<...>

а) ДЕКЛАРАЦИЯ ПРИНЦИПОВ, КОТОРЫМИ ГОСУДАРСТВА—УЧАСТНИКИ БУДУТ РУКОВОДСТВОВАТЬСЯ ВО ВЗАИМНЫХ ОТНОШЕНИЯХ

<...>

I. Суверенное равенство, уважение прав, присущих суверенитету

Государства-участники будут уважать суверенное равенство и своеобразие друг друга, а также все права, присущие их суверенитету и охватываемые им, в число которых входит, в частности, право каждого государства на политическое равенство, на территориальную целостность, на свободу и политическую независимость. Они будут также уважать право друг друга свободно выбирать и развивать свои политические и культурные системы, равно как и право устанавливать свои законы и административные правила.

II. Неприменение силы или угрозы силой

Государства-участники будут воздерживаться в их взаимных, как и вообще в их международных отношениях, от применения силы или угрозы силой как против территориальной целостности или политической независимости любого государства, так и каким-либо другим образом, несовместимым с целями Объединенных Наций и с настоящей Декларацией. Никакие соображения не могут использоваться для того, чтобы обосновывать обращение к угрозе силой или к ее применению в нарушение этого принципа. <...>

IV. Территориальная целостность государств

Государства-участники будут уважать территориальную целостность каждого из государств-участников. <...>

VI. Невмешательство во внутренние дела

Государства-участники будут воздерживаться от любого вмешательства, прямого или косвенного, индивидуального или коллективного во внутренние или внешние дела, входящие во внутреннюю компетенцию государства-участника, независимо от их взаимоотношений. <...>

VIII. Равноправие и право народов распоряжаться своей судьбой

Государства-участники будут уважать равноправие и право народов распоряжаться своей судьбой, действуя постоянно в соответствии с целями и

¹ Подписан 1 августа 1975 года.

принципами Устава ООН и соответствующими нормами международного права, включая те, которые относятся к территориальной целостности государства.

Исходя из принципа равноправия и права народов распоряжаться своей судьбой, все народы имеют право в условиях полной свободы определять, когда и как они желают, свой внутренний и внешний политический статус без вмешательства извне и осуществлять по своему усмотрению свое политическое, экономическое, социальное и культурное развитие.

Государства-участники подтверждают всеобщее значение уважения и эффективного осуществления равноправия и права народов распоряжаться своей судьбой для развития дружественных отношений между ними, как и между всеми государствами; они напоминают также о важности исключения любой формы нарушения этого принципа.

**ИТОГОВЫЙ ДОКУМЕНТ ВЕНСКОЙ ВСТРЕЧИ 1986 ГОДА ПРЕДСТАВИТЕЛЕЙ
ГОСУДАРСТВ—УЧАСТНИКОВ СОВЕЩАНИЯ
ПО БЕЗОПАСНОСТИ И СОТРУДНИЧЕСТВУ В ЕВРОПЕ,
СОСТОЯВШЕЙСЯ НА ОСНОВЕ ПОЛОЖЕНИЙ ЗАКЛЮЧИТЕЛЬНОГО АКТА,
ОТНОСЯЩИХСЯ К ДАЛЬНЕЙШИМ ШАГАМ ПОСЛЕ СОВЕЩАНИЯ¹**

ПРИНЦИПЫ

1. Государства-участники вновь подтверждают свою приверженность всем десяти принципам, изложенным в содержащейся в Заключительном акте Декларации принципов <...>

4. Они подтверждают также, что, исходя из принципа равноправия и права народов распоряжаться своей судьбой и согласно соответствующим положениям Заключительного акта, все народы всегда имеют право в условиях полной свободы определять, когда и как они желают, свой внутренний и внешний политический статус без вмешательства извне и осуществлять по своему усмотрению свое политическое, экономическое, социальное и культурное развитие <...>

19. Они будут защищать и создавать условия для поощрения этнической, культурной, языковой и религиозной самобытности национальных меньшинств на своей территории. Они будут уважать свободное осуществление прав лицами, принадлежащими к таким меньшинствам, и обеспечивать их полное равенство с другими.

**АФРИКАНСКАЯ ХАРТИЯ ПРАВ ЧЕЛОВЕКА
И ПРАВ НАРОДОВ²**

Статья 19. Все народы равны, они пользуются одинаковым уважением и имеют равные права. Ничто не оправдывает господство одного народа над другим.

¹ Принят 15 января 1989 года.

² Принята ОАЕ в 1981 году.

Статья 20.

1. Все народы имеют право на существование. Они имеют неоспоримое и неотъемлемое право на самоопределение. Они свободно определяют свой политический статус и осуществляют свое экономическое и социальное развитие в соответствии со свободно избранной ими политикой.

2. Колониальные или угнетаемые народы имеют право освободиться от уз господства путем использования любых средств, признанных международным сообществом.

3. Все народы имеют право на помощь со стороны государств—участников настоящей Хартии в своей освободительной борьбе против иностранного господства будь то политического, экономического или культурного.

Статья 23.

1. Все народы имеют право на национальный международный мир и безопасность. Отношения между государствами регулируются принципами солидарности и дружественных отношений, ясно подтвержденных Уставом ООН и вновь подтвержденных Организацией африканского единства.

**ДЕКЛАРАЦИЯ О КРИТЕРИЯХ ПРИЗНАНИЯ НОВЫХ ГОСУДАРСТВ
В ВОСТОЧНОЙ ЕВРОПЕ И СОВЕТСКОМ СОЮЗЕ¹**

<...> В соответствии с требованиями Европейского Совета министры изучили развитие событий в Восточной Европе и в Советском Союзе, особо имея в виду подход к отношениям с новыми государствами. В связи с этим министры приняли следующие критерии формального признания новых государств <...>

ЕС и другие государства, в него входящие, подтверждают приверженность принципам Заключительного акта, принятого в Хельсинки, и Парижской хартии, в особенности принципу самоопределения. Они подтверждают свою готовность признать <...> те новые государства, которые после исторических изменений в регионе конституировались на демократической основе, приняли соответствующие международные обязательства и по доброй воле готовы участвовать в мирном процессе путем переговоров.

Министры <...> пришли к общему согласию о процессе признания новых государств, которые обязаны:

— уважать положения Устава ООН и обязательства, принятые на основе Заключительного акта, принятого в Хельсинки, и Парижской хартии, особенно в вопросах правового государства, демократии и прав человека,

— гарантировать права этническим и национальным группам и меньшинствам согласно обязательствам, принятым в рамках СБСЕ,

— уважать нерушимость всех границ, которые могут быть изменены только мирным путем и при взаимном согласии,

— признать все соответствующие обязательства, относящиеся к разоружению и нераспространению ядерного оружия, а также к безопасности и региональной стабильности,

¹ Принята 17 декабря 1991 года в Брюсселе на заседании министров иностранных дел стран—членов ЕС. За основу взят проект, представленный Германией и Францией.

— решать все проблемы, касающиеся правового наследия государств и региональных споров, путем переговоров, включая арбитраж в случае необходимости.

ЕС и государства, в него входящие, не будут признавать новообразований, появившихся в результате агрессии. Они будут также учитывать последствия признания соседних государств.

МОСКОВСКАЯ ДЕКЛАРАЦИЯ О ЗАЩИТЕ ИНТЕРЕСОВ МНОГОНАЦИОНАЛЬНЫХ ГОСУДАРСТВ¹

3. Все большее число стран воспринимает международно признанные нормы демократии и верховенство права в качестве базисных составляющих их политических систем, надежной гарантии обеспечения и защиты прав человека.

4. <...> экономические реформы и интеграция в мировое хозяйство на основе равенства прав и обязанностей являются залогом прогресса всех государств.

5. Мир, тем не менее, все еще не свободен от напряженности и насилия <...> Возрастает в особенности опасность со стороны сил агрессивного национализма, религиозного и политического экстремизма, терроризма и сепаратизма, подрыв единства многонациональных государств.

6. <...> Индия и Россия <...> убеждены, что руководящие ориентиры демократических обществ — равенство, уважение закона, соблюдение прав человека, свобода выбора и терпимость — должны быть в равной степени применимы к международным отношениям. В основе последних должны лежать принципы суверенитета, равенства и территориальной целостности государств, невмешательства в их внутренние дела и мирного сосуществования <...>

10. <...> дестабилизация отношений между этническими и религиозными группами, попытки насильственно изменить существующие ареалы их расселения, этнические чистки, поощрение внутреннего и трансграничного терроризма, продиктованные конъюнктурными интересами, — это путь к разрушению всего положительного и конструктивного, что человечество обрело в ходе своей многотысячелетней эволюции.

11. <...> на крупных многонациональных государствах лежит особая ответственность за судьбы миллионов людей. Они [т.е. Индия и Россия] выступают за безусловное соблюдение принципов уважения территориальной целостности и государственного единства как одного из ключевых факторов жизнедеятельности многонациональных государств. <...>

16. Индия и Россия <...> призывают других членов мирового сообщества, международные и региональные организации проявлять надлежащее уважение целостности этих [т.е. многонациональных и поликонфессиональных] государств.

ИЗВЛЕЧЕНИЯ ИЗ ДОКУМЕНТОВ МЕЖДУНАРОДНЫХ НЕПРАВИТЕЛЬСТВЕННЫХ ФОРУМОВ И КОНФЕРЕНЦИЙ

ВСЕОБЩАЯ ДЕКЛАРАЦИЯ ПРАВ НАРОДОВ¹

Раздел 2. ПРАВО НА ПОЛИТИЧЕСКОЕ САМООПРЕДЕЛЕНИЕ

Статья 5. Каждый народ имеет незыблемое и неотъемлемое право на самоопределение. Он определяет совершенно свободно свой политический статус, без какого-либо внешнего иностранного вмешательства.

Статья 6. Каждый народ имеет право освободиться от любого прямого или косвенного колониального или иностранного господства и от любого расистского режима.

Статья 7. Каждый народ имеет право на демократический режим, представляющий всех граждан, без различия расы, пола, верования или цвета кожи, и способный обеспечить действительное соблюдение прав человека и фундаментальных демократических свобод для всех.

АЗИАТСКО-ТИХООКЕАНСКАЯ ДЕКЛАРАЦИЯ ЧЕЛОВЕЧЕСКИХ ПРАВ ИНДИВИДОВ И НАРОДОВ²

<...>

а) все народы обладают основным общепризнанным правом на самоопределение. В силу этого права они свободно устанавливают свой политический статус и свободно осуществляют экономическое, общественное и культурное развитие;

б) на основе права на самоопределение они имеют право на неотъемлемый суверенитет над своими богатствами и ресурсами.

В соответствии с этими правами каждый индивид и каждый народ имеет право:

Статья 1. Право на жизнь.

Никто не должен посягать на этот высший дар. Все индивиды, народы и государства обязаны уважать право всех на жизнь, независимо от расы, религии, пола, национальности, уровня развития.

Статья 2. Право на мир и безопасность в своем коллективе, государстве, на Земле в целом <...>

Статья 3. Право на достойное существование — материальное, духовное, физическое — независимо от расы, национальности, религии, пола, уровня развития <...>

Статья 8. Право на гарантированные условия для гармоничного развития личности человека и самобытности народа.

¹ Принята Алжирской Конференцией 4 июля 1976 года.

² Принята в Нью-Дели 15 февраля 1988 года.

¹ Подписана Президентом РФ и Премьер-министром Индии 30 июня 1994 года в Москве.

Достоинство народа должно уважаться независимо от расы, национальности, религии, уровня развития.

Статья 9. Право на свободу волеизъявления без ущерба правам и свободам других индивидов и народов. <...>

Статья 18. Право отвергать все виды займов, подрывающих национальный суверенитет или развитие, или усиливающих зависимость от иностранного капитала, или усугубляющих социальное неравенство. <...>

Статья 21. Право на всеобщее уважение и соблюдение всех прав и свобод человека и народов для всех, независимо от расы, национальности, религии, пола, уровня развития <...>

ТУНИССКАЯ ДЕКЛАРАЦИЯ О ПРАВАХ ЧЕЛОВЕКА И ПРАВАХ НАРОДОВ¹

Участники встречи <...> провозглашают:

1. Настоятельную необходимость для народов и государств уважать и способствовать соблюдению права на самоопределение народов и национально-освободительных движений, полностью учитывая их национальную, этническую, расовую, культурную и религиозную самобытность <...>

3. Право народов, составляющих общность, в частности палестинского и намибийского, проживать на своей национальной территории, охранять и разрабатывать свои естественные ресурсы и природные богатства и получать возмещение за их любую иностранную эксплуатацию.

4. Непреложное обязательство народов и государств запрещать прибегать к терроризму, в частности к государственному терроризму, без ущерба праву народов и национально-освободительных движений на самоопределение.

5. Право народов и государств жить в мирном международном сообществе <...>

8. Необходимость следить за тем, чтобы осуществление прав народов в любых случаях проходило в полной гармонии с осуществлением прав человека. <...>

12. Важность участия в управлении общественными делами, а также свободного выбора правительства.

¹ Принята в Тунисе 3 декабря 1988 года.

Список литературы

Абашидзе А.Х. Защита прав меньшинств по международному и внутригосударственному праву. М.: Права человека, 1996.

Барсегов Ю.Г. Право на самоопределение — основа демократического решения национальных проблем. Ереван: Айастан, 1989.

Барсегов Ю.Г. Самоопределение и территориальная целостность. М., 1993.

Беляев В.А., Хайруллина Ю.Р. Трансформация российского федерализма и право сецессии // Федерализм — глобальные и российские измерения: Международная научно-практическая конференция. Казань, 1993.

Березный С.В., Егоров С.А., Еришин К.И. и др. Словарь прав человека и народов / Отв. ред. Р.А.Тузмухамедов, В.И.Кузнецов. М.: Международные отношения, 1993.

Богатуров А. Самоопределение наций и потенциал международной конфликтности // Международные отношения. 1992. № 3.

Боннер Е. Новая Европа: права человека или права государства? // Известия. 1992. 4 сентября.

Валеев Д.Ж. Национальный суверенитет и национальное возрождение. Уфа, 1994.

Горовиц Д. Ирредентизм, сепаратизм и самоопределение // Национальная политика в Российской Федерации. М., 1993.

Грос Эспийель Э. Осуществление резолюций Организации Объединенных Наций, касающихся права на самоопределение народов, находящихся под колониальным и иностранным господством. Нью-Йорк: ЭКОСОС ООН, 1980.

Декларация прав человека должна получить гарантии от всех стран / Диалог Галины Старовойтовой и Константина Кедрова // Известия. 1992. 10 августа.

Емельянов Ю. Большая игра: ставки сепаратистов и судьба народов. М., 1990.

Журек О.Н. Самоопределение народов в международном праве // Советское государство и право. 1990. № 11. С.98–107.

Ильин Ю.Д. Международное право и война в наши дни // Московский журнал международного права. 1996. № 1. С.48–62.

Карапетян Л.М. Все ли сказано о самоопределении? // Федерация. 1992. № 35.

Клайн Э. Самоопределение наций: созидание или опасная забава // Общественные науки и современность. 1993. № 2.

Кристеску А. Право народов на самоопределение: Историческое и современное развитие на основе документов. Нью-Йорк: ЭКОСОС ООН, 1981.

Лихачев В.Н. Баланс интересов России и Чечни // Независимая газета. 1996. 10 сент.

Остеруд О. Суверенная государственность и национальное самоопределение // Этнографическое обозрение. 1994. 2.

Решетов Ю.А. Право на самоопределение и отделение // Московский журнал международного права. 1994. № 1.

Сенезе С. Права человека и право народов: два раздельных мира? // Международные отношения. 1991. № 2.

Сперанская Л.В. Принцип самоопределения в международном праве. М., 1961.

Старушенко Г.Б. Не только тушить, но и предупреждать конфликты // Московский журнал международного права. 1997. № 1. С.28–48.

Старушенко Г.Б. Принцип самоопределения народов и наций во внешней политике советского государства: Историко-правовой очерк. М., 1960.

Старушенко Г.Б. Против извращения принципа самоопределения народов и наций // Советское государство и право. 1958. № 1.

Старушенко Г.Б. Суверенитет: как его защищают // Народный депутат. 1990. № 8.

Ступишин В. Свобода выбора и права наций на самоопределение // Международная жизнь. 1991. № 2.

Тузмухамедов Р.А. Национальный суверенитет. М., 1963.

- Тузмухамедов Р.А. Права и свободы народов. Казань, 1995.
- Тункин Г.И. Теория международного права. М., 1970.
- Черниченко С.В. Принцип самоопределения народов: Современная интерпретация // Московский журнал международного права. 1994. № 1.
- Шевцов В.С. Национальный суверенитет: проблемы теории и методологии. М., 1978.
- Энтин М.Л. От урегулирования к предотвращению конфликтов: потребность в превентивной дипломатии // Международные исследования / Ассоциация теории и моделирования международных отношений. 1991. № 1/2.
- Alexander Y., Friedlander R.A. (eds.). Self-determination: national, regional and global dimensions. Boulder, Colo.: Westview Press, 1980.
- Anaya S.J. Indigenous peoples in international law. Oxford: Oxford University Press, 1996.
- Annette J.M. (ed.) The state of Native America: Genocide, colonization and resistance // Race and resistance series. Boston: South End Press, 1992.
- Bassioni M.C. Self-determination and the Palestinians // Proceedings of the American Society of international law. Vol. 65 (1971).
- Benitez J. Self-determination in Puerto Rico // American Society of international law. Proceedings. 67 (1973).
- Beran H. A liberal theory of secession // Political Studies. 1984. Vol.32. N 1. P.21–31.
- Beran H. Who should be entitled to vote in self-determination referenda? // Warner M., Crisp R. (eds.) Terrorism, protest and power. Aldershot: Edward Elgar, 1990.
- Berg J. The rights to self-determination // Public affairs quarterly. Vol. 5. July 1991. N 3.
- Bowing B. The rule of law as an instrument of oppression? Self-determination and human rights // Law and critique. Vol. 1. 1994. N 1.
- Brolmann C., Lefeber R., Zieck M. (eds.) People and minorities in international law. Dordrecht: Martinus Nijhoff Publishers. 1993.
- Buchanan A. Secession: The morality of political divorce from fort Sumther to Lithuania and Quebec. Boulder: Westview Press, 1992.
- Buchanan A. Self-determination and the right to secede // Journal of international affairs. Vol. 45. Winter. 1992. N 2.
- Buchheit L.C. Secession, the legitimacy of self-determination. New Haven: Yale University Press, 1978.
- Cassese A. Self-determination of peoples: A legal reappraisal. Cambridge: Cambridge University Press, 1995.
- Chandra S. (ed.) Minorities in national and international law. New Delhi. Deep and Deep Publication, 1985.
- Clark D., Williamson R. (eds.) Self-determination perspective. N.Y.: St. Martin's Press, 1996.
- Cobban A. National self-determination. Oxford: Oxford University Press, 1945.
- Cobban A. The national state and national self-determination. London: Collins, 1969.
- Corntassel J., Primeau T. Indigenous «sovereignty» and international law: revised strategies for pursuing «self-determination» // Human rights quarterly: A comparative and international journal of the social sciences, humanities and law. Vol. 17. May. 1995. N 2.
- Crawford J. The creation of states in international law. Oxford: Oxford University Press, 1979.
- Crawford J. (ed.). The rights of peoples. Oxford: Clarendon Press, 1988.
- Donnelly D.K. States and substates in a free world: a theory of national self-determination // Nationalism and ethnic politics. Vol. 2. Summer. 1996. N 2.
- Eagleton C. Excesses of self-determination // Foreign Affairs. Vol.31. 1953. July. N 3. P.595–604.
- Emerson R. Self-determination // American Journal of international law. N 65. 1971.
- Emerson R. Self-determination revised in the era of decolonization // Occasional papers on international affairs. N 9. Cambridge, MA: Center for international affairs; Harvard University, 1964.
- Etzioni A. The evils of self-determination // Foreign policy. Winter. 1992/1993. N 89.
- Farley L. T. Plebiscites and sovereignty: The crisis of political illegitimacy. London: Mansel Publishing Limited, 1986.
- French S., Gutman A. The principal of national self-determination // Held V., Morgenbesser S., Nagel Th. (eds.). Philosophy, morality and international affairs: Essays edited for the Society of philosophy and public affairs. Oxford: Oxford University Press, 1974.
- Green L.C. Self-determination and settlement of Arab-Israeli conflict // American Society of international law. Proceedings. 65 (1971).
- Halperin M., Scheffer D. Self-determination in the new world order. Washington: Carnegie Endowment for International Peace, 1992.
- Hannum H. Autonomy, sovereignty and self-determination: The accommodation of conflicting rights. University of Pennsylvania Press, 1990.
- Heater D. National self-determination: Woodrow Wilson and his legacy. N.Y.: St. Martins Press, 1994.
- Heraclides A. Secession, self-determination and non-intervention: in quest of a normative symbiosis // Journal of international affairs. Vol. 45. Winter. 1992. N 2.
- Heraclides A. The self-determination of minorities in international politics. London: Frank Cass, 1991.
- Jacobson J. Notes on self-determination // New politics: A journal of socialist thought. Vol. IV. Summer. 1992. N 1.
- Jennings I. The approach to self-government. Cambridge, Cambridge University Press, 1956.
- Kampelman M. M. Secession and right of self-determination: an urgent need to harmonize principle with pragmatism // The Washington quarterly. Vol. 16. Summer. 1993. N 3.
- Kelsen H. The law of the United Nations: A critical analysis of its fundamental problems. L.: Stevens & Sons Ltd., 1950.
- Kolodner E. Population transfer: the effects of settler infusion policies on a host population's right of self-determination // Journal of international law and politics. Vol. 27. Fall. 1994. N 1.
- Koskenniemi M. National self-determination today: problems of legal theory and practice // International and comparative law quarterly. Vol. 43. April. 1994. Part 2.
- Kritsiotis D. (ed.) Self-determination: cases and crisis: A collection of essays. Hall: Hall University Law School, 1994.
- Lapidoth R. Sovereignty in transition // Journal of international affairs. Vol. 45. Winter. 1992. N 2.
- Lee Van Gott, D. Prospects for self-determination of indigenous peoples in Latin America: questions of law and practice // Global Governance: A review of multilateralism and international organization. Vol. 2. Jan.–Apr. 1996. N 1.
- Macartney W.J. (ed.). Self-determination in the Commonwealth. Aberdeen: Aberdeen University Press, 1988.
- Mayall J. Nationalism and international society. Cambridge: Cambridge University Press, 1990.
- Mayall J. Non-intervention, self-determination and the New World order // International affairs. Vol. 67. July. 1991. N 3.
- McCorquodale R. Self-determination: a human rights approach // International and comparative law quarterly. Vol. 43. Oct. 1994. Part 4.
- McCorquodale R. Self-determination: Beyond the colonial context and its potential impact on Africa // African journal of international and comparative law. Vol. 4. Oct. 1992. N 3.
- Navaratna-Bandara A.M. The management of ethnic secessionist conflict: The Big Neighbour syndrome. Dartmouth, 1995.
- Ongkili J. P. National-building in Malaysia, 1946-1974. Oxford: University Press, 1985.
- Pomerance M. Self-determination in law and practice: The new doctrine in the United Nations. The Hague: Martinus Nijhoff Publishers, 1982.
- Rao M.K. Right of self-determination in the post-colonial era: A survey of juridical option and state practice // Indian journal of international law. 1988. Vol. 28. N 1. P.58–71.

Rigo Sureda A. The evolution of the right of self-determination: A study of the U.N. practice. Leiden, 1973.

Rivlin B. Self-determination and dependent areas // International Conciliation. January. 1955. N 501.

Ronen D. The quest for self-determination. New Haven; London: Yale University Press, 1979.

Schachter O. International law in theory and practice. Dordrecht: Martinus Nijhoff Publishers, 1991.

Shehadi K.S. Ethnic self-determination and the break-up of states // Delphi. Paper 283. December. 1993.

Strang D. From dependency to sovereignty: an event history analysis of decolonization, 1870–1987 // American sociological review. N 55. 1990.

Strang D. Global patterns of decolonization, 1500–1987 // International studies quarterly. 1991. N 35.

Tappe T.N. Chechnya and the state of self-determination in a breakaway region of the former Soviet Union: evaluating the legitimacy of secessionist claims // Columbia journal of translational law. Vol. 34. 1995. N 1.

Thurer D. Self-determination // Encyclopaedia of public international law. Vol. 8. Amsterdam, 1985. P. 470–475.

Tilly Ch. National self-determination as a problem for all of us // Daedalus: Journal of the American Academy of arts and sciences: Reconstructing nations and states. Vol. 122. Summer. 1993. N 3.

Tomuschat Ch. (ed.) Modern law of self-determination. Dordrecht: Martinus Nijhoff Publishers. 1993.

Turnbull C. M. A history of Singapore, 1819–1988. 2-nd ed. Oxford: Oxford University Press, 1989.

Twining W. (ed.) Issues of self-determination. Aberdeen: Aberdeen University Press, 1991.

Verzijl J.H.W. International Law in Historical Perspective. Vol. 1–2. Leiden: Sijthoff, 1968.

Wambaugh S. A monograph on plebiscites: With a collection of official documents. Washington: Oxford University Press, 1920.

Wellman Ch. A defense of secession and political self-determination // Philosophy public affairs. Vol. 24. Spring. 1995. N 2.

Werthner G. Self-determination in Western democracies: Aboriginal politics in a comparative perspective. Westport: Greenwood Press, 1992.

Осипов Александр Геннадьевич, составитель

ПРАВО НАРОДОВ НА САМООПРЕДЕЛЕНИЕ: ИДЕЯ И ВОПЛОЩЕНИЕ

Редактор Л.С.Еремина

Художник И.В.Бороздина

АП № 040781 от 19.09.1996. Подписано в печать 30.09.1997.
Формат 60 × 90/16. Бумага офсетная. Печать офсетная.
Усл. печ. л. 14. Тираж 1500.
Отпечатано ООО Информполиграф. Заказ 475

Просветительско-издательский центр «Звенья»
103051, Москва, Малый Каретный пер., 12.